

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

«**ИНОЦЕНТР**
(Информация. Наука.
Образование)»

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

**Эволюция политической
и правовой культуры России.
Региональные особенности
и влияние европейского фактора**

**Часть 1. Россия-Запад:
истоки политической и правовой культуры**

*Ответственные редакторы:
д. и. н., профессор Б. Н. Ковалев
к. и. н., доцент Е. А. Макарова*

Великий Новгород
2006

УДК 32
ББК 66.3(2Рос)6
Э 15

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *И. Ю. Козлихин*
доктор политических наук, профессор *С. М. Виноградов*

Печатается по решению Совета научных кураторов программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»

Эволюция политической и правовой культуры России. Региональ-
ные особенности и влияние европейского фактора / Отв. ред.
Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова; НовГУ имени Ярослава Мудрого. Ч. 1.
Россия-Запад: истоки политической и правовой культуры. – Великий
Новгород, 2006. – 172 с. (Серия «Научные доклады»; Вып. 3).

ISBN 5–98769–012–9

Для современного российского общества одной из приоритетных задач остается учет национальных особенностей и восприятие мирового опыта в формировании современной политической и правовой культуры. В написании коллективной монографии принимали участие специалисты различного профиля: политологи, юристы, историки, экономисты, что позволило представить многогранность эволюционного процесса политической и правовой культуры России со времен становления русской государственности до начала XXI века.

В первой части монографии выявляются истоки политической и правовой культуры России и Запада, социально-политические и социокультурные факторы ее эволюции, анализируются пути и формы изучения восприятия, трансляции, трансплантации и использования инокультурного опыта; изучается влияние западноевропейских традиций на формирование и развитие российской политической и правовой культуры.

Сборник представляет собой обобщение опыта исследований российской политической и правовой культуры на основе междисциплинарности и может быть использован в преподавании курсов политической истории стран Запада и России, государственно-правовых, международно-правовых и политических дисциплин.

УДК 32
ББК 66.3(2Рос)6

Книга распространяется бесплатно.

ISBN 5–98769–012–9

- © АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2006
- © Новгородский государственный университет, 2006
- © Новгородский межрегиональный институт общественных наук, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Козлов Н. Д.</i> К вопросу об исторических истоках политической и правовой культуры России и Запада	15
<i>Ачкасов В. А.</i> Россия и Запад: образ Запада в формировании российской идентичности	25
<i>Мигущенко О. Н.</i> Генезис правового сознания как основа эволюции правовой культуры	39
<i>Якубовская И. В.</i> Трансляция либеральных ценностей и диалог культур в исторической науке Англии и России второй половины XIX в.	51
<i>Макарова Е. А., Кулагин Р. А.</i> Восприятие политико-культурных реалий Западной Европы представителями российской элиты в первой четверти XIX века.....	83
<i>Ланцов С. А.</i> Либеральная и социалистическая традиции в политической мысли дореволюционной России: социально-политические и социокультурные факторы эволюции	96

<i>Васильева Н. А.</i>	
Особенности участия России в процессе «прогрессирующей вестернизации»	139
<i>Барыгин И. Н.</i>	
Региональный имидж как феномен политической культуры	145

Предисловие

Предлагаемый читателю труд посвящен проблемам эволюции политической и правовой культуры. Для современного российского общества одной из приоритетных задач остается учет национальных особенностей и восприятие мирового опыта в формировании современной политической и правовой культуры. Россия, безусловно, является частью европейского политического пространства и анализ восприятия российской политической элитой и общественным мнением страны западноевропейских влияний предполагает изучение инокультурного опыта. Вместе с тем, очевидно, что политическая и правовая культура есть часть общей культуры общества, что предполагает учет национальных и региональных особенностей и исторической традиции России.

Конечно, основное внимание авторов оказалось сосредоточенным на вопросах развития названных практик в России. Но, и это принципиально важно подчеркнуть, предмет исследования в действительности шире. Эволюция политической и правовой культур в России рассматривается как весьма своеобразный, характеризующий именно практику страны путь, однако авторы стремятся обнаружить и показать связи правовой и политической культур в России с политическими и культурными стандартами в Европе. Разумеется, и для самой Европы, как и всего мира, характерны культурные различия. Но было бы принципиально неверным замыкаться на анализе только культурных различий, культурного своеобразия той или иной страны. Бесспорно, культурных универсалий, даже сегодня, не так уж много («не убий», запрет кровосмешения), однако между различными

культурными и политическими практиками возможно сходство и даже элементы подобия. В целом же, анализ культурных различий и сходств оправдан и полезен еще и тем, что именно в ходе сравнительного исследования добываются сведения, которые могут оказаться чрезвычайно полезными для развития и укрепления связей между странами. Сегодня вряд ли кто будет спорить с тем, что и бизнес? и политика, реализуемые в данной стране представителями другой, обречены на провал, если не учитываются ее культурные и политические стандарты. Поскольку одни и те же организационные формы, господствующие в современном мире, например капитализм в экономике или демократия в политике, совершенно по-разному проявляются и действуют в контексте разных (локальных) культур. При этом локальная культура может оказывать сопротивление (этноцентризм) или встать на путь толерантности (второе вовсе не означает непереносимые и существенные потери для локальной культуры).

При рассмотрении проблем эволюции политической и правовой культуры авторы стремились избежать упрощенных подходов, утверждающих неизбежность и неотвратимость социальных изменений, их как бы заданность по определенному сценарию, и внимательно отнеслись к роли активной человеческой деятельности. В качестве рабочего было принято следующее определение: под социальной эволюцией необходимо понимать любые необратимые перемены социальной системы, рассматриваемой как целостность. Если в какой-либо системе (обществе, его подсистемах) возникают новые составные элементы либо возникают новые отношения между составными элементами системы или исчезают ранее существовавшие отношения, то можно полагать, что система изменяется. Если изменения, происходящие в какой-либо подсистеме общества, приводят к дифференциации и обогащению ее состояния (составных элементов), то тогда все это означает, что подсистема эволюционирует (развивается).

Известно, что существует множество различных определений культуры. Американский социолог Клайд Кларкхон собрал более двухсот дефиниций культуры, которые составили целый том. Сам он определял культуру как исторически сложившуюся систему способов жизни, которую склоны разделять и поддерживать все члены общества. Это интересная и, с точки зрения социологического взгляда, возможно, наиболее приемлемая дефиниция. Однако это определение оставляет в тени такие важные характеристики культуры, как произведенные умом и руками человеческими предметы материального порядка, в которых оказывается представленным существо (логос) человеческого (коллективного) существования.

Культура – это всегда результат напряженной работы человеческого духа, причем это такая напряженная работа духа, которая может состояться только в условиях социума, коллектива. Э. Дюркгейм, раскрывая природу культуры, писал, что когда индивиды не остаются обособленными друг от друга, а вступают в тесные взаимоотношения, активно воздействуют друг на друга, из их синтеза (взаимоотношений) рождается психическая жизнь особого рода. Она отличается от той жизни, которую ведет одинокий индивид, прежде всего своей особой интенсивностью. Чувства, рождающиеся и развивающиеся в группах, обладают энергией, которой никогда не достигает чисто индивидуальные чувства. У человека, испытавшего их, возникает впечатление, что он находится во власти сил, которые ему не принадлежат, управляют им. Он чувствует себя как бы перенесенным в мир, отличный от того, в котором протекает его частная жизнь. Существование в ней не только более интенсивно, оно отличается качественно. Увлекаемый группой, обществом, индивид забывает о себе, отдаваясь общим целям. Именно в моменты эмоционального возбуждения такого рода во все времена создавались великие идеалы, ценности, на которых базируется цивилизация.

Н. А. Бердяев писал, что культура во всех ее проявлениях, есть, прежде всего, культура духа, любая культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы над природными и социальными стихиями. Во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления созданы, или, если они существовали ранее, возделаны человеком. Если иметь в виду культуру в высшем смысле этого слова, речь должна идти не об объектах простого желания, но о благах, к оценке которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живем.

Культура – это то, что обеспечивает не только чувственное удовлетворение или наслаждение, но и слаженные действия множества людей в обществе. И в этом смысле культура, культурные правила – залог единообразия человеческой практики, ее интерпретации людьми.

Отмеченное не следует понимать в том смысле, что культура есть нечто застывшее, раз и навсегда заданные алгоритмы мышления или поведения людей в обществе. Культура сопровождает и в определенной степени даже обеспечивает динамику социальной жизни. И поскольку социальная жизнь не стоит на месте, то способны изменяться и культурные стандарты, реагируя на эволюцию существа коллективной жизнедеятельности и тем самым как бы провоцируя позитивные изменения в обществе.

Культура прежде всего представлена нравственностью, религией, правом, политикой, т. е. культура включает в себя нравственные, религиозные правовые и политические ценности и нормы, а также материальные блага, произведенные членами общества.

Ценности (культурные) помогают выбору и постановке целей, объяснению смысла человеческого существования и жизнедеятельности. Нормы содействуют выбору адекватных способов, методов движения к намеченным целям.

Политическая культура – часть общей культуры общества. Поэтому в политической культуре воплощается осмысленный, усвоенный и овеществленный опыт взаимоотношений общества, личности и властных структур, востребованный в конкретной исторической ситуации. Политическая культура исторически и социально связана с политической традицией, системой ценностей, идей и особенностей политического поведения, обеспечивающих преемственность политической жизни общества. Она формируется и проявляется в процессе политической жизни.

Сравнительно-исторический подход к изучению политических культур предполагает как выявление национальных особенностей институтов даже однотипных политических культур, так и обусловленных национальным историческим опытом способов интеллектуального осмысления мира, традиций и привычек, закрепленных в культуре и языке (менталитета).

Политическая культура, какое бы ее определение мы не принимали, в любом случае является сложной системой, существующей в определенных временных и пространственных координатах, которые необходимо учитывать в ее исследованиях. Основными пространственными координатами культуры являются: степень ее распространения – в региональных, национальных или цивилизационных границах; полнота и формы реализации типологических признаков; упроченность в этническом менталитете и характер проявлений на уровне личностной ментальности.

Внесение (поддержание) единства в практику людей, слаженности и лада в действия людей, все это – едва ли не основная функция культуры. При этом возможно как разнообразие, так и появление новых культурных правил. Право, как составляющая культуры, выполняет такую функцию, служит этой цели. Искать характеристики эволюции правовой культуры – значит проследивать, насколько успешно право реализует обозначенную выше основную функцию культуры. Говорить о правовой культуре, ее эволюции означает необходимость показа того, как потенциал права все более разнообразно и качественно реализуется в этом направлении, т. е. в обеспечении единообразия в мотивации и выборе моделей поведения,

слаженности во взаимодействиях людей, в их интерпретациях правовых ценностей и социальной практики.

Таким образом, можно думать, что культура является одной из форм, в которой в той или иной мере оказывается представленной культура общества. Согласие с таким выводом требует при исследовании правовой культуры соблюдения методологического принципа: изучение правовой культуры должно опираться на базовые понятийные характеристики культуры общества.

С другой стороны, важно констатировать теснейшую связь правовой культуры с правом, понимать эту связь в том смысле, что интерпретации правовой культуры в отрыве от состояния законодательства, юридических отношений, правового персонала, «обычных» субъектов права оказываются пустыми и потому безжизненными. И прежде всего потому, что те или иные свойства, характеристики законодательства, субъектов права способны выступать элементами самой правовой культуры. В этом смысле правовая культура способна пронизывать правовые явления, представлять социально-качественную сторону их существования и функционирования.

Правовая культура, это, прежде всего правовые ценности (права человека, идея конституции, идея юридической определенности личности и др.), которые обеспечивают выбор и постановку целей; нормы, которые помогают выбору адекватных способов, методов преследования намеченных целей. Откуда, однако, они берутся, эти самые ценности и нормы? Очевидно, что не спускаются с неба, они должны быть произведены самими людьми, их объединениями. Выработка названных выше и иных ценностей (например, идеи конституции и самой конституции) свидетельствует об эволюции правовой культуры в человеческом обществе. Понятно, что одни общества преуспели в этом направлении больше, другие меньше, третьим пока вообще не удалось чего-нибудь в этом направлении добиться. И это одно из важнейших направлений эволюции правовой культуры (выработка, производство правовых ценностей и норм).

Если говорить о России, то в историческом плане можно, пожалуй, говорить о производстве нескольких идей (эволюции правовой культуры). Во-первых, идея юридической определенности личности (Россия просто выстрадала эту идею, в ее же реализации она пальму первенства уступила). Во-вторых, идея С. А. Муромцева, которая еще полностью не оценена и не востребована. Речь идет о том, что гражданско-правовой порядок есть ступень в последовательном развитии социального порядка вообще.

Эволюция политической и правовой культуры может выражаться в усвоении, например, идеи парламентаризма и профессионального законо-

творчества. Что, собственно, можно наблюдать сегодня и в нашей стране. И это, пожалуй, наиболее очевидное и чрезвычайно важное развитие правовой культуры.

Однако далеко не каждый день рождаются и утверждаются значительные правовые идеи-ценности. Поэтому, чтобы понять эволюцию правовой культуры, так сказать, во всех аспектах, необходимо обратиться к практике реализации культуры, культурных стандартов. Это чрезвычайно важный второй аспект, который может показать насколько, в какой мере субъекты права, действуя, реализуют (или торпедируют) выработанные и даже отвоеванные правовые ценности. И если те или иные правовые ценности и нормы можно получить (скажем, у прежних поколений) или разумно позаимствовать у других практик, то реализацию культурных правил позаимствовать нельзя. Ее надо выработать. Эволюция правовой культуры, вообще судьба правовой культуры зависит именно от практик реализации правовых ценностей и норм.

В этом смысле сегодня в нашей стране можно найти позитивные сдвиги и можно говорить об эволюции политической и правовой культуры. Например, Конституция РФ, с ее пусть и несколько расширенным порядком прямого действия ее норм, нотариальная практика, обеспечивающая реализацию важных правовых ценностей и норм. В какой-то мере можно говорить об эволюции правовой культуры в сфере адвокатской практики.

Но в значительно большей мере юридическая практика тормозит или искажает осуществление правовых ценностей и норм и тем самым сдерживает эволюцию правовой культуры в нашей стране. Причем в этой роли выступают не только профессиональные юристы и чиновники, скажем, судьи, но и сами граждане. Именно в этом случае единство, единообразие, в смысле следования каждым единым правилам игры, установленным законом, претерпевают самые серьезные испытания ... и не выдерживают их. Бесчисленное множество примеров лежит буквально на поверхности. Что касается граждан, то самыми серьезными бастионами здесь выступают правовой нигилизм и буквально повальное уклонение, нежелание людей вкладывать себя, тратить свою энергию в предусмотренную законом форму защиты собственных субъективных прав и свобод, которые оказались нарушенными.

Нет сомнений в том, что в российской политической и правовой культуре были и остаются характеристики, интенсивность проявления которых, в общем-то, не характерна для западной цивилизации. Юридическая неопределенность личности в течение многих веков в России, страна значительно позднее западных стран вступила на путь конституционного

развития, профессиональное правосудие, да и юридическая наука, появляются в России также с большим опозданием, тотальный правовой нигилизм и др. Признавая все это, зададимся, однако, вопросом: разве в Западной Европе не было и нет правового нигилизма? Разве правосудие, возникшее там на несколько веков ранее, нежели в России, уже «возделало» справедливость и воздает каждому по справедливости? Разве на Западе, даже сегодня, проблема уважения к своим правам, нацеленности на их использование и защиту, а также уважительного отношения к правам другого, разве все это уже пройденный этап? И каждому французу, немцу, итальянцу сегодня вполне присуще чувство должного права и ясное ощущение правового идеала? А также убежденность в том, что все должно происходить (и происходит) в соответствии с правом (законом)?

Материалы проведенных на Западе исследований вряд ли можно рассматривать как однозначно подтверждающие положительный ответ на поставленные выше вопросы. В них можно обнаружить выводы, согласно которым общественно полезные, служащие основой социального порядка, «очевидные» функции права остаются для субъектов права латентными. За счет того, что на передний план право выступает в образе, отдаленном от повседневной жизни и практики, противостоящем человеку как непонятный, а потому недоступный, отчужденный порядок, как судебный приговор, как язык бюрократии.

Именно поэтому имеются определенные основания для вывода о том, что подходить к политической и правовой культуре России как имеющей разительные отличия от аналогичной культуры западных стран достаточных оснований нет. Все дело в особой интенсивности проявления в ее правовом развитии некоторых факторов, тормозивших длительное время такое развитие. Что не могло не сказываться на эволюции правовой культуры не только населения, но и власти. Но это также может означать, что перспектива правового развития у страны более очевидная и, по видимому, более определенная.

В написании коллективной монографии принимали участие специалисты различного профиля: политологи, юристы, историки, экономисты, что позволило представить многогранность эволюционного процесса политической и правовой культуры России со времен становления русской государственности до начала XXI века. В создании книги принимали участие не только отечественные авторы, но и ученые из университетов других государств (Республики Беларусь и Латвии). Это позволило рассматривать поставленную проблему не только в темпоральном, но и в пространственном аспекте.

В первой части монографии авторы выявляют истоки политической и правовой культуры России и Запада (Н. Д. Козлов, В. А. Ачкасов), социально-политические и социокультурные факторы ее эволюции (С. А. Ланцов, Н. А. Васильева), анализируют пути и формы изучения восприятия, трансляции, трансплантации и использования инокультурного опыта в российской политической и правовой культуре (И. В. Якубовская, Е. А. Макарова, Р. А. Кулагин, И. Н. Барыгин), выделяют факторы, детерминирующие правовое сознание как основы эволюции правовой культуры (О. Н. Мигущенко)

Влияние европейского фактора на формирование и развитие постсоциалистического общества (тематика второй части монографии) исследуется через изучение правовых основ интеграции нашей страны в Европу (А. С. Карцов, В. В. Войников, С. А. Осипова), влияния международно-правовых обязательств России и практики европейских организаций на систему российского права (В. В. Грохотова, Г. В. Моховикова, А. В. Клемин), а также отдельных аспектов реформирования законодательной и судебной системы постсоциалистических государств (О. Н. Пугачев, Я. Ладзиньш, В. С. Соркин)

Отдельный раздел представленной работы (третья часть) посвящена эволюции государственных институтов как фактору развития политической и правовой культуры. Анализируется процесс становления российского конституционализма (Б. Н. Ковалев, О. А. Яковлева), изучаются проблемы государственно-правовой эволюции (Н. С. Нижник) раскрывается институционно-деятельностный аспект органов правопорядка (А. В. Седунов, М. А. Алексеева, Т. Н. Наумова), исследуется формирование культуры самоорганизации российского общества и зачатков местного самоуправления (А. С. Туманова, А. А. Сафонов); выделяются региональные особенности политической и правовой культуры нашей страны (В. А. Аракчеев, С. Ю. Седунова, С. В. Кулик).

Представленная коллективная монография «Эволюция политической и правовой культуры России. Региональные особенности и влияние европейского фактора» представляет собой обобщение опыта исследований российской политической и правовой культуры на основе междисциплинарности и может быть использована в преподавании курсов политической истории стран Запада и России, государственно-правовых, международно-правовых и политических дисциплин.

*Ю. И. Гревцов
Е. А. Макарова*

Н. Д. Козлов

К вопросу об исторических истоках
политической и правовой культуры
России и Запада

История России имеет общие основы с другими мировыми цивилизациями. Но процессы общественного развития России имели своеобразие. Они проявились в особенностях исторических корней нашего государства, его возникновения, геополитического положения, гипертрофированной роли в обществе, своеобразии аграрно-феодально-крепостнической системы и индустриального развития, особой колониальной политике, многонациональности, русском характере культуры, духовной сферы, менталитета народа, исключительных природных богатствах. Общеизвестна и роль России в развитии мировых цивилизаций. Она изначально стала связующим звеном между Западной и Восточной цивилизациями. Россия не разделяла, а сближала, связывала их многочисленными нитями. В то же время российское общество впитывало в себя достижения других цивилизаций, приспособлявая их к своим особенностям.

Российская ментальность, особенности морально-психологического склада и нравов политической и правовой культуры обу-

словлены различными факторами, действовавшими на протяжении столетий.

Эта проблема является сложной, объемной и небесспорной. Выделим лишь отдельные моменты.

Определенная специфика политической и правовой культуры России обусловлена, как считает В. С. Поликарпов, уникальностью отечественной культуры.

Во-первых, характерной чертой отечественной культуры является двоеверие, представляющее собой сочетание христианской веры в ее православном варианте и крепких славянских языческих обычаев. С крещением Руси языческие боги ушли, а язычество в своих земледельческих и бытовых формах живо до сих пор.

Во-вторых, другой характерной чертой российской культуры, доставшейся ей в наследство от Московской Руси, выступает «татарщина», т. е. азиатский деспотизм в отношениях государя и его подданных, который пронизывал все сферы жизни¹.

Н. А. Бердяев, характеризуя специфику России, ее духовные особенности, отмечал присущую ей противоречивость. Геополитическое положение, воздействие противоположных цивилизационных ценностей и особенности исторического развития сформировали в национальном характере на протяжении веков склонность во всем доходить до крайностей, до пределов возможного. В русском характере сочетаются любовь к людям с жестокостью, жажда абсолютной свободы с покорностью, жертвенность и мятежность, смирение и подчинение государственному интересу. Он предпочитает страдательные реалии, ему присущи доброта и уживчивость, стойкость и отвага и вместе с тем неустойчивость и нерасчетливость, недостаточная организованность и отсутствие чувства меры, стихийность, склонность создавать искусственные препятствия, порождать трудности.

С. М. Соловьев отмечал, что природа страны оказывает влияние на народный характер. В неблагоприятных климатических условиях, среди небогатой, скудной на свои дары природы, требующей постоянного напряжения и нелегкого труда, характер и нравы народа более суровые. Поведение северного русского народонаселения, ставшего ядром российской государственности, характеризовалось постоянством в достижении цели, настойчивостью и стойкостью. Это не исключало проявления предками враждебности, насилия, жестокости².

Суровые природно-климатические условия, сжатый цикл полевых работ и цикличность хозяйственной деятельности и ритма жизни, отсутствие гарантированных урожаев формировали тип людей с противоположными свойствами и настроениями, людей, способных к «шараханию» из одной крайности в другую. Расслабленность и социальная апатия сочетались у них с напряженностью, чувством мобилизационной готовности и бунтарской импульсивности. Наряду с другими причинами, подчеркивал В. П. Булгаков, «это порождало привычку к взаимному насилию»³.

Россия расположена между двумя типами мировых цивилизаций – Западной и Восточной. Она связывала и разделяла их, постоянно испытывала их давление и воздействие. Срединное положение на стыке Европы и Азии, незащищенность границ естественными преградами использовались соседними государствами и народами для вторжения.

Для защиты Отечества на протяжении веков требовались огромные морально-психологические и материальные ресурсы. В целях независимости страны и народа возрастала роль государства, ожесточалась внутренняя политика, подавлялась свобода народа. За время существования Руси в общей сложности только три века были мирными. С 1055 по 1462 гг. С. М. Соловьев насчитал 245 известий о нашествиях и военных столкновениях. В период от Куликовской битвы 1380 г. до Брестского мира 1918 г., т. е. за 537 лет, Россия провела в войнах 334 года⁴.

Длительное монголо-татарское иго нанесло непоправимый ущерб стране и народу, численность которого резко сократилась, усилило княжеское единовластие с признаками азиатского деспотизма. Вынужденное длительное общение с завоевателями сказалось на бытовой культуре, нравах и национальном характере. Завоеватели привнесли в общественную жизнь, нравы и черты грубости и жестокости. Длительное время перед народом стояла задача – выжить в условиях иноземного ига, выжить любой ценой – ценой обмана врага, лицемерия и заискивания перед ним, долготерпения и смирения перед насилием и жестокостью. Все это оказывало вредное влияние на морально-психологические качества и характер народа. Опасаясь за женщин, мужчины вынуждены были их прятать, а их уход с арены общественной жизни способствовал огрублению нравов. Русь переняла восточную, более жестокую систему наказаний. Характеризуя морально-психологические последствия

монголо-татарского ига и феодальных усобиц, В. О. Ключевский подчеркивал, что «В опустошенном общественном сознании оставалось место только инстинктам самосохранения и захвата, ужас одичания и братского озлобления»⁵.

На характер и нравы разных слоев народа, политическую культуру наложили глубокий отпечаток деспотизм и насилие, сформированные и многовековыми крепостническими отношениями. Правеж вместо права и кнут в качестве наказания, телесные насилия и разнообразные надругательства над людьми были распространены повсюду и развращали всех. С отменой крепостного права в течение почти полувека телесные наказания продолжали применяться в отношении крестьян, бродяг, штрафных солдат, заключенных, каторжников и ссыльнопоселенцев. Несмотря на их официальную отмену в 1904 г., они продолжали применяться в различных частях страны. Насилие и рукоприкладство являлись распространенным атрибутом обыденных отношений, что не прошло бесследно для общественных нравов.

Глубокие размышления о морально-психологических последствиях применения насилия и жестокости оставил М. Горький, который писал, что «Пора понять, что самый страшный враг свободы и права – внутри нас, это наша глупость, наша жестокость и весь тот хаос темных, анархических чувств, который воспитан в душе нашей бесстыдным гнетом монархии, ее циничной жестокостью». К тому же, отмечал писатель, политическая борьба возбуждает «весьма темные инстинкты», грозит искривлением психики, способствует росту «ядовитой вражды, злых подозрений, бесстыдной лжи, клеветы, болезненных честолюбий, неуважения к личности»⁶.

Выдающийся русский историк В. О. Ключевский считал всю внутреннюю политику самодержавия на протяжении XIX в. объективно провоцировавшей общественное недовольство. Это недовольство, по его мнению, «поддерживалось неполнотой реформ или недобросовестным, притворным их исполнением»: правительство «давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем первые ее проявления, и потом накрывало и карало неосторожных простаков», «прежде так или этак вылавливали подпольных крамольников, теперь и так и этак загоняли открытую оппозицию в подпольную крамолу»⁷.

Недостаточность проводившихся реформ, их замедленность и непоследовательность, предпочтение репрессиям – все это, по мне-

нию либеральной интеллигенции, провоцировало рост насилия и революционного движения, порождало сочувствие ему в обществе.

Взаимное ожесточение революционеров и правительства крайней степени достигло во время первой революции. Революционный террор и террор в защиту самодержавия взаимно подпитывали друг друга. В течение только 1906 г. было убито 708 и ранено 820 представителей власти. Черносотенцы призывали «сторонников порядка и закона» на террор революционеров отвечать «террором вдесятеро», убивая «главарей крамолы». Погромное движение, направленное против евреев, студентов, забастовщиков и всех, кого толпа произвольно причисляла к «крамольникам» в 1905 г., прямо и косвенно поощрялось местными властями и духовенством. Нередко в погромах участвовали полиция и даже войска. В течение двух недель после опубликования Манифеста 17 октября от рук погромщиков погибло 1 600 человек и 3 500 было ранено. Из 1 860 человек, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных «за проявления нечеловеческой жестокости», 1 713 были впоследствии помилованы⁸.

Подавив революцию, правительство установило в стране режим репрессий. 65 губерний и областей страны были объявлены на положении чрезвычайной охраны, а в 25-ти было введено военное положение, свирепствовал террор, заседали военно-полевые суды. В 1907–1909 гг. по политическим делам было осуждено 26 тыс. человек. Только в 1908 г. число смертных казней в России в 21 раз превысило их количество во всех европейских странах. Всего с июля 1901 г. по июль 1909 г. в России было репрессировано 1,5 млн. человек, не считая членов их семей. В тюрьмах истязали как осужденных, так и подследственных. Их секли розгами, били плетью, посыпая рубцы солью, топтали ногами, вырывали волосы, кормили селедкой и не давали пить. С протестами против репрессий правительства выступили известные писатели Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, Л. А. Андреев, М. М. Пришвин, около 500 прогрессивных деятелей Европы⁹. 80-летний Л. Н. Толстой в статье «Не могу молчать» обличал насилие и предупреждал правительство о тяжелых морально-психологических последствиях его применения: «Эти насилия и убийства, кроме того прямого зла, которое они причиняют жертвам насилий и их семьям, – писал он, – причиняют еще большее, величайшее зло всему народу, разнося быстро распространяющееся, как пожар по сухой соломе, развращение

всех слоев русского народа»¹⁰. Некоторые чиновники и юристы также выступили с осуждением жестокости и насилия со стороны правительства. «В водворении порядка нерушимости прав, неприкосновенности личности и устранении произвола в управлении нужно искать оплота государственности и культуры, а не в развращающем обществе пролитии крови человека, – писал в последствии член Государственного Совета Н. С. Таганцев. – Горе тем, кто питает вражду и ненависть и будит в человеке зверя, будут ли это революционные безумцы, будут ли это мнимые охранители отжившего строя»¹¹.

Первая мировая война, утверждал известный социолог П. Сорокин, уничтожила те тормоза в поведении, которые сдерживали необузданное проявление чисто биологических импульсов, укрепила и привила злостные акты¹². Война обесценила человеческую жизнь, дегуманизировала общественное сознание, посеяла вражду и злобу, склонность к разрушительным актам и, как впоследствии писал Н. А. Бердяев, сформировала «новый душевный тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе... У людей этого типа иная поступь, иные жесты, ... мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадательности. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость»¹³.

Мировая война усилила жестокость нравов и породила все то насилие, что выплеснулось после нее, поддерживая огонь гражданской войны. «В стране творилось что-то невообразимое. Газеты того времени переполнены ежедневными сообщениями с мест с многоговорящими заголовками: Анархия, Беспорядки, Погромы, Самосуды и т. д., – характеризовал атмосферу 1917 г. А. И. Деникин. – Огромная усталость от войны и смуты, всеобщая неудовлетворенность существующим положением, неизжитая еще рабья психология масс»¹⁴.

Террор был везде и с обеих сторон – революции и контрреволюции. У обеих сторон были концлагеря, обе стороны брали заложников, одни сдирали живьем кожу с пленных коммунистов, четвертовали и колесовали их, вырезали целые поселки и деревни, а другие расстреливали по принципу классовой принадлежности. Похожее происходило и в других странах. Германские власти расстреляли восемь тысяч своих же военнопленных, зараженных «интернациона-

лизмом». Не менее кровавые дела творили в Сибири чехословаки, которые перед взрывом мостов ставили на них вагоны с пленными, брали заложников, создавали тюрьмы и концлагеря, прибегали к массовым расстрелам красногвардейцев, женщин и детей.

В городе Лахте за один день было расстреляно 158 женщин. В июле число расстрелянных, по данным финских газет, перевалило за 20 тысяч человек. Расстреливали всех подозрительных, особенно военных. Не щадили и школьников, расстреляв полностью выпускной класс в русском лицее¹⁵. После взятия Выборга, в первый день, без суда было расстреляно четыре тысячи красногвардейцев. Несмотря на то, что жители этого города – поляки – во время войны симпатизировали белым, с ними расправились на том основании, что они были славянами¹⁶.

Не гнушались террором на российской территории правительства Англии, Франции, США, Японии и других стран.

В годы гражданской войны и интервенции в боях, а также от голода, болезней, белого и красного террора погибло восемь миллионов человек. Около двух миллионов человек были вынуждены эмигрировать. Под воздействием небывалой жестокости братоубийственной войны деформировалось общественное сознание, в котором уживались вера в светлые идеалы и во всемогущество насилия, революционный романтизм и пренебрежение человеческой жизнью. Она сформировала «человека в сапогах», приученного повиноваться, беспрекословно подчиняться дисциплине, предпочитавшего меры принуждения, а не убеждение, апробировала практику огульных репрессий, сформировала и внедрила в общественное сознание образ врага. Все это подготовило благодатную почву для режима личной власти и массовых политических репрессий.

Каждая эпоха и каждый народ вырабатывают свою меру допустимого и навязывают человеку соответствующий характер их оценки и поведения. Приемы и методы деятельности людей и общественных сил уходят корнями в прошлое, в реальный опыт и настроения времени. Российская государственность исторически «обесценила человеческую жизнь, создала систему подавления всевозможных запретов, ханжеской морали», – считает известный писатель В. Ерофеев. Люди, которые долго живут под жестоким государственным прессом, формируют в себе соответствующие ценности, образцы и нормы, которые применяют в общественной жизни. Исторически формировалось пренебрежение к юстиции,

расчет на право сильного. Прямое насилие и карательные акции служили главным инструментом управления, отсутствовала сфера правовых гарантий, а в XX в. были разрушены прежние представления о морали, традиционные нравственные нормы.

В-третьих, не менее важной чертой российской культуры является религиозность, возникшая в глубине российской культуры. Весь уклад жизни различных слоев русского общества был пропитан религиозным, правовым мировоззрением.

По мнению историка и политолога Н. А. Нарочницкой, общность и различие России с Западом связано, прежде всего, с общим принятием христианства и с разным отношением к его сути. Эти отличия порождают особые понятия чести и долга перед Богом и людьми, закладывают основы государственной идеи, системы права и политические институты, содержание понятий свободы, прав, этики экономической деятельности и взаимоотношений собственности и мотивации к труду и богатству.

В западной интерпретации, основанной на латинском христианстве, Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Сына, божественное утверждается в человеке изначально. Это автоматически возвышает абстрактную личность, любую, без указания на нравственное использование ее свободной, Богом дарованной воли. В Православии Святой Дух исходит от Бога Отца, но только через сына, Божественное осеяет любого человека, но путь к Благодати достигается через силу собственного духовного опыта. Поэтому ценится нравственный поиск личности, оставляя надежду всякому.

В первом случае неизбежно постепенное размывание критериев добра и зла, порока и добродетели, нравственности и безнравственности, индивидуальное толкование критериев праведности и неправедности, к массовому отчуждению. В конечном итоге это формируется в идею правомерности любых проявлений личности, если они только не мешают другим. Эпоха научно-технического прогресса обеспечивает во все возрастающей мере возможность не «мешать другим» (критерии исключительно рационалистические и материальные), даже поступая, по сути, неправедно, эти явления принимают массовый характер.

Для русского же правосознания, считает исследовательница, всегда было характерно стремление жить не столько по Праву, сколько по Правде. Выполнение нравственных норм, ставших правовыми, было не более обязательным, чем написанных, ибо грощ

цена нравственному поведению, которого придерживаться надо лишь под страхом уголовного наказания¹⁷.

В-четвертых, в XVIII в. начались качественные изменения в ментальности русского общества, приведшие к перевороту в духовных основах российской цивилизации. Реформы Петра I раскололи русское общество, привели к образованию двух разных укладов, которые В. О. Ключевский охарактеризовал как «почва» и «цивилизация». Первый сложился в условиях Московского государства, и в нем господствовала общинно-корпоративное устройство, отношения подданства. С этим укладом была связана подавляющая масса населения – крестьянство, которое в повседневной жизни руководствовалось православными идеалами и общинной демократией. В этой среде господствовали коллективизм, уравниательные принципы социальной справедливости. Все стороны почвенного уклада определяло русское православие, которое призывало сосредоточиться на духовной стороне, смиренно нести свой крест. Смирение, жертвенность, терпимость и всечеловечность, утонченный мистицизм являлись нравственным идеалом.

Для этого уклада характерна неразделенность гражданской и религиозной сфер жизни. Мировоззрение здесь определялось русским православием и традициями общности.

Второй уклад был западного типа. Он насаждался и контролировался государством и был представлен грамотной и активной частью населения. В нем началось формирование классовой структуры, развивалось предпринимательство, появилась профессиональная интеллигенция. Мировоззрение этой части населения становилось рациональным. Их общественные идеалы формировались под влиянием европейского образования, европейских мыслителей. Наиболее ярко это проявилось в XIX в., когда Россия значительно продвинулась по западному пути. Однако процесс рационализации сознания и индивидуализации общества сдерживался корпоративностью и мощным государством. Культура западного уклада подпитывалась богатейшей, уникальной культурой «почвы».

Резкая европеизация общественной верхушки, начатая Петром I, оторвала ее от народной массы, разрушила религиозно-моральное и общественно-бытовое единство народа.

Формально отстаивая законность, справедливость и правовой порядок, Петр I, его последователи, российское чиновничество

мало уважали личное достоинство окружающих, попирали законы и проявляли жестокость.

Таким образом, в рамках одной страны сосуществовали два общества, обладавшие разными ценностями и идеалами, тяготевшие к разным путям развития страны.

Расколотость России, противостояние двух России – один из важнейших факторов, определявших развитие страны в XVIII–XX вв. Все другие противоречия накладывались на этот глубинный раскол. Противостояние двух укладов сопровождалось постоянной угрозой нарушения общественного согласия и скатывания к гражданской войне¹⁸.

- ¹ *Поликарпов В.С.* История нравов России. Восток или Запад? Ростов-н-Д: Феникс, 1995. С. 5.
- ² *Соловьев С. М.* Сочинения в 18 т. Т. 1. М., 1988. С. 73; Т. 16. С. 31–38.
- ³ Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 158.
- ⁴ *Никольский Б.* Войны России // Наш современник. 1991. № 5. С. 182–184.
- ⁵ *Ключевский В. О.* Сочинения. В 8 т. Т. 2. М., 1958. С. 43.
- ⁶ *Горький М.* Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 83–113.
- ⁷ *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 9. М., 1990. С. 341–343.
- ⁸ *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992. С. 54–56, 81, 82.
- ⁹ *Горелов И. Е.* Большевики в период реакции (1907–1910). М., 1957. С. 21–24.
- ¹⁰ *Толстой Л. Н.* Не могу молчать. М., 1985. С. 445.
- ¹¹ Цит. по: Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1996. С. 170.
- ¹² См.: *Сорокин П. А.* Статьи разных лет. Состояние русской социологии 1818–1922. М., 1994. С. 458–459.
- ¹³ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101.
- ¹⁴ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 106, 116.
- ¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1990. 14 сент; 1994. 24 марта.
- ¹⁶ *Совесть.* 1991. № 10 (20). С. 3.
- ¹⁷ *Нарочницкая Н. А.* Россия и Европа. Исторический и геополитический подход // Наш современник. 1993. № 9. С. 96–97.
- ¹⁸ См.: *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. М., 1991. С. 245–246; *Семенникова Л. И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995. С. 186–194.

В. А. Ачкасов

Россия и Запад: образ Запада в формировании российской идентичности

Не преувеличивая, можно сказать, что «Запад» – это навязчивая идея России, как и «Россия» – навязчивая идея Запада. «Помимо ее исключительной значимости для всего дискурса о формировании европейской идентичности, вопрос о том, относится ли Россия к Европе, – это центральный компонент непрекращающегося дискурса о системе европейской безопасности», – констатирует Ивэр Нойманн¹.

В то же время можно утверждать, что противостояние Западу – одна из констант российской истории. Оно получило закрепление в письменной «высокой» культуре и в народном сознании, стало устойчивой характеристикой русской политической культуры. С противостоянием тесно связан процесс самоидентификации россиян, ибо Запад играл роль того «значимого другого», без диалога с которым невозможно обретение национальной идентичности. Истоки его следует искать в трех, глобальных для исторического развития России, событиях: разделении Восточной и Западной христианских церквей, падении Византии под ударами европейских крестоносцев и завоевателей-мусульман, становлении Северо-Восточной Руси, Московии как жестко централизованного авторитарного государст-

ва в процессе постепенного высвобождения от гнета Золотой Орды (так, А. Тойнби считал Российское государство примером уникального ответа на мощный вызов Степи, который в целом оказался успешным²). Осознание трагического одиночества в мире, постоянная угроза агрессии с Запада, чреватая утратой русской государственности, уверенность в том, что Московская Русь – последний оплот истинного христианства, постепенно выкристаллизовывались в идейную формулу «Москва – Третий Рим».

Начиная с XVI века, история России совершается под знаком этой утопической государственной идеи. Неизбежным практически-политическим следствием освоения этого варианта «государственного мифа» стали самодостаточность и самоизоляция Руси, представление о ее «избранности», враждебное неприятие Запада, а также «перенос» «комплекса периферийности», сформировавшегося ранее в отношении Византии, на страны Европы. С точки зрения «чистоты веры», главным врагом православной Руси, даже в более ранний период времени, несомненно выступало «латинство» – тогдашнее воплощение образа Запада. Как отмечал В. Зеньковский: «Запад тогда был весь и во всем “латинским” для русского сознания, и эта религиозная характеристика его ... почти непроходимой стеной отделяла Русь от Запада»³. Восток в этом смысле опасен не был. Татаро-монголы, в течение долгого времени господствовавшие на Руси, в религиозные дела не вмешивались, не претендуя на духовное порабощение русских, что особенно акцентируется евразийцами.

Эти процессы, продолжавшиеся несколько веков, привели в результате к тому, что «цивилизационный изоляционизм» из церковной и политической идеи превращается в устойчивую доминантную характеристику народной культуры. В этот исторический период Россия не была Европой в социокультурном смысле и не чувствовала необходимости в идентификации с ней. В свою очередь, как отмечал В. О. Ключевский, в XV веке «на католическом Западе знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многие даже не подозревали существования Руси Московской»⁴.

До середины семнадцатого века отношение к Западу в Московии было единым и у «верхов», и у «низов». Однако на этом рубеже происходит перелом (вновь под воздействием судьбоносных для страны событий). Покорение в царствование Ивана Грозного Казанского ханства, последнего серьезного соперника Московской

Руси на Востоке, устранило внешнее давление на Русь на этом направлении. Сразу же правители Московии, вспомнив о европейском происхождении страны, ввязываются в Ливонскую войну. Они вступили в борьбу не столько за необходимый стране выход к Балтике, сколько за освобождение от западного политического и церковного влияния русских православных земель, попавших под власть католических Польши и Литвы в XIV в. Однако это означало вступление православной Руси и в европейскую политику. Война заканчивается глубочайшими потрясениями Смуты. «Третий Рим» оказался поверженным, польский католический гарнизон стоял в Кремле...

Воссоздание русской государственности потребовало тогда огромного напряжения сил и чудовищных жертв, а сама эта эпоха перевернула сознание русских людей. «Столкновение с Европой» показало глубину кризиса традиционной русской культуры, ее внутренние противоречия и расколы. Однако властью прежде всего осознается техническое и военное отставание страны, чреватое угрозой поглощения страны более сильными и динамичными западными соперниками (прежде всего Швецией, в Европе конца XVII века бытовало мнение, что судьба Московии – превращение в колонию Швеции). Тогда же делаются первые практические выводы. Растет число приглашаемых в страну иностранных специалистов (прежде всего военных). Европейские наблюдатели с удивлением фиксируют рост интереса москвитян к их странам. В этой связи можно отметить свидетельство Ю. Крижанича о том, что в его время русские колебались между суевренным почтением к инженерам-иностранцам и таким же суевренным недоверием к ним.

С XVII столетия Русь постепенно поворачивается лицом к Западу. Оставаясь опасным и враждебным, Запад превращается в остроактуальную, но амбивалентную сущность. «Образ Запада» постепенно становится более сложным и дифференцированным. Россия начинает втягиваться в процесс модернизации, целенаправленного освоения достижений западной цивилизации, что приводит к ее постепенной интеграции в европейскую политику и торговлю. Империя, провозглашенная в начале XVIII века Петром I, не только осваивает европейский порядок ведения дел, но и все чаще считает необходимым для себя в них вмешиваться, все более понимая, что эти дела касаются и российских экономических, культурно-исторических и геополитических интересов. И Европе все более

приходится с этим считаться. В свою очередь, военные успехи Петра становятся источником национальной гордости, стимулом становления русского самосознания, что неразрывно связано с рецидивами комплекса национальной неполноценности в отношении Запада, проявлявшегося иногда в гротесковской форме. Так, В. К. Тредиаковский вполне серьезно доказывал, что «славянский язык» – древнейший в Европе и что от него отпочковались германские и кельтские наречия (кельты – «желты» – «желтые», то есть русые), А. П. Сумароков выдвинул гипотезу о том, что романские языки произошли от славянских, поскольку слова *domus*, *nasus*, *oculus* и др. производны от односложных «дом», «нос», «око». Из сочинения князя Б. И. Куракина «Гистория о царе Петре Алексеевиче» (1727 г.) вошло в обиход русских патриотов толкование, этимологически связывающее славянство со славой⁵ и т. п.⁶

В XIX в. образованный класс постепенно на понятийно-категориальном уровне осознает отличие России от Запада, ее особую национальную идентичность. При этом причины отличия интерпретируются прямо противоположным способом. С одной стороны, признание культурно-цивилизационного превосходства Запада и собственной исторической отсталости, впервые отчетливо сформулированное в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева. Отсюда, как возможная перспектива развития, – догнать Запад, сравняться с ним в просвещении, политическом устройстве, экономическом и технологическом развитии, «стать Европой», с другой, сознание своей тождественности, превосходства и даже исторической миссии в отношении Запада, в случае возвращения к своим «самобытным национальным корням». Усилиями Н. М. Карамзина эти идеи формулируются в первой историософской концепции русского консерватизма, выставившей на своем знамени апологию самодержавия и народности. Возникает русский национализм как интеллектуальная реакция на экспансию Запада, ищущий свое оправдание в наследии прошлого в глубоких исторических традициях своего народа. Однако, несмотря на невиданный подъем национального чувства и единение сословий русского общества перед лицом внешней угрозы, национализм в народ не проникает и остается до конца XIX века уделом интеллектуалов, причем далеко не всех.

Короткий исторический период между победой над Наполеоном и Крымской войной, Россия как сильнейшая в военном отно-

шении держава играла даже роль гегемона в Европе. Однако итог этой гегемонии оказался достаточно печальным – формирование устойчивого (до предрассудка) мнения, что Россия – это «тюрьма народов» и «жандарм Европы». «Европейские лидеры использовали русские войска для подавления национально-освободительных движений, а когда в этом отпал смысл, нанесли ей поражение, опираясь, прежде всего, на свое технологическое превосходство»⁷. Поэтому цивилизационный изоляционизм не умирает: вспомним, что «революционер на троне» – Петр I, так много сделавший для европеизации страны, собирался после освоения военно-технических, организационных и некоторых других достижений «вернуться к Западу задом». Однако именно с этого исторического момента начинается собственно противостояние как специфическая форма диалога с Западом (политического и идейного), которое разворачивается в соответствии с определенной внутренней логикой.

Таким образом, если до рубежа XVII–XVIII вв. для России характерен цивилизационный изоляционизм, то с началом петровских преобразований начинается собственно диалог с Западом, который разворачивается в соответствии с определенной внутренней логикой.

С этого исторического момента Россия вынуждена постоянно «догонять» Запад, что и провоцирует конфликт и противостояние с ним. И поскольку процесс догоняющей модернизации затягивается, конфликты также становятся затяжными и периодически выливаются в войны.

Причем поражение в войне или внешняя угроза становится сильнейшим стимулом к ускорению модернизации, а значит, и к усилению интереса и внимания к Западу, к его экономическому, политическому и духовному опыту. Рассматривая величие и могущество державы как ценности высшего порядка, российская политическая элита вынужденно, под напором исторических обстоятельств, идет на болезненные изменения общества во имя восстановления и приумножения мощи государства. Заимствовать стараются только технологии и прикладное знание, т. е. «готовый результат» и, кроме того, оградить от ненужных западных влияний народные массы. «Пользоваться административными усовершенствованиями, чтобы править шестьдесятю миллионами людей повосточному, – вот со времен Петра I проблема, разрешаемая людью»

ми, управляющими Россией», – зло и, к сожалению, вполне справедливо писал в 1839 году маркиз де Кюстин⁸.

Антизападничество уходит на какое-то время на задний план. Затем неизбежные трудности догоняющей («неорганичной») модернизации, пассивное, но упорное сопротивление социума нововведениям, идущим «сверху», вновь вызывают у элиты сильнейшие антиреформаторские, а значит, и антизападные настроения. Идеологически обосновывается необходимость самобытного развития страны, т. е. необходимость изоляционизма или враждебного противостояния Западу. Следуют политические мероприятия, как правило, частично или полностью табуирующие положительную информацию о странах Запада и объективно тормозящие развитие общества. Модернизационный цикл завершается. Приблизительно такова логика развития российского общества, логика его противостояния Западу.

При этом, как отмечает ряд исследователей, «постоянно возникает как бы патовая ситуация: с одной стороны, идея самобытности, особого пути России не могла преодолеть абстрактный уровень историсофского спора и трансформироваться в программу практических преобразований и в этом смысле оказалась бесплодной для реальной жизни, а, с другой, государственная политика металась между крайностями западничества и славянофильства и не могла найти «золотую середину», модель общественного развития, опирающуюся на уникальные особенности российского общества и российского народа. Это противоречие и в теории, и на практике так и не было преодолено на протяжении всего XIX в.»⁹.

Естественно, что каждый новый цикл модернизационного процесса и противостояния, начинающийся с качественно нового уровня и при иных исторических условиях, имеет свою специфику. «Догоняющее» российское общество постоянно формулирует и уточняет свои базовые ценности, ставит перед собой новые цели и формулирует новые задачи. Идет непрекращающийся процесс освоения нового, осмысления социальных и культурных изменений. Ассимилируются новые европейские идеи, вписываясь в контекст развивающейся национальной культуры. Возникают и преодолеваются кризисы самоидентификации и т. д. Таким образом, в процессе модернизации парадоксальным образом происходит не только более глубокое познание «другого», обогащение и усложнение его образа, но и самопознание.

В свою очередь, акт самопознания выступает как форма постепенного изживания прошлых заблуждений и иллюзорных представлений, как момент самоизменения.

Каждое общество видит в другом отражение своей собственной политической системы с присущими ей ценностями. А эта проекция политических ценностей и политических понятий зачастую ведет к фундаментальному непониманию и нереалистическим ожиданиям с обеих сторон. В течение веков маятник европейского мнения колебался между умеренной русофилией, как во времена Просвещения, и русофобией, как во времена усмиренной Польши. Люди на Западе постоянно задавались вопросом, пытаясь понять, что такое Россия. Европейская или азиатская страна? Или же «промежуточная» страна, оседлавшая и мир Европы и мир Азии? Вариантов ответов на эти вопросы множество.

Тем не менее, в целом, рассматривая Россию как опасного и непредсказуемого «соседа» (знаменитая «таинственная русская душа»), Запад с интересом и некоторой настороженностью воспринимает любые радикальные перемены в стране. Такие периоды сменяются разочарованием и ростом антирусских настроений, новым воспроизводством идеологии европейской исключительности, которая служит закреплению особой европейской идентичности и потому строится также по схеме противостояния: цивилизации – варварству, свободы – рабству, демократии – тоталитаризму, агрессивности – миролюбию и т. д.

При этом постепенно именно «свобода» начинает отождествляться с образом Запада, становится его символом, хотя, как правило, не определяются социальные, политические, юридические параметры, характеризующие различные степени свободы. Для европейца (по крайней мере, со времен Сигизмунда Герберштейна, посетившего страну в 1517 и 1526 гг.), Россия – это деспотия, а русские – «народ, имеющий больше наклонностей к рабству, чем к свободе»¹⁰. В то же время, «...Безотносительно к тому, какие социальные практики приобретали важность в тот или иной (исторический – А. В.) период (религиозные, телесные, интеллектуальные, социальные, военные, политические, экономические или какие-то иные), Россия неизменно рассматривается как аномалия»¹¹.

В середине XIX века в знаменитой теократической формуле графа С. С. Уварова – «Православие. Самодержавие. Народность» – закрепляются «основные маркеры русской идентичности», имев-

шей явную преемственность с концепцией «Третьего Рима». «Уваровская триада – не что иное, как известная рационализация, а точнее, идеологизация православно-государственного мифа старца Филофея. Тема та же – Россия отличается от католическо-протестантской Европы здоровой цельностью своей цивилизации, традиционным сотрудничеством народа и государства в рамках православной системы ценностей»¹².

Начало XX века знаменуется кризисом идеологии «официальной народности», «падением великого фетиша» (В. Розанов) и радикальной инверсией массового сознания. В исторически кратчайшие сроки массы крестьян от наивного традиционного монархизма поворачиваются к стихийной поддержке альтернативных социалистических программ. Вот как в 1907 г., описал этот поистине судьбоносный для России процесс П. Б. Струве: «Суть элементарных инстинктов народа... Консерватизм без традиций, без идейных скреплений обратился в революционную стихию без творческой идеи и без организованной дисциплины, но с тем же упором. Такова формула превращения самодержавной России в Россию революционную»¹³. Оставалось решить вопрос: Кто и под какими лозунгами поведет народ на штурм «старого порядка»?

Идентичность нового революционного режима строилась также на противопоставлении Западу и находила в этот период выражение в категориях «противостояния России как революционного очага и контрреволюционной буржуазной Европы», в которой неизбежно и очень скоро вспыхнет огонь пролетарской революции. Однако именно с победой европейской революции связываются в этот период надежды на успешное строительство социализма в стране.

В 1930-е годы переосмыслиется и приспособливается к «потребностям момента» и формула идентичности, формула противостояния Западу. С одной стороны, миф «мировой революции» постепенно заменяется мифом «первого социалистического государства», создается образ «Советской России» как «лучшей Европы», «Родины трудящихся всего мира», континента политической стабильности и динамичного экономического роста в бушующем море хаоса и катастроф, с другой – ему противопоставляется «образ Запада» как образ своего рода «антимира», «образ внешнего врага», «враждебного империалистического окружения», что было необходимо для сохранения психологической атмосферы гражданской

войны, мобилизации масс на борьбу с классовым врагом, «врагами народа», «вредителями», препятствующими экстатическому слиянию «советского человека» с «рабоче-крестьянской властью» и осуществлению всемирной миссии «первой страны победившего социализма».

Во время войны беспрецедентное обращение к российскому прошлому необходимо было правящей партии и режиму для обретения национальной идентичности (наряду с социально-классовой). Обрести глубокие исторические корни, представить себя наследниками всего лучшего в русской национальной традиции и мобилизовать народ на решительный отпор внешнему смертельному врагу – вот искомая цель.

В послевоенный период вновь был запущен механизм формирования «образа внешнего врага», началась так называемая «холодная война» с Западом, драматизм и острота которой усугублялась наличием у сторон конфронтации ядерного оружия.

«Европа как ментальное пространство ...была артикулирована отрицательно через общественно признанную и институционально воплощенную необходимость удержать общего врага по ту сторону железного занавеса. Гомогенизация Запада могла состояться только через отрицание: не через определение того, чем он является, а на основании установления границы и определения того, чем он не является»¹⁴. Достаточно в этой связи вспомнить высказывание Поля-Анри Спаака: «И. Сталин единственный “отец” европейской интеграции».

В послесталинскую эпоху в СССР главенствующей становится формула «внешней поляризации»: социалистический лагерь («Мы») – мир капитализма («Они»). Две общественные системы ведут мирное соревнование (с предопределенным результатом – торжеством социализма в мировом масштабе), а противоречие между ними отныне объявляется «главным противоречием современной эпохи, определяющим ее содержание». Достижение статуса великой мировой державы постепенно заняло место революционной идеи. Советские люди, которым приходилось нести тяжкое бремя расходов великой державы, получали удовлетворение от сознания роли своей страны в мире.

В конце 1960-х гг. радикальному повороту к русской идентичности партией и режимом вновь была предпочтена традиционная формула подчинения национального классовому, при прагматиче-

ском использовании национализма для достижения некоторых внешне и внутриполитических целей. Национализм (и не только русский) до времени продолжал в латентной форме существовать в правой партии и государственном аппарате.

Последние «рубжи» противостояния Западу, казалось бы, пали в «эпоху Горбачева». Мощная волна приукрашенной информации о Западе, обрушившаяся на советского обывателя в годы «перестройки», наряду с тотальной критикой российского прошлого и настоящего, не в малой степени способствовали формированию положительных установок в отношении западных ценностей. Да и большинство ее лозунгов и заявленных целей носили явно прозападный характер. Опросы общественного мнения, проводившиеся в 1991 году, демонстрируют довольно высокий уровень доверия к Западу. Сближение с ним положительно оценивали 88% опрошенных, тогда как негативно – только 5%¹⁵.

Естественно, что провал либеральных реформ 1990-х гг. и резкое снижение рейтинга ряда ценностей, неразрывно связанных с ними, отразилось на оценке Запада и его роли в российских трансформациях. Если в первые годы «перестройки» люди в целом положительно оценивали «сближение со странами Запада», то ныне все большее число респондентов снова начинают видеть в нем враждебную силу или своекорыстного партнера. Опрос, проведенный американскими учеными в конце 1995 г. в 69 регионах России, показал: более 60 % опрошенных согласны с мнением, что «Запад с помощью экономических советов стремится ослабить Россию», и лишь 20 % не приняли этого утверждения¹⁶. С тех пор эта пропорция явно изменилась к худшему. В 1996 году около 40 % респондентов общероссийского опроса согласились с мнением о существовании «военной угрозы для России со стороны Запада»¹⁷. Знаменательно, что убежденных «западников» в России почти не осталось (2 % опрошенных), число приверженцев традиционных русских ценностей выросло до 46 %.

В свою очередь, Запад благожелателен к тому, что он называет реформами в России и к носителям этих реформ. Он в высшей степени удовлетворен ослаблением силовых признаков сверхдержавы, доволен кризисом российского военно-промышленного комплекса. В то же время он очень суров к тому, что им именуется неоимперскими амбициями. Лакмусовой бумагой есть и будет отношение к Украине: совмещение мощи этих двух крупнейших компонентов

СССР пугает Запад. Всякая неосторожность на этом пути грозит осложнениями вплоть до реанимации в той или иной форме «холодной войны». Очевидно, что «Запад заинтересован в том, чтобы на огромных сопредельных с ним просторах царил, прежде всего, стабильность, а потом уже демократия или что-то ему весьма знакомое и приятное. Запад, конечно, очень хотел бы видеть в Москве и других столицах прежнего “второго мира” демократические правительства, которые, по укоренившемуся на Западе мнению, менее склонны ко внешнеполитическим авантюрам и тотальной ксенофобии. Но, как лучше всего показало поведение западных правительств в октябре 1993 года, нейтрализация ядерной угрозы путем поддержки любого стабильного режима является приоритетом номер один»¹⁸. Характерно, что в европейском дискурсе в 1990-е гг. «преобладает доминирующая репрезентация России, подчеркивающая аспект обучения и, в меньшей степени, потенциальную военную угрозу. Присваивая себе полномочия учителя, имеющего право наказывать ученика за плохо усвоенный урок, Европа ставит серьезную проблему перед своей политикой по отношению к России»¹⁹, чреватой взаимным непониманием и конфликтом между сторонами.

Не случайно, что публичная эйфория первой половины 1990-х ныне вновь замещается на Западе «скептическим и чаще всего откровенно отрицательным отношением к людям, привычкам и нравам бывших коммунистических земель», – констатирует Алеш Дебеляк²⁰. Они снова не оправдали надежд европейских учителей.

В свою очередь, Россия переживает острый кризис идентичности, частным выражением чего является неопределенность национальных интересов страны, приоритетов внешней политики. Веками россияне идентифицировали себя не с какой-то определенной социальной группой, а со страной, государством в целом. Для русских государственная и национальная история практически совпадают. Это объясняет столь большое значение, придаваемое ими положению своей страны в мире. Распад СССР, деградация России, утрата ею положения великой державы до сих пор переживаются чрезвычайно болезненно. Наличие этого сильного негативного чувства говорит о колоссальной психоэмоциональной нагрузке, обрушившейся на многих россиян и требующей выхода. Ощущение, что «Мы – снова осажденная крепость, как и раньше, только теперь мы лишены былой силы, и с нами перестают считаться», в 1997 г.

сформулированное в «Открытом письме народам Российской Федерации» группы академиков РАН ²¹, становится всеобщим. Это находит отражение и во внешней политике страны. Аналитики пишут, что наряду со следованием курсу конструктивного взаимодействия с Западом набирает силу и другая тенденция, во многом являющаяся реакцией на практическую реализацию доктрины Буша по противодействию «оси зла». Поэтому иллюзорный выход из этой ситуации может быть вполне традиционным для России – попытка самоизоляции и дистанцирования от Запада.

Без преодоления сложившихся стереотипов и предрассудков в отношении друг друга невозможно разрушение этой исторической логики, причем свою часть пути должна пройти каждая из сторон противостояния.

Видимо сама жизнь заставит пересмотреть идеологическую базу диалога. Россия могла бы на время забыть декларации о своей европейской идентичности, поскольку они не могут быть реализованы даже в среднесрочной перспективе и тем более оформлены вступлением в Евросоюз, ЕС со своей стороны уже на практике частично отказался от доктрины европеизации России как основы его российской политики в предшествующие годы. Смена парадигмы – от интеграции к прагматичному и предметному, взаимовыгодному и многовекторному сотрудничеству – позволила бы снять излишнюю политическую и идеологическую риторику, нивелировать целый ряд проблем и трудностей в отношениях и сделать их более ориентированными на практический результат, то есть повысить их эффективность. Лозунг дня: «Россия и Запад должны находиться в состоянии интеракции, а не интеграции». Произойдет ли на деле этот поворот во взаимоотношениях – зависит только от доброй воли и гибкости политических элит Запада и России.

Пока же устами своих ведущих политиков «Европа задает вопросы», на которые у РФ пока нет окончательных ответов: «Намерена ли Россия продолжить политику реформ, которая превратит в реальность идею интеграции и сотрудничества с остальной Европой? Станет ли она утверждать власть закона и строить более демократическую политическую систему? Будет ли стремиться к созданию более открытой и конкурентной экономики?»

Если ЕС и Россия дадут утвердительные ответы на эти вопросы, мы вступим в новую эру больших совместных возможностей.

Если же ответы будут отрицательными, то перспективы сотрудничества окажутся довольно безотрадными»²².

Похоже, что президент В. Путин попытался использовать празднование 60-летия Победы для придания «второго дыхания» отношениям с европейскими партнерами, большинство из которых прибыли на праздник в Москву. На саммите Россия – ЕС 10 мая 2005 г. с участием Председателя ЕС – премьер-министра Люксембурга Ж.-К. Юнкера, Председателя Еврокомиссии Жозе М. Д. Баррозу и Высокого уполномоченного ЕС по общей внешней политике и политике безопасности Х. Соланы приняты четыре «дорожные карты» как инструмент реанимирования проекта четырех «общих пространств» – общего экономического пространства, общего пространства внешней безопасности, общего пространства свободы, безопасности и правосудия, общего пространства науки и образования, включая культурные аспекты. Однако будет ли реализован этот проект?

¹ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М., 2004. С. 99.

² Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

³ Зеньковский В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 11.

⁴ Ключевский В. О. О русской истории. М., 1993. С. 193.

⁵ Отметим, в связи с этим, что в ряде европейских языков (например, английском) слова «славянин» и «раб» имеют один корень «slav», что тоже демонстрирует особенность восприятия Запада.

⁶ Россию поднял на дыбы... История Отечества в романах, повестях, документах. М., 1987. С. 357.

⁷ Егоров А. Б. Россия и Запад (Некоторые исторические параллели) // Россия и Запад. Сб. статей. СПб., 1996. С. 32.

⁸ Записки о России французского путешественника маркиза де Кюстина. М., 1990. С. 41.

⁹ Моцелков Е. Н. Переходные процессы в России. Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики. М., 1996. С. 21–22.

¹⁰ Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

¹¹ Нойманн И. Использование «Другого». С. 153.

¹² Исторические метаморфозы консерватизма / Под ред. П. Ю. Рахшмира. Пермь, 1998. С. 50.

¹³ Струве П. Б. Patriotica. СПб., 1997. С. 22.

¹⁴ Дебеляк А. Неуловимые общие мечты. Опасности и ожидания европейской идентичности // НЗ. Дебаты о политике и культуре. 2004. № 2 (34). С. 49–50.

¹⁵ Мир мнений и мнения о мире. 1991. № 7. Сентябрь. С. 3.

¹⁶ Седов Л. А. (ВЦИОМ) Перемены в стране и в отношении к переменам // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1995.

- ¹⁷ *Рукавишников В. О., Рукавишникова Т. П., Золотых А. Д., Шестаков Ю. Ю.* В чем едино «расколотое общество»? // Социс. 1997. № 6. С. 96.
- ¹⁸ *Лукин В. П., Уткин А. И.* Россия и Запад: Общность или отчуждение? М., 1995. С. 83–84.
- ¹⁹ *Нойманн И.* Использование «Другого». С. 152.
- ²⁰ *Дебеляк А.* Неуловимые общие мечты... С. 49.
- ²¹ *Моисеев Н. Н.* С мыслями о будущем России. М., 1997. С. 202.
- ²² *Бильдт К.* Европа задает вопросы // Россия в глобальной политике. Т. 2. № 1. январь-февраль 2004. С. 66.

О. Н. Мигущенко
Генезис правового сознания
как основа эволюции правовой культуры

Эволюция правовой культуры общества во многом зависит от уровня развития правосознания, которое в свою очередь проявляется не как сущность, но как явление. В свою очередь, правосознание формируется под влиянием всей совокупности общественных отношений, где особую роль играют отношения в области политики, права и морали.

Категории «политика», «право» и «мораль» в своем развитии проходят ряд этапов (уровней). Так, субъективному уровню интуитивного восприятия права соответствуют доаграрные экономические отношения, стадная организация как основа зарождения политических отношений, источником ответственности выступает «рефлекторное выражение аффекта», а в основе всего – эгоистическая мораль.

Рождение и восхождение права начинается на национально-религиозной идее. Его функция – быть инструментом регулирования вновь образовавшихся государственных объединений. Однако такое право еще не есть право в современном понимании. Его характеристику можно найти у Г. Гегеля. При этом надо учитывать, что, давая характеристику «не права», Г. Гегель не имел в виду

право только аграрной и индустриальной цивилизаций. Вместе с тем, на наш взгляд, его характеристика «не права» достаточно хорошо характеризует прежде всего именно этот период, где оно было оформлено. По его мысли, вначале право возникает как «право героев» (основателей государств), затем трансформируется в непреднамеренное «не право-видимость» (когда «не право» представляется мне правом), но по мере зарождения в недрах аграрной цивилизации следующей ступени развития начинает проявляться в двух видах: «не права-обмана» (когда обманутого убеждают верить, что с ним поступают соответственно праву) и «не права-преступления» (когда человек принуждается принять «не право» как право). Но так как принуждение снимается принуждением¹, то и переход к новому уровню восприятия права чаще всего был связан именно с принуждением. Однако национально-религиозный уровень восприятия права принимал «не право» (с современной точки зрения) за настоящее право. Этому уровню, по мысли Э. Тоффлера, соответствует аграрное производство с преимущественным развитием сектора «А» и производством для себя.

Политическая организация общества осуществляется на преобладающей основе монархических форм правления и недемократических политических режимов. Источником ответственности выступает принуждение к труду, в основном, внеэкономическими методами. Складывается мораль разумного эгоизма.

Классовый уровень восприятия права был проникнут позитивизмом. Осознание того, что помимо права есть и «не право», приводит к идейной борьбе сторонников позитивизма и естественного права. Изначально борьба позитивизма и естественного права также носила классовый характер, где сторонники позитивизма отстаивали интересы власть имущих, а их противники – интересы беднейшего большинства². Классовому восприятию права соответствует индустриальное общество (вторая волна), для которого характерно производство для обмена с преимущественным развитием сектора экономики «Б» за счет сектора «А» и создание рыночной цивилизации. Преимущественной формой правления в рыночной цивилизации становится республика, недемократические политические режимы начинают эволюцию к демократическим. Источником ответственности становится позитивное право. Право как закон на фоне морали разумного эгоизма.

Для того чтобы рассмотреть последние два этапа, необходимо уточнение. На наш взгляд, в третьей волне (постиндустриальном обществе) необходимо выделять два этапа. А именно: транзиторная экономика и гуманистический подход к праву как первый этап, а суперсимволическая экономика и объективное восприятие права – второй. В рамках второго этапа основной производственной ячейкой становится «электронный коттедж»; именно это обстоятельство и приведет к качественному изменению общественных отношений. Э. Тоффлер говорит о 15–20 % сосредоточения в «электронном коттедже» всего производства в обществе третьей волны. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет утверждать, что усиление производственного значения «электронного коттеджа» до пятидесяти и более процентов и приведет к созданию общества «четвертой волны». Таким образом, суперсимволическая экономика будет характерна для второго этапа постиндустриального общества и первого этапа после постиндустриального. В силу этого мы предприняли попытку сгруппировать общественные отношения, представленные Э. Тоффлером, вокруг экономики транзиторной и экономики суперсимволической и на этой основе рассматривать их соответственно в границах гуманистического и объективного восприятия права. Здесь возникает вопрос о критериях такого выделения этапов. Действительно, с точки зрения экономики различия между двумя этими этапами будут не сверхглобальными. Зато серьезные изменения произойдут в социально-психологической и морально-правовой сферах. А именно этот аспект нас и интересует. Переход от промышленного производства транзиторной экономики к производству в электронном коттедже (суперсимволическая экономика), на наш взгляд, будет подобен переезду сельского жителя на работу в город (в современных условиях). Такое явление мы привыкли связывать с понятием «маргинализация» и придавать ему негативную окраску. Но нам представляется, что всеобщая мобильность населения на первом этапе (транзиторная экономика и гуманистическое понимание права) приведет к выработке механизмов преодоления негативного, вырабатывает социальный, психологический и моральный иммунитет у человека против негативных последствий всеобщей маргинализации. В противном случае у человечества перспективы нет. И главную роль в формировании позитивной маргинализации (не как потерю, а как приобретение) будет играть право.

Теперь можно перейти к рассмотрению двух описанных выше этапов подробнее.

Гуманистическое восприятие права – это, прежде всего, естественно-правовое восприятие. Но, достигшие расцвета в недрах предыдущего этапа позитивизм (как теория, обосновывающая существующий порядок) и теория естественного права (как протест против существующего), на данном этапе вступают в «смертельную битву» за позитивное право, и исход здесь уже предсказан. Будущее за теорией естественного права. Естественно-правовое, или гуманистическое, восприятие права вызвано к жизни постиндустриальным уровнем развития экономики и, как его высшей стадией, обществом третьей волны. Для данного уровня развития экономики характерно возрастание роли сектора «А» и, соответственно, сокращение роли сектора «Б». Преимущество вновь за производством для себя, и это делает его подобным аграрному производству. Формируется трансрыночная цивилизация³ с высокой мобильностью населения, создается «раса кочевников»⁴. Лидирующей формой правления становится республика с демократической формой политического режима. В то же время повышенная мобильность населения приведет к снижению роли национального государства. Источник ответственности данного этапа – мораль, понимаемая как естественное право. Разумный эгоизм – основа общественной морали.

Говорить об объективном восприятии права в данный момент можно только предположительно. И единственным источником здесь выступают работы футурологов. Не претендуя на полное освещение проблемы юридического прогнозирования⁵, остановимся лишь на вопросе того, какие новые общественные отношения могут потребовать правового регулирования. Общественные отношения будущего достаточно подробно представлены в таких книгах Э. Тоффлера как «Третья волна», «Шок будущего» и «Метаморфозы власти». Им дается определение экономики будущего как трансрыночной и суперсимволической.

Суперсимволической экономике общества «четвертой волны» будут присущи минимум двенадцать факторов. Среди них снижение роли традиционных факторов производства (земли, труда, сырья и капитала), замена их символическим знанием; замена бумажных денег электронной информацией; безотходное производство и другое. Сохранится и усилится тенденция к производству для себя.

Центром производства станет производство на дому в «электронном коттедже». Следствием этого станет, с одной стороны, уменьшение вынужденной мобильности населения, а с другой, изменение роли современного национального государства. Его значение значительно упадет. На смену современному государству придет мировая система, но не на основе современной иерархической бюрократии. Обязательным условием руководства станет непродолжительность и коллегиальность. Сократится значение современных законодательных органов. Прямая демократия заменит представительную. На смену единой государственной идеологии придет множество новых.

Изменится и понимание демократии. Завершится период массовой демократии, характерной для индустриального общества. Если ранее большинством были беднейшие слои населения, то в будущем ситуация изменится. Поэтому возникнет демократия меньшинств (не меньшинства – *авт.*). Эта демократия будет «мозаичной», ее фоном станет децентрализация власти. «Отомрет» ритуал массового голосования. В новом качестве возродятся общественные организации. Возникнут ассамблеи (народные собрания – *авт.*) взамен современных законодательных органов. Их основой станет прямая демократия. Понятие «демократия» будет соседствовать с понятием «адхократия» (сбор групп людей для решения конкретных задач и после их решения демонтаж групп). Созданная цивилизация будет гуманной, демократической в новом смысле и поддерживающей равновесие с биосферой.

Однако новая цивилизация не уничтожит болезни, «грязную» политику, дурные манеры, экстремистские организации и другие явления, приводящие к конфликтам. Появятся новые явления. В их числе частные армии, экологический шантаж, в общественной жизни обострятся противоречия между глобалистами, националистами, регионалистами и местными «патриотами». Помимо этих будут и другие. Все это потребует создания новых политических систем, нового социального и правового регулирования⁶.

Источником ответственности станет внутренняя совесть человека. Возникнет «моральное право» как максимально основанное на нормах морали. Сама мораль претерпит качественные изменения и вплотную приблизится к альтруизму. Данное утверждение вступает в значительное противоречие с классической либеральной интерпретацией «естественного состояния» человека. Но «на самом

деле люди приходят к сотрудничеству гораздо легче, чем это предсказывают индивидуалистические гипотезы»⁷. Это подтверждают и исследования социобиологии, где альтруизм рассматривается как важный фактор эволюции. Более того, специалистами в области социобиологии делается вывод: «...во всех культурах человечества альтруистическое поведение преобладает над эгоистическим, но форма и интенсивность альтруистических актов в значительной степени детерминированы культурой»⁸. А культура будущего, особенно ее экономическая составляющая, приведет к необходимости существования отношений, основанных на альтруизме⁹.

В-шестых, развитие экономики и, как следствие этого, отношений, основанных на морали, праве и политике, приведет к изменениям и правосознания. Если субъективному (рефлекторному) праву, праву как интуиции соответствовало интуитивное праправосознание с мыслью «я и они», я-ценностями и я-интересом, то на следующем этапе было заложено правосознание уже в современном понимании. Поэтому право (которое есть право героев и «не право» как таковое), основанное на национальной идее, приводит к формированию правосознания, где основой правовой идеологии станет религиозно-национальная идея, ценность будет пониматься в контексте религиозных норм, а интерес выразится через справедливость, как милость, ниспосланную свыше. Классовое восприятие права оформит себя в формулу «право равно закону». Этот уровень развития права будет основан на правовой идеологии, основанной на идее государственности, ценностью станут нормы закона, а интерес выразит себя через требование справедливости. Гуманистический (естественно-правовой) уровень понимания права сформируется на основе идеи прав человека, где ценность будет представлена нормами естественного права, выраженными в правовом законе. Основой интереса станет свобода. Идея равных прав человека, всего живого и разумного, нормы морального права как ценность и совесть как интерес обусловят рождение объективного «морального права». Тем самым правосознание претерпевает значительные изменения в процессе своего развития точно так же, как и остальные подсистемы общества. В то же время указанные тенденции развиваются не линейно. Можно отметить определенные колебания внутри каждого из этапов и заметить некоторое подобие между ними.

Утверждение Э. Тоффлера о родственности цивилизаций первой и третьей волны в большей степени, чем с цивилизацией второй волны¹⁰, позволяет сделать вывод о цикличности развития системы общества. В последнее время циклический подход находит все больше сторонников. Разработано достаточно большое количество теорий, каждая из которых выделяет особые критерии выделения циклов. Среди них рождение и гибель цивилизаций (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Л. Н. Гумилев), другие делают акцент на смене элит, третьи – на смене поколений. Четвертые видят критерием такого развития противоречивую борьбу между демократией и ценностями капиталистического общества (Г. Макклоски и Дж. Заллер). Предпринимаются попытки интегрировать указанные подходы. Получает распространение холистический подход¹¹. Однако в интерпретации сторонников этого подхода основной упор делается на мультикаузальность процесса и отсюда достаточно большой упор – на категорию «случайность» и другие¹². Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает концепция больших циклов экономической конъюнктуры, разработанная известным русским и советским экономистом Н. Д. Кондратьевым. По его мнению, каждые 47–60 лет необходимость экономических преобразований приводит к изменениям и в социально-политических отношениях. На периоды повышательных волн больших циклов приходится наибольшее количество важнейших социальных потрясений, как революционных, так и военных¹³. Интерес к наследию Н. Д. Кондратьева в СССР возродился в восьмидесятые годы XX в. и со стороны экономистов, и со стороны обществоведов. Первые на основе пятифазного понимания циклов стали составлять циклограммы развития мировой экономики, охватывающие современный период¹⁴. Вторые использовали двухфазное понимание циклов, где главным критерием социальных циклов становились основополагающие противоречия социальной жизни индивидуального и общественного. На основе этого они стремились составить циклограмму социальных процессов в России и СССР¹⁵. Применение концепции Н. Д. Кондратьева в историко-правовых исследованиях достаточно перспективно. В то же время необходимо указать на серьезную проблему в применении указанной концепции на весь период Российской истории. Дело в том, что данная концепция была создана во время и для описания индустриального общества. Поэтому ее механическое использование вне рамок индустриализма вряд ли будет оправданным. Как пред-

ставляется, данное обстоятельство не было учтено последователями Н. Д. Кондратьева. Здесь необходимо исходить из того, что последствием монголо-татарского нашествия для России стала хроническая социально-экономическая болезнь «запаздывающей модернизации» и параллельная ей «идея объединения прежде всего на политической основе». Поэтому все преобразования в экономике и как следствие в остальных подсистемах Российского общества носили характер «вынужденной» меры. И производились только тогда, когда политический вопрос (внешняя угроза или борьба за власть) обострял проблему социально-экономического отставания. Отсюда практически все социально-экономические преобразования России носят характер «революций сверху»¹⁶. Кроме того, во всех странах, не вышедших из индустриального уровня развития (к ним относится и Россия), перемены связываются с крайностями и обязательным отрицанием прошлого опыта, что, в частности, проявилось в революции октября 1917 г.¹⁷. Здесь можно продолжить: и в эпохи Ивана Грозного и Петра Первого, и при осуществлении индустриализации и коллективизации в СССР. Эта традиция продолжилась и на XX съезде КПСС, и после отставки Н. С. Хрущева, и в событиях 1991 и 1993 гг. Именно из этой традиции и выросла такая черта сознания (правосознания) русского народа, как экстремизм и максимализм¹⁸.

Поэтому, на наш взгляд, при изучении историко-правовых процессов в России надо не ограничиваться концепцией Н. Д. Кондратьева, а подходить шире. Поэтому понимание циклического развития российской истории права до середины XIX века будет более убедительным через призму взглядов В. В. Розанова и А. Дж. Тойнби. В первом случае мы будем использовать двухфазную волну, где в условиях восходящего развития возникает обособление всех частей, а в условиях нисходящего – все второстепенное смешивается и становится однородным¹⁹. А во втором случае две формулы: прогрессивного роста (вызов – успешный ответ) и прогрессирующего распада (вызов – безуспешный ответ)²⁰. В этом случае концепция больших циклов экономической конъюнктуры может быть рассмотрена как частное по отношению к более общим взглядам В. В. Розанова и А. Дж. Тойнби.

Все вышесказанное дополняет системный подход в направлении комплексного, причинно-следственного рассмотрения историко-правовых явлений, делает возможным рассматривать, на первый

взгляд, абсолютно разнонаправленные периоды, как две фазы одного цикла. И подобные попытки уже имеют место²¹.

Но этого будет недостаточно, чтобы представить в полном объеме, например, циклограмму генезиса российского правосознания. Здесь понадобится нахождение осей исторического времени, дающих генеральное направление развития²². В данном конкретном случае мы будем рассматривать три оси исторического времени. Первая ось – ось развития в России аграрного общества, следующая – индустриального и, как перспективное направление, ось постиндустриального общества. При этом мы будем исходить из выводов Э. Тоффлера об однонаправленном движении первой и третьей осей.

Во всех социальных системах источником развития служит противоречие общественного и индивидуального. Применительно к России можно заметить, что в периоды политического решения экономических проблем преимущество получает общественное. В условиях же относительно «свободного» развития экономики – индивидуальное. В целом для России свойственна асимметрия в соотношении политика – экономика в пользу первого. На наш взгляд, критерием выделения циклов в развитии правосознания и должны стать периоды с преобладанием политического и общественного, как первая фаза цикла, и, как вторая фаза, с оживлением экономики и проявлением индивидуального. Тогда можно заметить, что, начиная с Киевской Руси до периода феодальной раздробленности, преобладает политическая составляющая, в условиях феодальной раздробленности активизируется индивидуальное. Монголо-татарское нашествие вновь актуализирует политическую проблему и до середины XIX в. преобладающим станет политический мотив. Следующая фаза второго цикла – преобладание индивидуального начала как следствие отмены крепостного права. А с 1914–1917 гг. – вновь преобладание общественного. С конца 1980-х годов снова активизировались индивидуалистические тенденции. Таким образом, можно выделить три цикла: до монголо-татарского нашествия – первый, до 1917–1918 гг. – второй, после 1918 г. – третий.

Существует и иная периодизация истории Российского правосознания. Профессор философии Ростовского юридического института МВД России А. А. Контарев выделяет два периода. Первый он связывает с Киевской, а второй – с Московской Русью. «Правосознание Киевской Руси главным образом реализовывалось через категории «закон», «обычай», «указ»... начиная с Ивана Грозного в

правосознании доминирует принцип верховенства указа над законом»²³. На наш взгляд, такой подход не даст возможности всестороннего рассмотрения генезиса правосознания. В то же время этот подход не может быть признан неверным только на том основании, что в предложенной периодизации использованы иные критерии.

Если в трициклическом подходе критерий – степень свободы, то А. А. Контарев в качестве такового использует степень нормативности общественной жизни. Как представляется, в этом можно заметить проявление двух господствующих в настоящее время типов правопонимания. Поэтому мы будем использовать как взаимодополняющие и первый, и второй подходы.

Возвращаясь к трициклическому подходу, можно заметить, что два первых цикла совершают свои колебания вдоль оси аграрной цивилизации. В 1917 г. Россия совершает рывок на ось индустриального развития, где успевает пройти одну фазу полностью и вторую частично. Таким образом, правосознание Российского народа завершило движение вдоль двух осей, прошло два цикла и пять фаз. В настоящее время завершается третий цикл и шестая фаза. При этом мы можем наблюдать некое подобие между первой (Киевская Русь), третьей (с монголо-татарского нашествия до середины XIX в.) и пятой (Советская Россия) фазами. Это подобие основывается на политизированности сознания, с ясно осознанной идеей преимущества государства перед всеми иными социальными подсистемами. В то же время это периоды нисходящего развития правосознания, где, как считает В.В. Розанов, «...все становится однородным». Каждый из них завершается эволюционно в результате невозможности набором старых идеалов, ценностей и интересов дать верный ответ очередному вызову истории.

С другой стороны, подобие можно наблюдать и между второй (феодалная раздробленность), четвертой (пореформенная Россия до 1914 г.) и шестой (перестроечная Россия) фазами. Здесь проявляются идеалы индивидуализма и многообразия взглядов. Идея государственности как основная уступает место гуманистическим и демократическим духовным построениям. Это время формирования предпосылок эволюционного развития России. Это время восходящего развития правосознания, где проявляется разнообразие. Такое правосознание, укрепившись, способно дать ответ очередному вызову. Но возможности укрепиться российская история ему не предоставила. Правда, остается еще надежда в отношении шестой фазы.

Представленная здесь модель развития российского правосознания будет неполной, если не указать на то, что внутри каждой из шести фаз проявляются и более мелкие колебания, одни из которых способствуют укреплению доминирующего в данный период правосознания, а другие – наоборот. И когда проявляются тенденции, обратные господствующим, в действие вступает «эффект матрешки». Так, в начале 1990-х годов, прервав эволюционное развитие очередной фазы, Россия совершает скачок в надежде достичь постиндустриальную ось. Этим она уподобляется России 1917 года, с одной стороны, и периодам Петровской и Сталинской модернизаций, с другой. Каждый из трех указанных периодов имел главной целью «догнать и перегнать»²⁴, а главным методом становилась «революция сверху». И, как следствие, основным средством достижения сверхцели становился человек. Проведенные мероприятия давали на определенное время определенный результат, но не решали проблему в целом.

Отказ от эволюционного пути привел к возрождению давно забытых феноменов политической жизни России. 1991 и 1993 гг. продолжили традицию дворцовых переворотов XVIII века, напомнили о событиях 1964 года. Двоевластие 1993 года подобно событиям 1917 года и борьбе с самозванством в царской России.

Подобие современных экономических и политических процессов таким же в прошлом отразилось и на социальных отношениях. Например, проблема пьянства особенно обострялась на Руси в так называемые «пьяные» периоды. Первый имел место после свержения монголо-татарского ига, второй – после отмены крепостного права, третий – в период сплошной коллективизации. В настоящее время мы наблюдаем четвертый.

Отмеченные выше процессы способствуют формированию своеобразных их оценок массовым экономическим сознанием, политическим и общественным в целом. Влияние этих оценок на современное правосознание нельзя недооценивать. Но самым главным обстоятельством, мешающим укреплению идеологии «шестой фазы», является «запаздывание» законодательства, в этом можно усмотреть подобие с пореформенной Россией XIX века. Здесь нельзя не вспомнить и о позитивистской традиции, заложенной Государем державным Великим князем Иоанном IV Васильевичем Грозным. Поэтому и сегодня российское правосознание оправдывает «...использование любых средств, вплоть до применения самого

жесткого вооруженного насилия»²⁵, что в принципе противоречит направлению развития шестой фазы, духовно связанной с гуманистическим восприятием права.

- 1 Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990.
- 2 Моджевский-Фрыч А. Об исправлении государства // Антология мировой философии: Возрождение. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001.
- 3 Тоффлер Э. *Шок будущего: Пер с англ. / Э Тоффлер*. М.: Издательство АСТ, 2004.
- 4 Там же.
- 5 Керимов Д. А. *Цель, средство, прогноз // Право и образование*. 2003. № 2.
- 6 Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 2002; *Его же*. Шок будущего; *Его же*. Метаморфозы власти: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2004.
- 7 Фукуяма Ф. *Великий разрыв / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. под общ. ред. А. В. Александровой*. М.: АСТ, 2003.
- 8 Плотинский Ю. М. *Математическое моделирование динамики социальных процессов*. – М.: Изд-во МГУ, 1999.
- 9 Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*.
- 10 Тоффлер Э. *Третья волна*.
- 11 Так, Э. Тоффлер в работе «Третья волна» отмечает, что попытка преодолеть фрагментарность в отдельных случаях привела к тому, что «хололизм» оказался половинчатым, содержащим другой тип фрагментарности.
- 12 Плотинский Ю. М. *Математическое моделирование динамики социальных процессов*. М.: Изд-во МГУ, 1999.
- 13 Кондратьев Н. Д. *Проблемы экономической динамики / Ред. кол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др.* М.: Экономика, 1989.
- 14 *Мировая экономика, международные отношения*. 1988. № 5.
- 15 Василькова В. В., Яковлев И. П., Барыгин И. Н. и др. *Волновые процессы в общественном развитии*. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун., 1992.
- 16 Эйдельман Н. *Революция сверху в России*. М.: Книга, 1989.
- 17 Арон Р. *Мнимый марксизм.*: Пер. с фр. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993.
- 18 Лосский Н. О. *Характер русского народа: В 2-х кн. Кн. 2*. М.: Ключ, 1990.
- 19 Розанов В. В. *Эстетическое понимание истории // Русские философы (конец XIX–сер. XX века): Антология. Вып. 2 / Сост. С. Б. Неволин, Л. Г. Филонова*. М.: Изд-во «Кн. палата», 1994.
- 20 Тойнби А. Дж. *Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е. Д. Жарикова*. 2-е изд. М.: Айрис-пресс, 2002.
- 21 Например, рассмотрение периодов военного коммунизма и НЭП, как двух фаз одного цикла (см.: Мигущенко О. Н. *Военный коммунизм в Курской губернии: Учебн. пособие для высших учебных заведений МВД России*. Орел: Юр. ин-т МВД России, 1997. С. 33).
- 22 Сигалов К. Е. *Логические и историко-правовые основания осевого времени // История государства и права*. 2002. № 1.
- 23 Контарев А. А. *Идеи российской государственности. Монография*. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000.
- 24 Яковец Ю. *История цивилизаций*. М.: Вла-Дар, 1995.
- 25 Алексеев С. С. *Восхождение к праву / поиски и решения*. М.: Инфра-М, 2002.

И. В. Якубовская

Трансляция либеральных ценностей
и диалог культур в исторической науке Англии
и России второй половины XIX в.

Контакт культур представляет собой сложную систему взаимодействий, которая для культуры, рассматриваемой только как объект инокультурных влияний, далеко не всегда оказывается благоприятной. Но это вовсе не означает, что контакт культур обязательно ведет к глубоким нарушениям в культуре одной или обеих групп¹. Вполне возможна ситуация динамического равновесия таких культур, при условии взаимной терпимости. Превращаясь в межкультурный диалог, такой контакт может стать основой взаимопонимания народов, послужить взаимному обогащению культур. Особое значение приобретает он в отношениях России и Европы. Неслучайно «проблема сопоставимости русской и европейской социокультурных традиций стала топосом общественного сознания»². «Внутри комплексного, сложного в своей целостности общества одна культура может отстоять себя перед лицом других культур, если она убеждает ... в преимуществах своей семантики освоения мира». В процессе межкультурной коммуникации культурная «защита видов» не может и не должна существовать³. В такой коммуникации выясняется форма общения, наиболее способствующая

развитию индивида, группы, сообщества, и формируется национальная, этическая и идеологическая идентичность, основанная на признании и уважении чужой инаковости.

Европейское влияние и национальные особенности были и остаются двумя основными компонентами в формировании основ политической культуры России, как в пореформенный период XIX в., так и в современности. Для современного российского общества одной из приоритетных задач остается укрепление либеральной традиции и формирование либерально-демократической коммуникативной культуры. Россия, безусловно, является частью европейского политического пространства⁴. Анализ восприятия российской политической элитой, а также сформировавшимся общественным мнением пореформенной России западноевропейских влияний предполагает, прежде всего, изучение инокультурного опыта. Такое изучение основано как на научных исследованиях, так и на этнических стереотипах, поскольку освоение опыта политической культуры, проявляющееся на ментальном уровне, неизбежно предполагает не только научные, но и бытовые межкультурные коммуникации. Однако недостаточно, разумеется, просто изучить европейский опыт. Гораздо важнее выявить механизмы и формы его восприятия.

К середине XIX в. перед Россией ясно стал выбор между реформой и стагнацией, модернизацией или дальнейшим отставанием от запада. Модернизация России и формирование предпосылок нового типа политической культуры в последней трети XIX века подчеркивали историческую и культурную близость страны европейской традиции. Речь может идти, прежде всего, о своеобразии темпорального характера развития политической культуры России. Политическая культура – часть общей культуры общества. Поэтому в политической культуре воплощается осмысленный, усвоенный и овеществленный опыт взаимоотношений общества, личности и властных структур, востребованный в конкретной исторической ситуации. Политическая культура исторически и социально связана с политической традицией, системой ценностей, идей и особенностей политического поведения, обеспечивающих преемственность политической жизни общества. Она формируется и проявляется в процессе политической жизни⁵.

Сравнительно-исторический подход к изучению политических культур предполагает как выявление национальных особенностей институтов даже однотипных политических культур, так и обу-

словенных национальным историческим опытом способов интеллектуального осмысления мира, традиций и привычек, закрепленных в культуре и языке (менталитета). Понятие «менталитет» («ментальность») не имеет четкого определения⁶. Изучение ментальности позволяет, вместе с тем, не только «выявить качественные отличия образа мыслей и чувств людей минувших эпох – от свойственных нашему времени»⁷, а также выявить особенности развития национальных культур. При всей неоднозначности понятия «менталитет» существует своеобразие национальных традиций, привычек, национального опыта, даже национальных особенностей восприятия исторического процесса, отражающихся в культуре, особенно в народном творчестве. Этнический менталитет составляет ту часть осмысленного опыта истории народа, которая выражена в национально-своеобразных формах восприятия мира на языке культуры этноса, и осмыслена в народной культуре (фольклоре, ритуалах, верованиях и суевериях, типе жилища, бытовой культур, национальной кухне и т. п.), народной этикете (в том числе в нормах бытового поведения), в традициях, привычках, ритуалах. Этнический менталитет носит отчетливо выраженный поведенческий характер и проявляется в отношениях с представителями иных менталитетов и во внешних связях в целом, как гомогенная реакция этноса⁸. В последнее десятилетие понятие «менталитет» все чаще используют не только для анализа исторически и национально обусловленного своеобразия культурных традиций, норм поведения личности и социальной группы в повседневной жизни, но и в исследованиях политического поведения⁹.

Политическая культура реализуется, прежде всего, на ментальном уровне, который если не детерминирует, то в существенной степени определяет ее функциональные проявления. Поскольку об этническом менталитете мы можем судить лишь по его проявлениям, для исторического исследования имеют значение только осмысленные формы этнического самосознания и самоидентификации. Но восприятие и осмысление человеком мира в любую эпоху не сводимо к этническому менталитету и зависит от интеллектуальных способностей и особенностей личности, а не только от традиций, привычек, стереотипов, исторически сложившихся в той или иной культуре. Поэтому очевидно, что следует говорить как о групповом менталитете, в том числе этническом, так и о личностной ментальности.

Политическая культура, какое бы ее определение мы не принимали, в любом случае является сложной *системой*, существующей в определенных временных и пространственных координатах, которые необходимо учитывать в ее исследованиях. Основными пространственными координатами культуры являются: степень ее распространения – в региональных, национальных или цивилизационных границах; полнота и формы реализации типологических признаков; упроченность в этническом менталитете и характер проявлений на уровне личностной ментальности.

В зависимости от того, какие признаки политической культуры мы берем за основу, мы получаем либо типологию политических культур, либо набор ее национальных моделей, существующих одновременно в реальном историческом времени. Соотнесение пространственных и временных параметров различных политических культур возможно на основе трех основных подходов:

Во-первых, цивилизационного: в объективном времени существуют различные структуры одной политической культуры, а также разнообразные национальные модели. В данном случае можно использовать как инструмент анализа горизонтальное время (термин М. М. Бахтина)¹⁰.

Во-вторых – либерально-центрированного, метафорически его можно выразить известной строкой Б. Пастернака: «У вас какое, милые, тысячелетие на дворе?» В этом случае все определяемые цивилизационными различиями и национальными особенностями типы и модели политических культур распределяются по отношению к эталону. В качестве эталонного принимается уровень развития политической культуры европейских народов, прежде всего ее англосаксонский вариант. Евроцентристский (либерально-центрированный) подход, при естественной ограниченности, содержит несомненный потенциал для компаративистского анализа феномена политической культуры, позволяя, по определению П. Сорокина измерять социокультурные явления в терминах других социокультурных явлений¹¹. В данном случае можно говорить о «вертикальном времени».

И, наконец, в-третьих, возможен мультикультурный подход, в основе которого лежит признание инаковости ценностью. Он основан на осознании уникальности всех существующих культур и, соответственно, выработанных этими культурами систем политических отношений. Для каждой политической культуры необходима

собственная шкала времени, связанная с внутренними процессами, протекающими в рамках самой этой культуры. Полнота реализации имманентных политической культуре признаков в целом не зависит от ее типа. Может быть, теоретически говоря, достигнут максимально возможный уровень реализации тоталитарной политической культуры, образец которого был дан в Дж. Оруэллом в его знаменитом романе «1984».

Анализ основных типов политических культур позволяет говорить о том, что конкретно-историческое изучение только одной национальной политической культуры, возможно на основе мультикультурного подхода, но для сравнительно-исторического анализа необходимо все же определить направление эволюции политической культуры страны, в том числе, разумеется, и России, в ее сопоставлении с социальным временем других политических культур¹².

При анализе составляющих политическую культуру отдельных структур, можно говорить о диахронности как неотъемлемом элементе развития, связанном с формированием и трансформацией этих структур¹³. К числу таких структур относятся, прежде всего, властные институты – парламент, правительство, партии, институт монархии, судебные учреждения, а также церковь. Однако не меньшее значение для политической культуры имеют преобладающие в обществе идейные течения. Очевидно, что при конкретно-историческом или сравнительно-историческом исследовании необходимо выявление различных стадий развития каждой из политических и идейных структур, образующих систему политической культуры.

Изучение политической культуры как целостной динамичной системы предполагает выявление *отношений* между составляющими ее структурами в едином календарном времени. Анализ отношений различных структур, т. е. связей между ними, составляющих политическую систему, рассматриваемую в объективном времени, позволяет выявить их диахронность. В этом случае мы будем иметь дело с разновременными по длительности существования структурами. Корреляция этих структур и будет в данном случае диахронностью системы: система синхронна в каждый момент времени, – объективное и социальное время системы совпадают; отношения между ее структурами асинхронны, что в целом и составляет особенности темпоральности политической культуры.

Существование носителей разного исторического времени в политической культуре также может рассматриваться как проявление особенностей социального времени. Можно сказать, что внутреннее содержание культуры изучаемой страны (Англии или России) овнешнялось в научном творчестве историков, создавая основу для усвоения осмысленного и представленного в формах, отвечающих национальной ментальности.

В изучении прошлого общества и человека в этом обществе историков интересуют явления, процессы, события, их взаимосвязи, причины и последствия исторических событий, различные проявления деятельности людей. Вне зависимости от того, изучаются ли явления «большой длительности» или казусы, социальные, экономические или политические проблемы, исследователь–историк – обращается, прежде всего, к описанию и объяснению событий.

В Англии интерес к политическому устройству России, особенностям повседневной жизни, а также к ее роли в экономике и торговле возник еще в 1553 г., в период ее «открытия» экспедицией Ченслора¹⁴. На протяжении XVI–XVIII вв. в общественном мнении и культурной традиции Англии сформировалось в целом отрицательное представление не только о политическом строе и государственном устройстве России, но и о нравах и обычаях народа. Петр Великий, Екатерина II и Александр I в XVIII–XIX вв. имели почитателей в Англии, но это не привнесло серьезных изменений в сложившийся негативный стереотип России и русского народа.¹⁵ Вместе с тем, в XVIII в. следует отметить появление и иных форм восприятия англичанами России, прежде всего ее политической системы. В январе 1785 г. в Россию прибыл знаменитый Джереми Бентам. Около двух лет Бентам прожил в основанном князем Потемкиным Кременчуге, не имея непосредственных связей ни с населением, ни с самой жизнью России, хотя задачей Бентама было оказание помощи в создании наилучшей модели конституции. Однако он покинул Россию с убеждением, что ни в каких переменах, находясь под просвещенным правлением Екатерины II, страна и не нуждается¹⁶. Но большинство английских сочинений о России XVIII–XIX вв. были отмечены духом традиционной враждебности и подозрительности.

В период 1814–1841 гг. русофобия, подогреваемая событиями в Греции, восстанием 1830–1831 гг. в Польше, конфликтами на Ближнем и Среднем Востоке, продолжала расти в Англии и в 1840-х

– 1850-х гг., особенно в период Крымской войны, была сильна как никогда. Это стало одной из причин неудачи попытки создания в 1844 г. славянской кафедры в Оксфордском университете историком–эмигрантом В. Красиньским¹⁷. И только во второй половине XIX в. ситуация с изучением славянских языков, культур и народов в Англии изменяется. Постепенно, как результат не очень заметной, но очень полезной деятельности английских и русских общественных деятелей и представителей культуры, рос взаимный интерес к национальной культуре обоих народов. Этот интерес в не меньшей степени, чем объективно назревшая потребность в специалистах, знающих язык, культуру, особенности политической системы и истории страны, ставшей конкурентом Британии на Ближнем и Среднем Востоке, сформировали условия для возникновения английской научной школы русских и славянских исследователей.

Много усилий для расширения культурных связей Англии и России в 1840-х – 1850-х гг. приложил У. Пальмер, стремившийся к сближению церковей двух стран, и его многолетняя переписка с А. С. Хомяковым дает материал для анализа особенностей межкультурных коммуникаций в сфере межконфессиональных отношений¹⁸. Развитие разнообразных форм межкультурного диалога, в том числе диалога религиозных конфессий, является важной формой не только межгосударственных, но действительно международных отношений. Впервые Пальмер посетил Россию еще в 1840–1843 гг., в тот период, когда принадлежал к «установленной» англиканской церкви и доказывал необходимость сближения и даже единения англиканства и православия. Но в 1840-х – 1850-х гг. влияние англиканства на политическую и общественную жизнь падало, а вместе с тем изменялась и религиозная ситуация в стране. Росли религиозные разногласия внутри самой Церкви Англии, связанные с деятельностью Оксфордского, или «трактарианского» движения. К Оксфордскому движению примкнул и У. Пальмер. Постепенно «трактарианцы» пришли к убеждению, что англиканство выполнило свою историческую миссию, и все больше склонялись к идеям реставрации католицизма в Англии. Развитие Оксфордского движения способствовало возрождению католической иерархии в Англии, уничтоженной триста лет назад. Пальмер также принял католичество, что повлияло на его отношения с русскими православными деятелями.

Конфессиональные отношения русской православной церкви, а также и славянофилов, к католицизму были непримиримо враждебными. Когда в 1840-х гг. Хомяков писал, что «в сравнении с другими землями Европы... < Англия> есть по преимуществу земля живая», причину он видел в сохранении обычаев и традиций, которые спасают Англию и от английских законов и от ее учреждений¹⁹. Но наряду с «преданием и поверьем» он высоко оценивал религиозную жизнь англичан – главную основу английской жизни²⁰.

В 1860-х гг. нельзя не отметить особую роль в Английском обществе А. И. Герцена. В конце 1850-х начале гг., когда Герцен, как писал В. И. Кельсиев, был «во всем блеске его славы и авторитета», «каждый приезжавший <в Лондон> бежал к Трюбнеру». Николай Трюбнер был английским издателем Герцена и сыграл большую роль не только в распространении сочинений Герцена, но и других русских книг. «Русские благодарили его за либерализм, за его деятельность на благо человечества вообще и русского народа в частности»²¹. Связи Герцена собственно с английским обществом не были особенно широкими и прочными²², тем не менее, он был центром, притягивающим не только русскую эмиграцию, но и англичан. Известно, что с Герценом и Огаревым установились контакты у Дж. С. Милля. Сохранилось письмо Милля к Огареву, в котором он положительно отзывался о деятельности «Вольной типографии»²³. Герцен поддерживал отношения как с представителями позднего чартизма, так и с либеральными и радикальными деятелями, а также многочисленными издателями и журналистами.²⁴ Тогда же, в конце 1850-х гг., устанавливаются отношения А. И. Герцена с Ч. Г. Пирсоном, одним из тех английских путешественников, которые, узнав Россию, считали, что ее национальное своеобразие предопределяет и особый путь ее развития. Но при этом Пирсон считал, что английская традиция ближе российской, нежели континентально европейская²⁵.

В 1860-х гг. внимание англичан, посещавших Россию, сосредотачивалось, прежде всего, на Великих реформах. Большинство англичан, живших в этот период в России или посещавших страну, связывали отмену крепостного права с личностью царя-освободителя. «Даже критически и антимонархически настроенный Томпсон из “Общества друзей русской свободы” считал, что .... Александр руководствовался благородными намерениями»²⁶. К причинам, тормозившим развитие реформ и России, относилась,

прежде всего, неразвитость института крестьянской собственности, слабое развитие образования, отсутствие «внутренней свободы» личности. Отношение же к самодержавию было в Англии весьма неоднозначно, но в целом скорее положительно. Зато вся более высоко оценивали в Англии культурные последствия реформ. «Эпохе великих реформ было суждено принести богатые плоды не только в политической жизни России, но и в интеллектуальной и политической жизни Европы», – писал английский журналист М. Бэринг²⁷.

Во второй половине XIX в. общественное мнение Англии формировалось, главным образом, под влиянием острых англо-русских внешнеполитических конфликтов, прежде всего в вопросе о судьбах Османских владений, а позднее и в связи с колониальными противоречиями в Центральной Азии. Тем важнее была роль немногочисленных представителей России, постоянно живущих в Англии и имевших возможность повлиять лично, и через своих друзей в стране на представления англичан о России. Одним из таких «посланцев России» в Англии была Ольга Алексеевна Новикова, почти постоянно жившая в Лондоне с конца 1860-х гг.²⁸ «Депутатом от России» назвал Ольгу Алексеевну премьер-министр Англии Бенджамин Дизраэли; русофобы считали ее «русским агентом», но были среди англичан и те, кто считал ее представителем «неофициальной России»²⁹, и в этом качестве Ольга Новикова сделала для своей страны больше, чем многие официальные политики и дипломаты для защиты государственных институтов России и внешней политики в Восточном вопросе. Она стремилась также рассеять предубеждения англичан по отношению к политическому строю и религиозным убеждениям своего народа³⁰.

В книгах и статьях, адресованных английской публике, О. А. Новикова «отстаивала историческую правомерность самих внутренних политических и общественных устоев России, к которым британцы традиционно относились весьма критически»³¹. Новикова подчеркивала, что «Россия ...богатством <материальным> похвастаться не может. Ее привилегия – богатства духовные, которые, в соответствии со старомодными русскими воззрениями, не во все заслуживают презрения. Но наши духовные богатства не могут угрожать Великобритании»³². Одной из таких ценностей было, несомненно, православие.

Ольга Алексеевна была в дружеских отношениях с К. П. Победоносцевым³³, знатоком английского парламентаризма, английской правовой системы, и в то же время ортодоксально православного, что не могло не отразиться на ее взглядах³⁴. Православие было для таких людей больше чем верой, оно было для него опорой власти и национальной самобытности России. Поскольку вера не связана с рассудочными рассуждениями, для Победоносцева, например, система английской «свободной церкви в свободном государстве» могла существовать лишь на основах «религиозного индифферентизма»³⁵. Но в английской церкви он, как и близкие к нему православные иерархи, мыслители, общественные деятели, среди которых была и Новикова, видели союзника, с которым можно «вместе бороться» с «общими врагами», «взаимно ободряя и поддерживая друг друга»³⁶. Не принимая евангелического движения, Победоносцев, тем не менее, сходил в мнении, например, с лидером английских либералов У. Гладстоном, в том, что «всякий прогресс поверяется и испытывается христианскою верою»³⁷.

Отстаивая незыблемость православия в России, О. А. Новикова, как и ее старший брат, генерал Александр Алексеевич Киреев, с начала 1870-х гг. проявляла вместе с тем несомненный интерес к сотрудничеству христианских церквей³⁸. В 1871 г. генерал А. А. Киреев, не являясь, впрочем, официальным представителем России, присутствовал на первой межконфессиональной конференции³⁹, организованной руководством Церкви Англии. О результатах работы конференции и об отношении к обсуждавшемуся вопросу православной церкви он написал специальный трактат, который О. А. Новикова перевела на английский язык и способствовала распространению этой работы⁴⁰.

О. А. Новикова стремилась донести до английского общества свои представления об особой роли для России не только православия, но и самодержавия как народной власти. «Все население моей страны, – писала она – с готовностью отдаст последнее, что имеет, даже свою жизнь, если того потребует наш царь ... “Мы вверяем тебе нашу жизнь” – ... это не пустая фраза. Русская история служит подтверждением тому, что это – реальность»⁴¹. Английскую привычку «обвинять <Россию> в грехах прошлых, настоящих и будущих» О. А. Новикова связывала с «невежеством – простым, тривиальным и незамысловатым». Ведь даже через 17 лет после отмены крепостного права англичане полагали, что политическая Россия

основана «на режиме кнута»⁴². Очевидно, что Новикова сознательно или бессознательно смешивала вопрос об отмене крепостного права и, например, телесных наказаний, с оценкой всей политической системы России как «тиранической», являвшейся типичной для ценивших парламентаризм и личную свободу англичан.

Взаимный интерес к религиозной жизни был одной из причин дружеских отношений, связывавших О. А. Новикову с лидером британских либералов У. Гладстоном⁴³. В переписке Гладстона и Новиковой обсуждались проблемы, связанные с религиозной и политической жизнью, а также и деятельностью русских революционеров в Англии. Новикова, несомненно, повлияла на взгляды своего английского окружения. Один из самых радикальных журналистов Англии – У. Т. Стэд, во всем, что касалось России, почти буквально воспринял и отстаивал взгляды Ольги Алексеевны⁴⁴. Стэд считал, что антикатолические убеждения О. А. Новиковой создали ей много почитателей среди английских общественных деятелей, прежде всего либералов. Однако сам он «среди видных деятелей британской журналистики» в течение долгого времени был «едва ли не единственным русофилом»⁴⁵.

Мемуары, публицистика и личные контакты с государственными и общественными деятелями Ольги Новиковой не могла, тем не менее, изменить стереотипы восприятия России в Англии. Сами же англичане, приезжавшие в Россию, как правило, не стремились узнать обычаи, традиции и культуру нашей страны. Среди них было много действительно крупных специалистов своего дела, однако большинство лишь искало заработка, а иногда и просто быстрого обогащения. Как заметил И. С. Тургенев, в «свободной, но уважающей всякую силу, а стало быть, и силу денег Англии» для почта и уверенности в своих правах не нужны ни ум, ни знания, ни талант, но «слишком достаточно» обладать громадным имением⁴⁶. Еще менее своих соотечественников, стремившихся составить себе состояние, находили что-либо, достойное глубокого изучения и внимания, богатые путешественники, достаточно часто посещавшие Россию. Существовавшие негативные стереотипы укреплялись по мере усиления России на Востоке и связанных с этим англо-русских противоречий.

Одним из наиболее интересных феноменов в английской литературе о России второй половины XIX в. является почти полное отсутствие мемуаров дипломатов, работавших или посещавших

Россию⁴⁷. Но превращение России в основного конкурента Британии на Востоке, а равно и новые явления российской политической жизни, такие как «нигилизм», привлекали внимание ко всем вопросам как политической, так и культурной жизни нашей страны, ее истории и народным традициям. В 1880-х гг. в Англии возникает первая научная школа русских исследований, основателем которой стал профессор У. Мофил. И если первоначально он сталкивался с глубоким невежеством и равнодушием соотечественников, то «постепенно отношение англичан заметно изменилось на его глазах»⁴⁸.

В течение длительного времени формировался и постепенно возрастал в Англии интерес к литературе, искусству России. Первое знакомство англичан с образцами русской культуры, а именно народного фольклора, относится к началу XVII в. Бытовавшие в русской крестьянской среде былины были записаны еще в 1619 г. капелланом английского посольства, выпускником Оксфорда Ричардом Джеймсом.⁴⁹ Русский фольклор, прежде всего былины, рассматривались во взаимосвязи с устной традицией ранней русской литературы. Первый английский автор, проявивший научный интерес к русской литературе – Уильям Морфил, – выделял пять основных циклов былинного жанра, но добавлял к ним и два более современных – песни и сказания о времени Петра Великого и «современный» фольклор. Подробно рассказал он на страницах своих книг об истории изучения фольклора, дискуссии об истоках и происхождении былин⁵⁰.

Знакомство англичан с русской художественной литературой началось после выхода в Англию в 1793 г. перевода сочинения «Иван-Чаровник», написанного Екатериной II. Несомненно, что английскую публику больше занимала личность автора произведения, а не художественные достоинства, но с этого времени интерес к русской литературе и культуре становится относительно устойчивым⁵¹.

С начала XIX в. в Англии время от времени печатались переводы сочинений русских писателей – Карамзина, Жуковского, Бестужева-Марлинского, Загоскина, Жуковского, Лажечникова. В 1835 г. был издан первый сборник произведений Пушкина. Однако только в 1860-х – 1880-х гг. интерес английских читателей к русской литературе становится действительно значительным: на страницах британских изданий уже регулярно появлялись переводы произведений Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Тургенева и других

знаменитых русских писателей, выходят в свет сборники русской прозы⁵². Широкую популярность в 1870-х гг. приобретают в Англии произведения Л. Н. Толстого. В 1875 г. желание заниматься переводами произведений Толстого на английский язык выразили сестры Урусовы⁵³. В 1878 г. к Толстому обратился известный критик и редактор Уильям Ролстон с просьбой прислать биографические сведения для статьи, которую он намеревался написать о «Войне и мире». И хотя Толстой отговаривал его от этого намерения, и писал, что не разделяет мнение своих друзей «утверждающих с уверенностью, что <его> произведения должны будут занять некоторое место в русской литературе», Ролстон написал и поместил в журнале «Nineteen Century» статью о творчестве Л. Н. Толстого⁵⁴. Расцвет русской культуры высоко оценивали в Англии и связывали с последствиями Великих реформ, которым «было суждено принести богатые плоды не только в политической жизни России, но и в интеллектуальной и политической жизни Европы» — как отмечал английский журналист М. Бэринг⁵⁵.

Общий рост интереса к культуре и политике России, безусловно, оказал влияние на выбор славяноведения сферой научных интересов основателем научной школы русистики в Англии Уильямом Ричардом Морфилом. В это же время появилась и финансовая возможность заниматься славяноведением в Оксфорде: Уильям Томас Хорн, четвертый граф Илчестер (1795–1865 гг.), выпускник колледжа Крайст Черч, завещал значительные для того времени средства на организацию исследований в области славянских языков, истории и литературы. Благодаря этому пожертвованию лорда Илчестера появилась возможность организовать лекционные курсы, финансировать публикацию некоторых из них и присуждать награды и стипендии⁵⁶. Одним из первых лекторов фонда Илчестера с 1870 г. стал сам У. Морфил, среди других следует назвать Р. С. Ролстона, В. Томсена, А. Вратислава, С. Абеля, а также двух русских профессоров — М. М. Ковалевского и П. Виноградова.

В 1879 г. Морфил становится профессором славянских языков в Оксфорде, и в 1880 г. вышла из печати его работа — «Россия». Как писал в предисловии сам автор, его целью было дать компас, который помог бы читателю ориентироваться реалиях Российской империи⁵⁷. Морфил описал физико-географическое положение, этнографию, язык, культуру и искусство России; дал характеристику городам, наиболее значимым в ее истории, культуре и экономике.

Есть в книге и краткий обзор правительственных учреждений, политической и церковной жизни, социально-экономического положения, истории России, предпринята попытка дать очерк национального характера.

При написании своей первой книги Морфил опирался на исследовательский потенциал, уже накопленный в исторической, филологической и географической науках о России. Иногда, например в оценках русского искусства, У. Морфил следовал тенденциозным оценкам и выводам. Основываясь на работах Снегирева, посвященных русской иконе, Морфил отметил существование нескольких школ иконописи. Однако русскую икону он, как и немногие западные авторы, писавшие в последней трети XIX в. о культуре Древней Руси, оценивал невысоко. Он считал, что иконопись отличалась «стереотипностью формы» и художественной ценности не представляла⁵⁸ и в XVIII–XIX вв., по его мнению, русское искусство не создало ничего оригинального, рабски копируя создаваемое Западом⁵⁹.

Морфилу порой не хватало знаний современной ему русской историографии, что приводило к недооценке важнейших сочинений по истории России. Так, многотомную историю России С. М. Соловьева оксфордский профессор оценивал достаточно неоднозначно, считая «несомненно, монументальной», но не вполне «симметричной и пропорциональной», «скорее, материалом для будущих писателей»⁶⁰. При описании отдельных регионов России или проблем международных отношений им использовались также публицистика, выступления английских и российских общественных деятелей. Среди этих работ – доклад Генри Лэнсдела, проделавшего путешествие по Сибири для изучения пенитенциарной системы и состояния медицинской помощи населению. При характеристике англо-русских отношений Морфил обращался к публицистике О. А. Новиковой⁶¹. В дополнение к своей книге о России он мог порекомендовать английскому читателю в 1880 г. лишь собственную статью о русской литературе 1877 г., появившуюся в «Вестминстер Ревью» («Westminster Review»). Он отметил также книгу Маккензи Уоллеса, также изданную под названием «Россия», и «Историю России» Бестужева-Рюмина, переведенную на английский язык с немецкого (а не с оригинального) издания.

Круг материалов, привлеченных Морфилом для написания второй книги, – «Славянская литература» – значительно шире, что свя-

связано с преимущественным интересом самого автора к изучению славянских языков и литературы. В этом сочинении, изданном тремя годами позже, Морфил пополняет список книг, рекомендуемых заинтересованным читателям, работой миссис Робинсон (оставшейся, правда, по его замечанию, «совершенно неизвестной английскому читателю», хотя и изданной в 1850 г.) и исследованием Дж. Ф. Маклира «Славяне»⁶². Он ссылался на «Славянский Архив», издававшийся в Германии, труды П. Шафарика. Но Морфил знакомил английского читателя с состоянием исторической и филологической наук также в самой России – им использованы исследования Снегирева, Востокова, Срезневского, Стасова, Пыпина и Спасовича, украинского историка Драгомирова и русских историков XIX в. – Карамзина, Соловьева, Бестужева-Рюмина.

Морфил уделил в своих книгах достаточно внимания различным регионам России. Так, например, он неоднократно обращался к проблемам истории и культуры Новгорода. Прежде всего, Новгород служил ему одним из географических ориентиров расселения великороссов. Северную границу региона этого расселения Морфил определил широтой Новгорода и Вологды⁶³. Есть упоминания о роли Новгорода в краткой характеристике основных периодов русской истории: основания Русского государства, связанного с призванием варягов и Рюриком; феодальной раздробленности; раскола Руси на Западную и Восточную (в периодизации Морфила это 1228–1328 гг.); формирования и консолидации Московского государства⁶⁴.

Новгородская история и описание ее культуры в работах У. Морфила изложены очень кратко и сжато. «Ныне, – писал Морфил в 1880 г. – Новгород (древний)⁶⁵ потерял прежнее значение. Это провинциальный город с 16 781 жителем». Но Новгород сыграл огромную роль в истории России. По мнению Морфила, в Новгороде конца XIX в. мало что напоминало о прежнем величии. Город сохранял исторически сложившееся деление на две части – Софийскую и Торговую, соединенные каменным мостом. Но из памятников прошлого Морфил называет только Кремль и Святую Софию. «Прежде, – сообщал он своим читателям, – это был один из самых богатых городов, входивших в Ганзейскую Лигу (так в английском тексте – *И. Я.*)». И новгородцы гордо говорили, что против Бога и Новгорода Великого никто не устоит. Упадок Новгорода, утверждал Морфил, произошел в правление Ивана Грозного,

казнившего новгородцев с величайшей жестокостью. Упоминается в книге и отправленный в Москву колокол, созывавший новгородцев на вече (*в англ. тексте* – «Vech»). Вече Морфил называл «национальной ассамблеей». Он указывал на древний республиканский характер Новгородского правления и на то, что республиканская традиция была уничтожена не только в Новгороде, но также в Пскове и Вятке⁶⁶.

Достаточно трудно выделить источники, которыми пользовался Морфил описывая историю России. Можно лишь указать на хорошее знание записок английских путешественников XVI–XVII вв., на лингвистические и фольклорные материалы, использование которых определялось сферой интересов исследователя, и, конечно же, на его знание работ крупнейших российских историков – М. Н. Карамзина, С. М. Соловьева, Бестужева-Рюмина.

При написании своих книг Морфил не ставил аналитических или теоретических задач. Их можно отнести, даже с учетом временной перспективы, к жанру учебной или справочной литературы. Публикации Морфила, безусловно, имели значение как первые пособия для студентов, избравших своей специальностью в Оксфорде 1880-х – 1890-х годов русский и другие славянские языки. Можно рассматривать книги У. Морфила и как ранний, пусть и не слишком глубокий и научно оснащенный, опыт междисциплинарных работ по русистике.

Научная значимость славянских и русских исследований длительное время не вызвала общественного резонанса в Великобритании. Лишь в 1940-х гг., с началом Второй мировой войны и установлением советско-британских союзнических отношений, не только научная, но и общественно-политическая значимость подготовки специалистов по истории России и славянских стран была осознана британской политической элитой и востребована всем общественно-политическим развитием⁶⁷. После Второй мировой войны, в 1947 г., был опубликован доклад правительственной комиссии о состоянии славянских, восточноевропейских, ориентальных и африканских исследований в Великобритании. В докладе давались рекомендации по созданию научных центров для развития и популяризации результатов таких исследований. В 80-х годах XX в. факультеты и кафедры, изучающие Восточную Европу и Россию, сформировались во многих университетах Великобритании.

В настоящее время либеральные ценности стали частью всех основных течений общественно-политической мысли. Но во второй половине XIX в. российская общественная и историческая мысль только закладывала основы восприятия и модификации либеральной западноевропейской традиции. Большой интерес представляли для российской общественно-политической мысли реформы политической и социальной сферы в Англии⁶⁸. Поскольку освоение инокультурного опыта представляет собой взаимосвязанный процесс его восприятия, осмысления, последующей адаптации, распространения и реализации на национальной почве в отвечающих потребностям социума формах, либерализм в России был явлением национально своеобразным.

Отличия русского и западноевропейского восприятия либеральных ценностей сформулировал еще в 1840-х гг. К. Д. Кавелин. В России, писал он, «индивидуальность не имела простора, начала личности не было вовсе. То, что составляло основание всего европейского развития, что определяло европейскую жизнь – не было вовсе»⁶⁹. Причину этого Кавелин видел в особенностях исторического развития России с самого образования государственности. Европейское историческое «движение» «началось с блистательного развития индивидуального начала, которое более и более вовлекалось, вдвигалось в условия государственного быта; у нас история началась с совершенного отчуждения личного начала, которое мало помалу пробудилось и под влиянием европейской цивилизации начало развиваться. Конечно, должно наступить, рано или поздно время, когда оба развития пересекутся в одной точке и тем выровняются. Но теперь это глубокое различие задатков развития, общих предположений есть одна из главнейших причин, что мы друг друга мало понимаем»⁷⁰. Несомненно, что именно стремление глубже понять, оценить и проанализировать возможность использования иностранного опыта сделало во второй половине XIX в. тему «Россия и Запад» предметом внимания отечественных историков самых разных направлений.

К проблеме западных влияний обращались историки консервативного, славянофильского, западнического направлений; сторонники теории «борьбы земщины и государства» и государственной школы. Вопрос о влиянии научных исследований истории Англии на формирование русского варианта либерализма связан во второй половине XIX в. и на рубеже XIX–XX вв., прежде всего, с исследо-

ваниями и педагогической деятельностью Т. Н. Грановского, П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского. Н. И. Кареева.

В 1848 г. появилась статья Т. Н. Грановского «Реформы в Англии». В этой статье он остановился на факторе личности в истории, поскольку только личность способна осуществить потребности своей эпохи⁷¹ или, в иной терминологии, реализоваться в социальном времени своего народа. Грановский полагал, что в России 1850-х гг. настал переломный период истории, в связи с чем возрастала роль «меньшинства» образованных людей страны⁷², способных отразить «общий дух, устремления эпохи и народов»⁷³. Основные интересы Т. Н. Грановского были связаны с историей средневековой Европы. Поэтому много внимания уделял он судьбе поземельных отношений, крестьянским движениям, в том числе восстанию Уота Тайлера в Англии. Сторонник монархии, он обращался также и к истории английского абсолютизма. Но Тимофея Николаевича интересовала не только социально-политическая история, но и история народов. Безусловный интерес представляют суждения Грановского о природных источниках этнической ментальности: англичане, например, народ, прежде всего, связанный постоянно с морем. Поэтому Грановский был убежден, что «у истории две стороны: в одной нам является свободное творчество духа человеческого, в другой – независимые от него, данные природой условия его деятельности»⁷⁴. Народ, согласно его концепции, «свободно и обдуманно создает свое бытие». Сколь бы ни была для Грановского – идеалиста по взглядам – важна роль духа, народ и человек не просто средство, материал для истории, а условие реализации ее творческого начала⁷⁵.

Другим крупным ученым, способствовавшим росту интереса к английской истории образованной части российского общества, был П. Г. Виноградов. Он стал не только известным специалистом в России, но связующим звеном английской и российской культур конца XIX – начала XX вв., став доктором Даремского, Кембриджского и Ливерпульского университетов в Англии, почетным членом как Британской, так и Российской академий. Собирая материал для своих научных сочинений, Виноградов работал в Британском Музее, библиотеках крупнейших университетов, в Государственном архиве. Первая же его большая работа – «Исследования по социальной истории Англии в средние века» – вышла в свет не только на русском, но и на английском языках. Виноградов стал одним из первых русских

лекторов в Оксфорде и приглашен он был тем самым фондом Илчестера, который сделал возможным основание школы славянских исследований и русистики в Англии. Больше всего внимания уделил в своих лекциях славянофильству, которое интересовало англичан как особое «русское» направление общественной мысли⁷⁶. После переезда историка в Англию одной из важных тем его исследований стала реформаторская политика Александра II. В лекциях, посвященных истории XIX в. 1860-х гг., которые Виноградов читал в качестве одного из первых русских лекторов фонда Илчестера, он показывал европейские корни русского либерализма и неизбежность Великих реформ⁷⁷. Но особое внимание истории Англии и либеральному реформаторству XIX в. в России уделяли в своей научной и общественной деятельности историк Н. И. Кареев, социолог М. М. Ковалевский и юрист И. И. Янжул.

Максим Максимович Ковалевский, социолог и общественный деятель, в знаменитой вводной статье к изданию работы Монтескье «О духе законов» отмечал, что «вопрос о природе и источнике правительства» уже в XVII в., благодаря трудам философов, в том числе Локка, «был перенесен на почву вымышленного общественного договора, якобы связавшего разрозненные семьи людей, под властью ими же поставленного начальства. Спор консерваторов и либералов свелся с этого времени... к установлению тех пределов, далее которых не может идти вмешательство власти в свободу внутренних и внешних проявлений личности»⁷⁸. Знакома русскую публику с неопубликованными заметками Монтескье, М. М. Ковалевский выделил ту мысль, что в Англии государство было «смешанным», при котором парламент оставляет за правительством достаточно власти для установления и «сохранения умеренного образа правления». И главную опасность свободе в Англии представляет не вырождение монархии, а власть денег: они «в ней в большом почете, честь и добродетель ценятся мало, и подкупность проникла во все сословия»⁷⁹. На примере Англии, подчеркивал Ковалевский, раскрывались французским просветителем «влияние политических учреждений», соотношение природного и политического фактора, присущий англичанам дух «независимости и самоопределения», религиозную терпимость. Не случайно анализу именно этих вопросов уделяет Ковалевский столь большое внимание, подчеркивая вместе с тем, что не следует преувеличивать значение политических учреждений при объяснении народной пси-

хологии и народного быта⁸⁰. Глубокое проникновение в содержание анализируемого труда показывало Ковалевскому иногда «отгадывать» мысль автора по социальным вопросам, связывая, как правило, свои выводы с английской социально-экономической реальностью. Не случайно Ковалевский подчеркивал, что миссия государства – защита «не только в области гражданского или уголовного правосудия, но в сфере экономической борьбы интересов»⁸¹.

Соотношение политических и социальных свобод и история парламентских реформ в Англии также привлекала внимание Ковалевского. На протяжении всего XIX века активное и пассивное избирательное право в Англии было связано с обладанием частной собственностью. Расширение активного и пассивного избирательного права осуществлялась поэтапно. Парламентские реформы 1832, 1867 и 1884–1885 гг. расширили политические права граждан. М. М. Ковалевский писал в начале XX века: «Движение в области политического устройства обусловлено было параллельными изменениями в общественном строе. Доказательством тому может служить факт, что Англия, под влиянием ... стремления к изополютии более или менее расширила основы своей представительной системы». С изополютией М. М. Ковалевский связывал торжество весословности⁸².

Резко выросла роль интеллектуальной элиты страны, которая была одним из основных факторов развития межкультурных коммуникаций России и Запада – изучения и трансляции экономического и политического опыта западных народов и государств, а также его адаптации и использования с учетом этнокультурных, ментальных и политических особенностей России. Известный экономист и публицист конца XIX – начала XX вв., профессор финансового права Московского университета И. И. Янжул впервые познакомил российскую читающую публику со многими новейшими явлениями английской общественной жизни⁸³. Публицистические и научные работы Ивана Ивановича Янжула – одного из наиболее авторитетных правоведов последней трети XIX века, посвященные социально-политическими проблемами России и Британии, делали британский социальный опыт достоянием интеллектуальной российской жизни, способствуя более полному и глубокому восприятию западной социально-экономической и правовой мысли. И. И. Янжул обращался прежде всего к изучению опыта социально-экономического законодательства Англии, а также финансовым

вопросам и формам реализации социальных проектов британской общественностью.

В целом ряде работ И. И. Янжул поднял проблемы практической филантропии в Англии как способа осуществления социальных инициатив. Наибольшее внимание он уделял просветительским начинаниям⁸⁴, полагая, что целью их должно быть не только образование, но и приобщение малоимущих социальных групп к разнообразным здоровым развлечениям, создание возможности для более широкого общения, «крайне важного для правильного общения и даже для успешного умственного развития»⁸⁵. С 1884 г. в рабочем районе Восточного Лондона, где «более тридцати процентов принадлежит к беднякам» и, «дурно одетые, дурно питаемые, кое-как перебиваясь изо дня в день», они проводят жизнь «в непрестанной борьбе с нуждой в отсутствии всякого комфорта»⁸⁶, начал создаваться «Народный дворец». Анализируя задачи проекта – увеселительную, образовательную и социальную – И. И. Янжул связывает постановку именно этих задач с глубоким и полным знанием авторами идеи и создателями «Народного дворца» положения населения Ист-Сайда. Описывая жизнь и быт беднейших слоев Лондона, Янжул одновременно знакомил читателя и с новейшими британскими исследованиями того времени, посвященными социальным проблемам⁸⁷.

Один из своих социальных очерков Янжул посвятил так называемому «Тойнби холлу» – университетскому поселению в Восточном Лондоне, основанному английским благотворителем Барнеттом⁸⁸. Члены и участники этого проекта, одушевленные «одной и той же идеей общего блага для народа», стремились «содействовать посильно поднятию и улучшению <его> ... быта», на путях благотворительности и развития здравоохранения, просвещения, создания новых финансово-экономических учреждений – сберегательных касс, ассоциаций и даже клубов⁸⁹. Многие начинания английских благотворителей и социальных реформаторов нашли применение и в России – возникли «народные дома», занимавшиеся широкой просветительской деятельностью, был основан в начале XX в. «общедоступный университет» Шенявского.

Использовался в России также опыт финансового и социального законодательства Англии, блестящим знатоком которого был И. И. Янжул. Участвуя в работе Московской комиссии для осмотра фабрик и заводов, он способствовал публикации в русском перево-

де английского законодательства по рабочему вопросу. Особое внимание Янжул уделил комментариям к британскому «Акту о фабриках и мастерских» 1878 г. В специальных примечаниях к статьям закона разъяснялись для русского читателя специфическая терминология и общественно-политическая ситуация, в которой принимался закон, условия его применения государственным секретарем еще до вступления в силу. Янжул освещает также связи Акта 1878 г. с существующим в Англии санитарным законодательством, в том числе с санитарным актом 1875 г., специфические проблемы охраны труда, особенности занятости в промышленно-подростков (детей) и женщин⁹⁰.

Педагогическая, научная и просветительская деятельность не могла полностью удовлетворить И. И. Янжула, поэтому в 1882 г. он принял предложение министра финансов Н. Х. Бунге и занял должность окружного инспектора «для наблюдения о занятиях малолетних на фабриках и заводах». Все кандидатуры на должность фабричных инспекторов утверждались министерством финансов по согласованию с министерством внутренних дел и, в случае Янжула, министерством просвещения⁹¹. В результате переписки трех министерств препятствий «к назначению ... профессора финансового права Московского университета статского советника Янжул» фабричным инспектором не оказалось⁹². Эту должность И. И. Янжул занимал в течение 5 лет. Однако целый ряд правительственных постановлений и распоряжений местных властей значительно ограничил деятельность инспекторов и их возможность повлиять на фабрикантов. Так, уже в 1885 г. московский генерал-губернатор издал новые «обязательные постановления» о взаимоотношениях владельцев и арендаторов фабрик и заводов Московской губернии с рабочими, основанные на том, что «некоторые ... удалены от значительных населенных центров»,⁹³ а в 1886 г. закон ограничил и без того небольшие полномочия фабричной инспекции. Все это привело к отставке Янжула с должности фабричного инспектора.

И. И. Янжул никогда не был сторонником революционных или радикальных действий. Это отразилось и в наблюдениях Департамента полиции, отслеживавшего настроения и взгляды интеллектуальной элиты⁹⁴. Вместе с тем, он был активным поборником социальных реформ и считал чрезвычайно важным участие государства, прежде всего законодательное, в разрешении социальных вопросов, прежде всего – рабочего. Обязательным условием успеха реформ

И. И. Янжул считал «широкую свободу», влияние «общественного мнения, воплощенного в свободной прессе, которая все контролирует, повсюду проникает». Английское политическое устройство, «давая полный простор развиваться ... сознанию <необходимости перемен общественной и государственной жизни> и возможность взвесить и обсудить каждый вопрос со всех сторон раньше, чем он поступает в ведение законодательной власти», способствовало созданию множества политических обществ и ассоциаций⁹⁵, что является одной из основных предпосылок создания и развития гражданского общества, построение которого было и остается условием успешного социально-экономического и политического развития России.

В конце XIX – начале XX вв. вышел 7-томный труд Н. И. Кареева «История Западной Европы в новое время»⁹⁶. История в изложении Николая Ивановича была подлинно всеобщей, отражая как социально-экономические, так и политические, и интеллектуальные тенденции развития большинства западноевропейских государств. Касаясь истории Англии, в IV томе своего труда, Н. И. Кареев уделил большое внимание идейной мысли. Так, Дж. Бентама автор «Истории Западной Европы в новое время» причисляет «к числу передовых либералов эпохи», чья «политическая теория была <в то же время> вполне демократическою». Бентам, отмечал Кареев, исходил в своей теории из того положения, что «верховным принципом власти и управления государством было счастье наибольшего количества людей», что не мешало ему быть «одним из ревностных проповедников невмешательства в экономическую жизнь»⁹⁷. «Единственным компетентным судьей своей собственной пользы, – писал Кареев, излагая теорию Бентама, – может быть только сам человек, а потому следует человеку, достигшему определенного возраста и находящемуся в здравом уме, предоставить свободу суждения во всех вопросах, касающихся его собственной пользы»⁹⁸. Показывая преемственность либеральной мысли в Англии, Кареев указывал, что взгляды Бентама были той нравственной посылкой, которую А. Смит положил в основу своей политической экономии, «так как для целей научного анализа ему как раз нужно было сделать предположение, что в хозяйственной деятельности человек, прежде всего, руководствуется собственным моральным интересом», а «стремясь к личной пользе, люди тем самым достигают и общей пользы»⁹⁹. Достаточно подробно изла-

гает Кареев также взгляды Мальтуса, Д. Рикардо, У. Годвина, создавая достаточно полную картину экономической мысли Англии на начальном этапе промышленной революции¹⁰⁰.

В пятом и шестом томах своего сочинения Николай Иванович Кареев уделил особенно значительное внимание политической истории Англии. Он подробно рассмотрел подготовку и проведение первой парламентской реформы, развитие чартистского движения, английское законодательство 1830/40-х гг. и обосновал торжество экономического либерализма и либеральной партии в Англии после 1847 г.¹⁰¹ Одной из заслуг Н. И. Кареева, безусловно, следует считать изучение и первое научное объяснение «викторианского компромисса» 50–60-х гг. XIX в. 20 лет почти непрерывного правления либералов не внесло существенных изменений в английское законодательство середины века. Тем не менее, общественно-политическая жизнь переживала период стабилизации, что Н. И. Кареев связывал с наступлением периода «наибольшего развития национального богатства Англии»¹⁰². Успехи в сфере торговли и экономики способствовали укреплению фритреда, росту авторитета либеральной экономической политики в общественном мнении Европы. Вместе с тем, Кареев показал и оборотные стороны бурного экономического развития – экономические кризисы и пауперизм.¹⁰³

Политическая история Англии середины и второй половины XIX в. связывалась Н. И. Кареевым с борьбой за расширение избирательного права, активизацией массовых политических движений в его защиту и изменениями в политических установках либералов и консерваторов. Оценивая результаты парламентской реформы 1867 г. он отметил, «что большая часть городских рабочих стала принимать участие в парламентских выборах». И хотя Англии пришлось затем еще 17 лет ждать следующей парламентской реформы, «которая и на этот раз не была предоставлением избирательного права всем совершеннолетним мужчинам», в Англии сформировались новые группы избирателей, изменилась расстановка политических сил и баланс интересов, что способствовало началу периода активного реформаторства в Англии¹⁰⁴.

Особое внимание уделил в своей работе Н. И. Кареев представителям классического либерализма и радикалам середины века, таким, как Дж. С. Милль и Дж. Брайт. Оценивая знаменитое сочинение Милля «О свободе», Николай Иванович отмечал, что Милль

не только очерчивает границы деятельности государства, но ставит проблему соотношения интересов личности и общества. Милль полагал, что личность может быть утесняема не только государством, но и обществом, «и в этом заключается новизна его точки зрения. ... Бывают случаи, когда тирания общества страшнее всевозможных политических тираний, ... необходимо иметь охрану и от тирании господствующего в обществе мнения или чувства»¹⁰⁵. Тирания «общественного мнения», о которой он писал, характеризуя взгляды Милля Кареева, была типична и для общественного мнения России, оправдывавшего и даже одобрявшего революционный террор последней трети XIX – начала XX вв.

Т. Н. Грановский, П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев были не просто выдающимися исследователями, но и столь же выдающимися педагогами. Их либеральные убеждения, активная гражданская позиция, осознание общности исторических судеб России и Европы, при признании несомненного своеобразия национальных путей формирования либеральной политической системы, оказывали глубокое влияние на студенческую молодежь, будущих школьных педагогов, а значит, и все молодое поколение России, так же как и на всю образованную часть Русского общества того времени.

«Использование иностранного опыта не противоречит» национальному, отечественному «проекту или концепции» развития, поскольку представляет собой «органический результат взаимодействия»¹⁰⁶. Роль интеллектуальной элиты и заключается в интерпретации этого опыта, его использовании с учетом национальной специфики.

Вклад отечественных историков, в том числе и занимавшихся английской историей и разрабатывавших сравнительно-исторические методы исследования, в создание политической программы российского либерализма несомненен. Возникновение и оформление этой программы связано с деятельностью прежде всего К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, К. К. Арсеньева; но и многие другие ученые-гуманитарии, в том числе историки второй половины XIX в., внесли свой важный вклад в ее развитие.

Впервые программа была обнародована в 1882 г. в серии статей, опубликованных «Вестником Европы»¹⁰⁷. К. К. Арсеньев, автор этой программы, подчеркивал, что «на знамени либералов ... начертаны совершенно ясно, по меньшей мере два девиза: свобода печати, свобода совести»¹⁰⁸. Важнейшей ментальной составляющей

либерального мировоззрения считал Арсеньев «уважение к чужим мнениям, признание за ними права на существование», называя их условиями, «без которых нельзя не только защищать, но и понимать свободу печати». А «свобода печати и свобода совести ... проистекают из одного источника»¹⁰⁹. Главным вопросом русского либерализма в конце XIX в. становился вопрос о «правовом порядке», то есть не только о политической, но и правовой культуре русского общества. И если основы либеральной политической культуры были заложены в России в последней трети XIX в., то основы юридического, а тем более, конституционного закрепления прав охватились главной практической задачей русского либерализма.

Едва ли можно считать полностью обоснованным утверждение, что становление в России либерализма «происходило без достаточной синхронизации с состоянием общественной среды»¹¹⁰. Как любому историческому явлению, либерализму присуща диахронность, и, следовательно, в социальном времени России второй половины XIX – начала XX вв. его представители были носителями иной темпоральности. Но в силу ментальных особенностей и общественного положения именно ученые-гуманитарии, и прежде всего – историки, способствовали медленной, но несомненной синхронизации социального времени Европы и России. Вместе с тем, нельзя не согласиться с утверждением, что поле выхода идей русского либерализма «в практическую социально-политическую сферу» было «предельно суженным»¹¹¹.

Либералы до конца XIX в. не были объединены. Хотя стремление к организованности политического либерализма выросло из попыток из либерализма земского найти «выходы в широкие круги общества», и продолжалось «в движении 1870-х – 1880-х гг.» Но и позднее, в 1894 г. «Земцы- конституционисты, вызвавшие подачу политических адресов..., с одной стороны... и интеллигентские элементы – с другой – ...не создали крепких центров»¹¹². Однако, при всей важности либеральной организации как политического института, партии являются лишь одной из опор либеральной политической культуры. Поскольку право на создание союзов не было в России закреплено законом, либерализм был важен именно как идейное движение для формирования «соответствующей ему среды «обитания»¹¹³.

Такая «среда» в условиях России, где историческое знание и историческое мышление стояли в общественном мнении чрезвы-

чайно высоко, традиции историописания и преподавания истории приобретали важное значение, поскольку формировали и формируют основу всей гуманитарной культуры и исторической памяти. Они могут и должны способствовать созданию культуры политического диалога, укреплению в России современного национального варианта либеральной идеологии, основанной на интерпретации и адаптации западного опыта. Опыт иной этнокультурной среды ценен настолько, насколько осознаются существующие различия. Исползовать чужой опыт возможно лишь в той мере, в какой позволяет это сделать язык нашей культуры, в том числе и формируемый исторической наукой. Важной задачей является создание условий для расширения сферы восприятия социумом этого «политико- и историко-культурного» языка.

История не знает случаев, когда либеральные идеалы были бы полностью воплощены в жизнь: либерализм никогда не останавливался на достигнутом, а смотрел вперед, стремясь к дальнейшему совершенствованию институтов. Как отметил Ф. А. фон Хайек, либерализм не чуждается эволюции и перемен; там, где государственный контроль душист спонтанные перемены, он ратует за значительные политические изменения. Анализ взаимодействия расширяющегося «пространства свободы» и способов сохранения стабильности и порядка выявляет механизмы формирования политического компромисса, толерантности, уважения к каждой личности, условия мирного разрешения конфликтов социального и политического характера.

¹ *Бейтсон Г.* Экология разума. М., 2000. С. 96–104.

² Сравнительная история: методы, задачи, перспективы // Под ред. М. Ю. Парамоновой. М., 2003. С. 4.

³ *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 13.

⁴ *Дилигенский Г. Г.* Демократия на рубеже тысячелетий // Политические процессы на рубеже тысячелетий. Дубна. 2001. С. 35

⁵ Необходимо отметить, что существуют различные определения политической культуры. Наиболее распространенным является определение политической культуры как системы политических отношений и одновременно процесса функционирования политической организации общества. Составными элементами политической культуры являются как политическая система, так и обращенные на нее базовые установки, убеждения, ориентации. Становление и развитие политических культур, их прошлого входит в сферу изучения исторической науки. См.: Политическая энциклопедия. Т. 2. М., 1999. С. 174; *Комослев М. М.* Демократическая политическая культура: американский опыт // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1991. № 5. С. 73–78; Мировое

- политическое развитие: век XX. М., 1995. С. 36–37. Особенности российской политической культуры также рассмотрены рядом исследователей, например: *Ануфриев Е. А., Лесная Л. В.* Российская ментальность как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 28–45; *Канустин Б. Г.* Современность – как принуждение и как свобода // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 19–39.
- 6 Это отмечал и один из наиболее известных специалистов по истории ментальности Жак Ле Гофф. См.: *Кром М. М.* Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000. С. 17.
- 7 См: *Febre L.* Le probleme de l'incroyance au XVI-e siele. La religion de Rabelais. Paris. 1940 // Кром М.М. Историческая антропология. С. 13.
- 8 Представления о проявлениях «коллективного бессознательного» в этническом, а тем более – в политическом менталитете в данном случае нами не рассматриваются. Бессознательное в менталитете может рассматриваться как один из источников народной фантазии, но не как его отражение в народной культуре. «Ритуал, по всем статьям, отличен от фантазма, миф – от бессознательного. Любые аналогии между ними, которыми увлеченно занимаются антропология и психоанализ, представляют собой глубочайшую мистификацию» (*Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 253). Бессознательное, безусловно, следует рассматривать как главный источник свойственных всем людям архетипов (первообразов) переживаний, а не как неосознанное или неосознаваемое, но закрепленное в опыте и традиции проявление группового или индивидуального поведения.
- 9 См., например: *Иванов В. Н., Назаров М. М.* Политическая ментальность: опыт и перспективы развития // Социально-политический журнал. 1998. № 2. С. 42–58; *Ануфриев Е. А., Лесная Л. В.* Российская ментальность как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 4. С. 28–45.
- 10 *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 469.
- 11 *Sorokin P., Merton R. K.* Op. cit. P. 621.
- 12 О роли сравнительно-исторических методов и диахронности в изучении политических культур см., например: *Якубовская И. В.* Компаративистика и диахронность в изучении политических культур Англии и России 1860-х – 1870-х гг. // Политическая культура XIX века: Россия и Европа. М., 2005.
- 13 *Лучицкая С. И.* Сравнительный метод в истории: взгляд из Германии (достижения и перспективы немецкой компаративистики) // Сравнительная история: методы... С. 303. Такое понимание диахронности присуще любому историческому исследованию – (*И. Я.*)
- 14 *Kononov S.* Oxford & Russia. An inaugural lecture delivered before the University of Oxford on 26 November 1946. London, 1947. P. 5–6.
- 15 *Phelps G.* The early phases of British interest in Russian literature // The Slavonic & East European Review. June, 1958. Vol. 36. № 87. P. 418–419.
- 16 *Ibid.* P. 421. Впрочем, и столетие спустя такие путешественники по России как Льюис Кэррол и Марк Твен, выражали похожее мнение.
- 17 *Митина Н. П.* Изучение истории Польши в Великобритании // Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980. С.131.
- 18 У. Пальмер несколько десятилетий собирал материалы по истории русской церкви, использованные им в работах о роли религии и религиозной идеи. Переписка А. С. Хомякова и У. Пальмера частично опубликована во 2-ом томе издания: *Хомяков А. С.* Соч. в 2-х тт. М., 1994.

- ¹⁹ Мнение русских об иностранцах // *Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988. С. 124
- ²⁰ *Хомяков А. С.* Письмо об Англии // «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. М., 2001. С. 235.
- ²¹ *Кельсиев В. И.* Исповедь // Литературное наследство. Т. 41–42. А. И. Герцен. М., 1941. С. 273.
- ²² *Гросул В. Я.* Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX в. С. 43.
- ²³ *Патридж М.* Герцен в Англии // Литературное наследство. Т. 96. А. И. Герцен. М., 1985. С. 52.
- ²⁴ *Partridge M.* Alexander Herzen & the English press // *The Slavonic & East European Review*. June, 1958. Vol. 36. № 87. P. 452–470.
- ²⁵ Проблемы изучения Герцена. М., 1963. С. 28.
- ²⁶ *Павловская А. В.* Два полюса Европы: Россия и Великобритания глазами друг друга / Россия и Европа в XIX–XX вв. // Под ред. А. В. Голубева. М., 1996. С. 149.
- ²⁷ Там же. С. 143–151.
- ²⁸ Ольга Алексеевна Новикова (урожденная Киреева), родилась в Москве, в дворянской семье. Ее отец – Алексей Киреев, офицер русской армии, ставший кавалером Ордена Св. Георгия за участие в подавлении польского восстания 1830–1831 гг., был близок к славянофилам. Горячие патриотические убеждения он привил всем своим детям – сыновьям Александру и Николаю и дочери Ольге. О деятельности и биографии Ольги Новиковой см.: *Стэд У. Т.* Депутат от России. Воспоминания и переписка О. А. Новиковой. В 2 т. Пг., 1915; Автор данной статьи использовал английское издание: *The M. P. for Russia. Reminiscences & correspondence of Madam Olga Novikoff* // Ed. by Stead W. T. 2nd ed. In 2 vols. L., 1909. В российской историографии из работ, в которых рассматривается деятельность Новиковой в Англии см., например: *Зашихин А. Н.* Британская Россия второй половины XIX – начала XX вв. Архангельск, 1995; *Павловская А. В.* Два полюса Европы: Россия и Великобритания глазами друг друга / Россия и Европа в XIX–XX вв. // Под ред. А. В. Голубева. М., 1996; *Якубовская И. В.* Россия и общественное мнение Англии в мемуарах и публицистике О. А. Новиковой // Россия глазами мемуаристов: анализ неизвестных и малоизвестных мемуаров. СПб., 2004.
- ²⁹ *The M. P. for Russia. Reminiscences...* Vol. 1. P. 1–2.
- ³⁰ Обоснованию политики России в Восточном вопросе О. А. Новиковой посвящен ряд работ. Например: *Russia & England from 1876 to 1880; A protest & an appeal by O.K., author «Is Russia wrong» with a preface J.A. Froude.* 2nd ed. L., 1880;
- ³¹ *Зашихин А. Н.* Указ. соч. С. 45.
- ³² Новикова О. Н. Английские предрассудки // Русские писатели об Англии. 1646–1945. М., 2001. С. 302.
- ³³ О проблеме восприятия Англии славянофилами и представителями «официальной народности», в том числе Победоносцева, см., например: *Якубовская И. В.* «Образы Англии» в представлениях ранних и поздних славянофилов: от Хомякова до Победоносцева // История идей и история общества. Нижневартовск, 2004.
- ³⁴ Позднее она отдала дань его памяти в предисловии к английскому переводу книги К. П. Победоносцева «Размышлений русского государственного деятеля».
- ³⁵ *Победоносцев К. П.* Церковь и государство: Московский Сборник // К. П. Победоносцев: Pro et Contra. СПб., 1996. С. 80, 82, 92.

- 36 Георгий Андреевский. Копия ответа, посланного английскому примасу // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полумом 2. № 812. М., Пг., 1923. С. 868.
- 37 *Победоносцев К. П.* Гладстон об основах веры и неверия: Московский Сборник // К. П. Победоносцев: Pro et Contra... С. 252.
- 38 The M. P. for Russia. Reminiscences .... Vol. 1. P. 134–136.
- 39 В конференции наряду с англиканами участвовали представители греческой ортодоксальной церкви и старокаатоликов (старокаатолическое течение возникло в Германии в 1871 г. как результат протеста против догмата о непогрешимости Папы).
- 40 The M. P. for Russia. Reminiscences .... Vol. 1. P. 134–135, 137.
- 41 *Новикова О. Н.* Английские предрассудки... С. 305.
- 42 Там же. С. 302, 303.
- 43 The M. P. for Russia. Reminiscences & correspondence ...Vol. 1. P.136, 148–149; Vol. 2. P. 95
- 44 *Stead W. T.* Truth about Russia. L., 1888.
- 45 *Зашихин А. Н.* Британская Rossica... С. 44–45.
- 46 *Тургенев И. С.* Обед в Обществе английского литературного фонда // И. С. Тургенев Соч. в 12 т. М., 1982. Т. 10. С. 254.
- 47 На это обратил внимание А. Н. Зашихин в работе: Британская Rossica второй половины XIX – начала XX вв. Архангельск, 1995.
- 48 *Грот К. Я.* Профессор В. В. Морфиль // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 5. С. 36.
- 49 *Morfill W. R.* Russia. London, 1880. P. 45–46; item. Slavonic Literature. London, 1883. P. 51.
- 50 Ibid. P. 45, 46–47; item. Russia... P. 45.
- 51 *Phelps G.* The early phases of British interest. P.420–421, 427.
- 52 Ibid. P. 425, 428–433. В начале XX в., в 1912 г., после появления перевода «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского начинается период «русской лихорадки» в Англии.
- 53 Л. Н. Менгден в феврале 1875 г. получила для княжен Урусовых, которые «прекрасно владеют английским» «разрешение перевести все его сочинения». *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 т. Т. 17. М., 1984. С. 766.
- 54 Письмо Л. Н. Толстого У. Ролстону 10...19 ноября 1878 г. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 т. Т. 17. М., 1984. С. 850. (Ответ Ролстону на письмо от 22 сентября / 4 октября 1878 г.). Статья была опубликована: Nineteen Century. 1879. № 4.
- 55 *Павловская А. В.* Два полюса Европы: Россия и Великобритания глазами друг друга / Россия и Европа в XIX–XX вв. // Под ред. А. В. Голубева. М., 1996. С. 151.
- 56 *Kononov S.* Oxford & Russia. ... P.19-20.
- 57 *Morfill W. R.* Russia. London, 1880. P.1.
- 58 Ibid. P. 81
- 59 Ibid. P. 80.
- 60 У. Морфил вообще рассматривал «Историю России» С. М. Соловьева в числе литературных произведений, а не исторических исследований. *Morfill W. R.* Russia. Ch. III.
- 61 У. Морфил называл, например, уже упоминавшуюся выше работу О. А. Новиковой «Россия и Англия. 1876–1880», опубликованную в «Conservative Review» под псевдонимом «О. К.».

- 62 Книга Маклира была опубликована «Обществом распространения христианских знаний». Это же общество опубликовало и «Славянскую литературу» самого Морфила.
- 63 *Morfill W. R. Russia*. P. 31; item. Slavonic Literature. London, 1883. P. 2.
- 64 *Morfill W. R. Russia*... Ch. VIII.
- 65 Морфил дал в книге «Россия» также описание Нижнего Новгорода, и своим комментарием – «древний», – стремился дать английскому читателю дополнительный ориентир в географии русских городов.
- 66 *Morfill W. R. Russia*... P. 110–111.
- 67 *Konovalov S. Oxford & Russia* ... P. 3.
- 68 В современной отечественной историографии роль реформ в эволюции английской либеральной политической культуры см., например: *Якубовская И. В.* Реформы и эволюция политической культуры Великобритании в конце 1860-х – 1870-х годах // *Правовед*. № 6. 2005.
- 69 *Кавелин К. Д.* Краткий взгляд на русскую историю. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 1. Монографии по русской истории. СПб., 1904. С. 574.
- 70 Там же. С. 581.
- 71 *Грановский Т. Н.* Полн.собр. соч. СПб., 1905. Т. 1. С. 341–342.
- 72 *Левандовский А. А.* Время Грановского. М., 1990.
- 73 Русская прогрессивная философская мысль XIX в. М., 1959.
- 74 *Грановский Т. Н.* Полн.собр. соч. СПб., 1905. Т. 2. С. 68.
- 75 *Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 5.
- 76 *Моисеев Л. С.* Слово о Павле Гавриловиче Виноградове // *История и источники*. М., 1996. С. 213–214.
- 77 *Konovalov S. Oxford & Russia*. ... P. 19–20. Часть лекций, а также некоторые работы Виноградова, написанные после его отъезда из России опубликованы на английском языке. См., например: *Vinogradov P.* The reforming work of the Tzar Alexander II // *Lectures on the history of the nineteenth century*. Cambridge, 1902. P. 276.
- 78 *Ковалевский М. М.* Вступительная статья / Ш. Монтескье. Дух законов // *О свободе*. Антология мировой либеральной мысли. М., 2000. С. 416.
- 79 Там же. С. 439–440.
- 80 Там же. С. 450–451.
- 81 Там же. С. 490.
- 82 *Ковалевский М. М.* Социология. Соч. в 2 т. Т. 1. СПб., 1997. С. 79.
- 83 Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. XLI. (82 томитом). СПб., 1904. С. 667–669. И. И. Янжул был активным сотрудником этого замечательного справочного издания, редактором отдела политической экономики и финансов. С современной отечественной историографии о деятельности И. И. Янжула см., например: *Якубовская И. В.* Британский социокультурный опыт в исследованиях и деятельности И. И. Янжула // *Интеллектуальная элита России: история и современность*. СПб., 2005
- 84 Круг научных интересов И. И. Янжула был необычайно широк. Ему принадлежит, среди прочих исследований, нескольких работ, посвященных проблемам образования. Среди них, например: *Янжул И. И., Чупров А. И., Янжул Е. Н.* Экономическая оценка народного образования. Очерки. СПб., 1896.
- 85 *Янжул И. И.* Практическая филантропия в Англии. I. «Народный дворец» // И. И. Янжул. В поисках лучшего будущего. Социальные этюды. СПб., 1893. С. 6.
- 86 Там же.

- 87 Например, Янжул обращал внимание читателя на двухтомное исследование «Труд и жизнь народа», основанное на изучении жизни городских низов Восточного Лондона. *Labour & life of the people* // Ed. by С. Booth. In 2 vols. London. 1889–1891.
- 88 Центр был основан в память А. Тойнби – тьютора колледжа Бэллиол в Оксфордском университете.
- 89 *Янжул И. И.* Университетское поселение в Восточном Лондоне // Янжул И. И. В поисках лучшего будущего. С. 33.
- 90 Там же.
- 91 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 78. Д. 628. Л.1–3.
- 92 Там же. Л. 4. Нами сохранена орфография документа.
- 93 Там же. Ф. 102. Оп. 81. Д. 65. Л. 1.
- 94 Там же. Ф. 102. Оп. 79. Д. 111 (ч. 1). Л. 60.
- 95 *Янжул И. И.* Как англичане критикуют свои государственные расходы. Ливерпульская ассоциация финансовых реформ. СПб., 1908. (2 изд.) С. 7–8.
- 96 *Кареев Н. И.* История Западной Европы в новое время. СПб., 1898–1917. Т. 1–7.
- 97 Автор данной статьи пользовался 4-м пересмотренным изданием. *Кареев Н. И.* История Западной Европы в новое время. Т. 4. СПб., 1916. С. 590.
- 98 Там же. С. 591.
- 99 Там же.
- 100 Там же. С. 598–603.
- 101 Там же. Т. 5. С. 74–91; 210–261; 770–799.
- 102 Там же. С. 783.
- 103 Там же. С. 785.
- 104 Там же. С. 788–789.
- 105 Там же.
- 106 *Селезнева Л. В.* Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 1999. С. 121. Л. В. Селезнева пишет, прежде всего, о «заимствованиях», однако последние обязательно основаны на изучении иностранного опыта.
- 107 Об исторических условиях выработки программы русских либералов см., например: *Российские либералы* / Под ред. Итенберга Б. С., Шелохаева В. В. М., 2001. С. 6–8.
- 108 *Арсеньев К. К.* За четверть века. 1871–1894. Пг., 1915. С. 86.
- 109 Там же. С. 87–88.
- 110 Либеральное движение в России. М., 2001. С. 5.
- 111 Там же.
- 112 «Союз освобождения». Воспоминания Д. И. Шаховского // Либеральное движение в России. С. 527–528.
- 113 Либеральное движение в России. С. 5.

Е. А. Макарова, Р. А. Кулагин
Восприятие политико-культурных реалий
Западной Европы представителями российской
элиты в первой четверти XIX века

События первой четверти XIX в. трансформировали не только существующий европейский правопорядок, но и наложили своеобразный отпечаток на восприятие запада российским обществом. Представители российской элиты осознали необходимость более детального изучения европейского политико-культурного и правового укладов. Эффективным путем такого рода знакомства с европейскими реалиями стали образовательные путешествия, которые предпринимались высшими кругами российской империи, и в особенности членами императорского дома. Первым опытом таких путешествий стали поездки великих князей Николая и Михаила Павловичей по России и Европе, если не принимать во внимание участие их старшего брата Константина в Итальянском и Швейцарском походе Суворова (состоявшуюся еще в 1782 году поездку великого князя Павла Петровича с Марией Федоровной по Европе под именем графа и графини Северных нельзя считать классическим образовательным путешествием).

Непосредственное ознакомление с европейским укладом отныне должно было стать одной из составляющих системы воспитания

великих князей династии Романовых. Особенно это стало важным после участия Александра I и великих князей Николая и Михаила Павловичей в военной кампании 1812–1814 гг. Кроме того, изменение содержания образования наследников было направлено и на подготовку их с детства к той или иной государственной должности согласно изданному еще Павлом I в 1797 году Учреждения об Императорской Фамилии¹ (на них не распространялось дворянское право отказа от государственной службы).

По ряду причин в первые годы XIX столетия качественного изменения в воспитании не произошло. Во-первых, не улучшился подбор наставников великих князей. Штат воспитателей пополнялся из круга лиц, знакомых ранее назначенным преподавателям. А так как должность эта давала определенные преимущества, рядом с великими князьями оказывались и случайные люди, стремившиеся быстро сделать карьеру за счет близости к императорской семье. Лишь двое из всех подобранных и назначенных вдовствующей императрицей Марией Федоровной имели ранее опыт педагогической деятельности. Некоторые преподаватели назначались только на время выполнения какого-либо воспитательного мероприятия. Так, в 1814–1815 гг. П. П. Коновницын дважды состоял при великих князьях во время их поездок в Париж.

Другим фактором, затруднявшим воспитательный процесс, было чрезмерное увлечение великих князей внешней стороной военного дела. Великие князья Михаил и Николай Павловичи, по замыслу их отца, должны были занять высшие военные посты в государстве. Большая часть времени, посвященного воспитанию, приходилось на военные занятия. Императрица Мария Федоровна стремилась придать образованию детей более разносторонний характер и ограничить всепоглощающий военный интерес, но в условиях Отечественной войны и участия великих князей в ней сделать это было достаточно сложно².

Таким образом, к 1816 году, когда до совершеннолетия, а значит и до окончания образования Николая Павловича, оставался год, а Михаила три года, было очевидно, что знания их явно недостаточны, и необходимы срочные меры, чтобы исправить положение. Не оставляя надежды пополнить недостатки образования своих сыновей, Мария Федоровна решила отправить их в образовательные путешествия по России и Европе. Первым должен был отправиться в гранд-тур старший брат.

Цели и задачи этого путешествия были сформулированы достаточно четко. Первоначально Мария Федоровна планировала отправить Николая Павловича в путешествие инкогнито, чтобы он употребил большую часть своего времени на предметы, достойные внимания и полезные для пополнения знаний, а не тратил его на торжественные приемы. Однако окончательное решение по этому вопросу принимал сам император, а у него было иное мнение. Александр разрешил брату лишь в исключительных случаях называться графом Романовым, избегая официальных церемоний.

Интерес с точки зрения изучения восприятия европейского уклада вызывает специально составленная подробная программа поездки Николая Павловича его воспитателем Григорием Андреевичем Глинкой, которая позднее использовалась и для путешествия Михаила Павловича. По мнению Глинки, внимательного изучения требовали такие страны, как Англия, Швеция и Италия. Старательно обосновав необходимость путешествий, Г. А. Глинка отметил, что и в современное время самые цивилизованные народы – те, которые «более других чувствуют пользу от путешествий». По этой классификации к цивилизованным народам он отнес англичан, а к отсталым – итальянцев, испанцев и португальцев, которые «менее всего продвинулись по пути полезных знаний» из-за своей «лености, которая их... побуждает пренебречь всем тем, что приходит из других мест»³.

Предметы, которые может осмотреть путешественник, автор разделил на четыре части по степени их важности, поставив на первое место объекты, которые «способствуют общественному благу». К ним он отнес благотворительные учреждения: богадельни, сиротские приюты «и вообще все места, которые содержат страдание». Во вторую группу Глинка включил объекты, «распространение которых может увеличить процветание своей родной страны», к третьей – предметы, полезные для самого путешественника и его развития и к четвертой – детали, которые являются орнаментом действительно важных знаний. По мнению автора программы, путешественник должен живо интересоваться такими вопросами, как развитие промышленности и сельского хозяйства, финансовая и налоговая система государства, система воспитания, чтобы получить знания, которые «были бы полезны как им лично, так и Родине»⁴. Обстоятельный план поездки, предложенный

Г. А. Глинкой, при утверждении был изменен, и маршрут был ограничен посещением Англии.

Еще один источник, ясно выявляющий имперские взгляды на политико-культурные реалии европейских стран, представлен графом Нессельроде, который составил, скорее всего, по просьбе Марии Федоровны, инструкцию для великого князя. В данной инструкции граф давал оценку странам, через которые тот должен был проезжать. Записка эта выдержана была в резко консервативном тоне, предостерегая Николая Павловича от чрезмерной юношеской восторженности. Так, опасаясь впечатления, которое могло составить, по мнению Нессельроде, у великого князя после посещения Англии, он заметил, что «учреждения (англичан) заслуживают быть рассматриваемы вблизи лишь для того, чтобы изощрять ум наблюдателя в области мышления, а не для того, чтобы служить репертуаром конституционных форм, из которого можно было бы позаимствовать масштаб для возведения нового здания под совершенно другим небом и в совершенно ином климате»⁵.

Н. К. Шильдер, автор официальной двухтомной версии жизни Николая I, обратил внимание на несоответствие между охранительным характером записки Нессельроде и либеральными воззрениями Александра, предположив, что император не знал ее содержания. Кажется, однако, невероятным, чтобы мимо Александра I, утверждавшего все без исключения проекты, связанные с воспитанием его младших братьев, мог пройти такой важный документ. Скорее всего, совпадение между датировкой записки (10 сентября 1816 года, Варшава) и пребыванием Александра в это время в Варшаве не случайно и лишней раз показывает противоречивый характер российского самодержца. Император, так же, как и все Романовы, разделял вопросы государственные и семейные. Если в отношении судеб страны еще оставалось место для либеральных настроений, то в вопросах воспитания своих младших братьев он уступал своей матери, вмешиваясь лишь в военную сторону дела. К тому же у Николая к этому времени уже сформировались вполне определенные черты характера, так что трудно было ожидать от него конституционных увлечений. Кроме того, это была не первая поездка великого князя в Европу: до этого он уже дважды в 1814 и в 1815 годах ездил со своим братом в Париж.

Кроме образовательных целей организуемого путешествия, существовали и матримониальные планы, сближающие Россию с Ев-

ропой. Еще в 1815 году был решен вопрос о браке между прусской принцессой Шарлоттой и Николаем Павловичем. Русские войска, возвращаясь на родину, 4 ноября остановились в Берлине (все даты приводятся по новому стилю). Вечером на торжественном обеде по этому поводу император Александр и король Фридрих-Вильгельм объявили о помолвке. Свадьбу решили отложить до совершеннолетия великого князя. Теперь для Николая Павловича была предусмотрена трехнедельная остановка в Берлине, с тем, чтобы он смог поближе познакомиться со своими будущими родственниками.

Предстоящая поездка являлась продолжением путешествия по России. Во время российской поездки Николая сопровождала свита из трех человек, в которую входили кавалеры великого князя Г. А. Глинка, И. Ф. Саврасов, а также доктор Крейтон. Теперь состав воспитателей великого князя был несколько изменен: в дополнение к старым воспитателям были назначен и люди, знакомые с европейскими (в большей степени английскими) порядками, в частности генерал-адъютант П. В. Голенищев-Кутузов и барон Николаи.

Первой остановкой путешествия великого князя Николая Павловича стал Берлин. Путешественники остановились в королевском замке в специально подготовленных покоях. Принимали великого князя с большими почестями, стараясь сделать его пребывание в Берлине приятным. Проходившие в это время традиционные осенние маневры прусской армии были прерваны на один день для проведения парада на Унтер-ден-Линден в честь прибытия великого князя.

Почти все время своего пребывания в столице Пруссии великий князь провел в Шарлоттенбурге со своими будущими родственниками, лишь изредка покидая дворец. 18 октября, в день рождения прусского кронпринца, он вместе с королевской семьей присутствовал на маневрах при Цемпельсхофе, где прусские войска, специально для маневров собранные из местных гарнизонов, смоделировали битвы при Кацбахе и Лейпциге. Сообщения немецких газет донесли до нас известие об интересном происшествии, свидетелем которого стал великий князь. 25 октября Николай Павлович присутствовал на представлении известной в это время в Германии воздухоплавательницы Райхард и сопровождавшего ее голландского графа Рофса. Воздушный шар, покачиваясь в воздухе, медленно поднялся над площадью, окруженной высоким тополями. Граф Рофс решил продекламировать несколько соответствующих мо-

менту стихотворений. Однако неожиданный порыв ветра бросил шар к земле, и воздухоплаватели едва не потеряли крушение. Лишь благодаря мастерству фрау Райхард воздушный аппарат, уже падавший на деревья, выровнялся и поднялся вверх. Однако на этом неприятности у воздухоплателей не закончились. Внезапно изменившийся ветер изменил планировавшийся маршрут и шар «заспешил прочь, гонимый южным ветром». Снизу хорошо было видно, как он «отклонился от северо-западного направления, повернул на север и вскоре исчез из поля зрения в безоблачном небе». Путешественники вернулись лишь в восемь часов вечера, чрезвычайно довольные своей приятной прогулкой⁶. Так великий князь Николай Павлович стал свидетелем исторического события: первого совместного полета немца и голландца.

Покинув Берлин, Николай Павлович пробыл в Веймаре у своей сестры Марии Павловны двое суток, затем выехал в Брюссель, где его ждал торжественный прием. Еще одна сестра Николая, Анна Павловна, приняла гостей с большим гостеприимством. Здесь путешественники пробыли около двух недель. Француз Лакруа, автор популярной в XIX веке за пределами России и запрещенной внутри страны книги о царствовании Николая I, основанной на большом количестве слухов, привел фантастический рассказ о поездке великого князя в Париж. Николай Павлович, по версии Лакруа, тайно приехал во французскую столицу для встречи с герцогом Орлеанским и Шатобрианом⁷. Автор не привел источников этой явно вымышленной истории.

Основной целью путешествия был Лондон, и 18 ноября 1816 года великий князь впервые ступил на английскую землю, переправившись на яхте «Royal Sovereign» через Ла-Манш. В Дувре великий князь осмотрел городскую тюрьму, пожаловав каждому из пленников по десять фунтов. Из Дувра Николай Павлович отправился в Лондон.

Англо-русские отношения в это время были достаточно непростыми. Хотя после победы над Наполеоном Англия и Россия рассматривали друг друга в качестве главных союзниц в Европе, каждая из держав не забывала о своих интересах. Еще в 1813 году отношения между двумя странами были омрачены из-за матримониальных споров. И Англия, и Россия стремились породниться с голландской королевской семьей. Принц-регент хотел выдать за принца Оранского свою дочь принцессу Шарлотту, даже состоялась по-

молвка, однако более удачной оказалась русская партия и принцессой Оранской стала сестра Николая Анна Павловна.

Не последнюю роль в связанных с этим вопросом интригах сыграла другая его сестра, Екатерина Павловна. Вместе с женой, русского посланника в Лондоне Доротеей Ливен она сплела целую сеть интриг против оранской партии для Шарлотты. Принц-регент недолго любил ее, опасаясь колких замечаний княгини, но вынужден был терпеть как любимую сестру главного союзника Англии. Великая княгиня Вюртембергская была последней представительницей российского императорского дома, посетившей Англию до поездки Николая Павловича. Не случайно графиня Ливен накануне приезда великого князя в личном письме выражала надежду, что «его пребывание здесь будет более удовлетворительным, чем великой княгини»⁸. Существовал также проект выдачи дочери принца-регента за одного из русских великих князей. Наиболее вероятной кандидатурой был великий князь Николай Павлович. По некоторым данным, сама Шарлотта склонялась к этому варианту. Однако к этому времени вопрос о невесте Николая Павловича уже был решен в пользу прусской принцессы.

Насколько серьезно воспринимались эти проблемы в Англии, говорит тот факт, что накануне визита Александра I в Лондон в 1814 году русской стороне было предъявлено формальное требование, что ни один из великих князей не должен сопровождать императора в его поездке. Несмотря на то, что прошло много времени, а принцесса Шарлотта уже вышла замуж за Леопольда Саксен-Кобургского, обида сохранялась.

Была и еще одна причина недовольства принца-регента. Во время визита Александра он очень надеялся получить один из русских орденов, в особенности ему приглянулся орден Андрея Первозванного. Однако император не спешил выполнять эту маленькую прихоть союзника. В результате, когда великий князь с сопровождающими его лицами явился на прием, ему пришлось пробыть в ожидании 25 минут. На следующий день Николай Павлович ответил взаимностью, опоздав на обед на четверть часа. С этого времени отношения между ними ничем не омрачались. Графиня Ливен видела причину этого в характере Николая, имевшего, по ее мнению, «способность непринужденно располагать к себе людей»⁹.

Искренность и прямота натуры великого князя помогли ему обрести широкий круг знакомств, независимо от политических при-

страстей. В первую неделю своего пребывания в Англии, которую он провел в Лондоне, он обменялся визитами с членами королевской семьи, был принят самим Георгом III и представлен дипломатическому корпусу. Николай Павлович был выбран в почетные граждане Лондона¹⁰. Его посетили представители правящей торийской партии герцог Монтроз, лорды Чолмондли, Перси, Гердфорд и Винчестер. «Он в основном всем понравился и он действительно очарователен: единственный недостаток, который я нашла в нем – это страсть к форме, но я только затем упоминаю об этом, чтобы показать невозможность совершенства в человеке», – писала графиня Д. Ливен своему брату Александру¹¹. Действительно, великий князь не интересовался политическими разговорами. Он предпочитал знакомству с видными государственными деятелями беседы с военными. Среди последних были Веллингтон, с которым Николай Павлович встречался еще в 1814 году в Париже, генерал-лейтенант В. Конгрив, генерал-майор Б. Блумфилд. Веллингтон и Конгрив сопровождали его при осмотре промышленных предприятий Лондона и окрестностей.

Жители континентальной Европы, впервые посещавшие Англию в это время, испытывали ощущения, близкие к потрясению. Д. А. Милютин, побывавший в Англии спустя 15 лет, в своих воспоминаниях отмечал, что был «поражен резким во всем различием между двумя соседними странами, разобщенными только трехчасовым плаванием»¹². Абсолютно другой ритм жизни, масштабы, традиции – все это изумляло путешественников. «Лондон так огромен, что с ним не прежде как недели через три познакомиться можно», – писал находившийся в свите великого князя Г. А. Глинка своей жене¹³. Лондонские цены, которые были в три раза выше, чем в Санкт-Петербурге, заставили его написать: «Лондон в особенности только богачам может нравиться». Тем не менее, он приобрел карманные часы за 40 фунтов, что в пересчете на ассигнации составляло 1000 рублей¹⁴. К необычному распорядку дня, когда путешественники вставали из-за обеденного стола в десятом или одиннадцатом часу вечера, было непросто привыкнуть.

1 декабря Николай Павлович оставил Лондон и отправился на север страны в Шотландию. В Оксфорде великому князю и его свите пожаловали степени докторов права. Особенно понравился путешественникам Эдинбург. «Город обширный, выгодное имеет расположение, содержится отменно в чистоте и порядке и наилуч-

шим образом отстроено», – отмечал Глинка. Особенно поражала путешественников необычайно теплая для декабря погода в этой самой северной части Великобритании. Глинка с удивлением отметил, что погода «так тепла, что редко настоят надобность даже в холодном сюртуке, а прелестные здешние женщины одеваются флорами»¹⁵. Николай Павлович посетил университет, тюрьму, публичные места и магистрат.

Пробыв в Эдинбурге шесть дней, путешественники оставили этот наиболее понравившийся им город и отправились в Глазго. Здесь им понравилось меньше. Глазго «неопрятностью своею и скудною одеждою простого народа» напомнил Глинке немецкие и французские города¹⁶. Здесь великий князь смог увидеть и обратную сторону английского процветания, став свидетелем острых социальных конфликтов. На специальный счет, открытый для улучшения положения бедняков, он перечислил 100 фунтов. Глазго стал конечным пунктом поездки и отсюда Николай Павлович со своими спутниками отправился обратно в Лондон.

Здесь жизнь Николая Павловича пошла чередом, установленным еще во время первой остановки в городе. Великий князь побывал в Вестминстерском аббатстве, Британском музее, Тауэре, Английском банке, монетном дворе, осмотрел многочисленные торговые, промышленные и военные заведения. Утром он осматривал лондонские достопримечательности, а после обеда проводил время на званых вечерах или в театре и итальянской опере. В кампании барона Николаи он совершил конную прогулку по Гайд-парку, после чего сказал Голенищеву-Кутузову: «Если бы, к нашему несчастью, какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, делающие более шума, чем дела, то я просил бы Бога повторить чудо смешения языков, или, еще лучше, лишить дара слова всех тех, которые делают из него такое употребление»¹⁷.

В начале января Николай Павлович провел несколько дней в Брайтоне у принца регента. Эти дни гости провели «без малейшего стеснения, пользуясь вниманием и расположением принца; погода стояла прекрасная, устраивались прогулки и балы, на которых являлись первейшие красавицы в мире и гремела музыка»¹⁸. Чтобы угодить Николаю, принц-регент устроил даже кавалерийский смотр. Из Лондона великий князь дважды ездил в Клермонт, посещая принцессу Шарлотту и ее мужа принца Саксен-Кобургского Леопольда в их загородном дворце. Один из спутников Николая

Павловича оставил любопытное описание Клермонтского замка. «Дворец отнюдь не огромный, не столько даже великолепный, как, например, дворец Павловский, но удивительно опрятностью и совершенством отделки всех в доме частей превосходит все виденное нами в России»¹⁹.

Лейб-медик Леопольда Штокмар во время посещения великим князем составил его словесный портрет. Он изображает Николая высоким, необыкновенно красивым юношей с правильными чертами лица, обладающим приятными и благородными манерами. «Он много и прекрасно говорит по-французски, сопровождая слова недурными жестами. Если даже не все, что он говорил, было очень остроумно, то, по крайней мере, все было не лишено приятности; по-видимому, он обладает решительным талантом ухаживать. Когда в разговоре он хочет оттенить что-либо особенное, то поднимает плечи вверх и несколько аффектированно возводит глаза к небу. Во всем он проявляет большую уверенность в самом себе, по-видимому, однако, без всякой претензии». Штокмар передает и восторженные отклики о великом князе английских придворных дам. Во время вальса Николай кружил своих партнерш немного быстрее, чем это было принято. «Что за милое создание! – воскликнула гофмейстерина принцессы Шарлотты леди Кемпбелл, – он дьявольски хорош собою! Он будет красивейшим мужчиной в Европе!»²⁰. Когда Николай Павлович предпочел постели кожаный мешок, набитый сеном, «англичанам показалось это аффектацией, а дамы нашли странным, что великий князь поцеловал руку графини Ливен, жены русского посла». «Хотя, – замечает Штокмар, – каждая из них была бы очень счастлива, если бы это случилось с нею»²¹.

16 января великий князь присутствовал на заседании парламента. В верхней палате обсуждалось покушение на принца-регента, экипаж которого забросали камнями. Николай Павлович со свитой был допущен в палату, несмотря на то, что заседание было закрытым. Побывал он и на заседании нижней палаты.

24 февраля 1817 года великий князь со свитой выехал на юго-запад Англии. Здесь он посетил такие города, как Ливерпуль, Плимут, Портсмут. Заехав к лорду Пемброку в его загородный дворец Уилтон Хаус, он осмотрел огромное собрание скульптуры и живописи. Особенно поразили гостей цветущие розы и лилии, которые благоухали в парке в то время, когда в России еще лежал снег. Пу-

тешественники спешили, поэтому в некоторых городах останавливались всего на несколько часов. В своей частной переписке Глинка отзывался об этом следующим образом: «Трудно поделиться тем впечатлением, какое произвел на меня вид стольких городов, замков и живописных местностей, ибо мы ведем чисто кочевую жизнь, быстро переезжая с места на место»²².

Вернувшись в Лондон, Николай пробыл там около двух недель, нанося прощальные визиты своим новым знакомым. Немногочисленные письма Николая Павловича из Лондона, дошедшие до нас, свидетельствуют о том, что и здесь он не забывал заботиться о своем полке, вникая во все мелочи. В письме П. П. Коновницыну он просил выплатить жалование офицерам и заказать ранцевое сукно для нужд полка²³.

Покинув Лондон, он отправился в Кале на русском фрегате. Сделав краткие остановки в Штуттгарте и Веймаре, 15 апреля он уже был в Берлине, где его с нетерпением ждала невеста. Здесь великий князь предался, наконец, своему любимому занятию – шагистике с подшефным ему третьим кирасирским полком. 20 апреля полк был представлен своему новому шефу в Потсдаме. После окончания парада все офицеры были приглашены к королевскому столу, а старший ротмистр полка фон Бюлов был по просьбе Николая Павловича произведен в сверхштатные майоры. Николай легко находил общий язык с прусскими офицерами и любил говорить, что считает русскую армию за сильный резерв прусской. Окончательно согласовав вопросы, связанные с бракосочетанием, 3 мая 1817 г. Николай отправился в Петербург.

Образовательное путешествие Николая Павловича было первым опытом такого рода среди членов императорской фамилии. В соответствии с заранее определенными планами и целями поездки Николай побывал в Германии, Франции, Голландии и Англии. Саму поездку при этом можно поделить на две части. Первая – континентальная, в которой перед великим князем не ставились образовательные цели и которая обернулась поездкой по родственникам. Вторая – путешествие по Англии, насыщенное встречами, знакомствами, новыми впечатлениями. В Германии был окончательно решен вопрос о предстоящей свадьбе Николая Павловича и прусской принцессы Шарлотты. Таким образом, матримониальные цели были выполнены.

Сложнее обстояло с образовательными целями. Великий князь с интересом посещал военные учреждения, менее его привлекали гражданские. Николай Павлович приехал в Англию, раздираемую экономическими и политическими проблемами. После войн с Наполеоном и с Америкой в 1812–1814 гг. экономика страны переживала не лучшие времена. Социальные потрясения, выразившиеся в движении луддитов, показали всю остроту социальных противоречий. Экономический кризис повлек за собой и политический. Торрский кабинет лорда Ливерпуля во время пребывания Николая в Англии серьезно раздумывал над тем, чтобы приостановить действие Habeas Corpus Акта, что и было сделано летом 1817 г. Временные слабости английской демократии повлияли на формирование представлений Николая об Англии. «Какие представления о свободе народов должен был получить великий князь в то время, когда во Франции было междуцарствие и анархия, а в Англии выбивались стекла в экипаже принца-регента, когда депутаты парламента избивались на народных митингах; если, наконец, их учитель Шторх в опубликованной книге говорит, что сохранение свободы возможно только имея в распоряжении внушительную силу, чтобы подавить тех, кто мечтает о том, чтобы что-нибудь предпринять», – писал лорд Гренвилль адмиралу Чичагову²⁴. Несмотря на это, в Англии у Николая появилось много личных друзей и сторонников, за счет чего он, уже будучи императором, нередко пытался решать вопросы внешней политики на основе своих личных отношений с представителями английской элиты.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 24. № 17908.

² *Шильдер Н. К.* Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 39.

³ Русская старина. СПб., 1870. Т. 1. С. 176 (Далее – РС)

⁴ Там же. С. 175.

⁵ Записка графа Нессельроде великому князю Николаю Павловичу по случаю его путешествия за границу в 1816 году // *Шильдер Н. К.* Николай Первый... Приложение. С. 591.

⁶ *Staats und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten.* 1816. №. 173. S. 4.

⁷ *Lacroix P.* Histoire De la vie et du regne de Nicolas Ier Empereur de Russie. P., 1864. P. 125.

⁸ *Letters of Dorothea, Princess Lieven during her residence in London, 1812–1834* / Ed. by L. G. Robinson. L., 1902. P. 28.

⁹ *Ibid.* P. 31.

¹⁰ *Мартенс Ф. Ф.* Император Александр I и великий князь Николай в Лондоне // РС. 1895. Т. 83. С. 205.

- ¹¹ Letters of Dorothea, Princess Lieven... P. 31.
- ¹² Д. А. Милютин. Воспоминания (1816–1843). М., 1997. С. 376.
- ¹³ Письма Г. А. Глинки к жене // РС. 1876. Т. 17. С. 89.
- ¹⁴ Там же. С. 91.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 92.
- ¹⁷ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Николай I... С. 80.
- ¹⁸ Письма Г. А. Глинки к жене... С. 92.
- ¹⁹ Там же. С. 90.
- ²⁰ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Николай I... С. 80–81.
- ²¹ Цит. по: *Татищев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889. С. 8.
- ²² Письма Г. А. Глинки к жене... С. 94.
- ²³ РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. № 36. Л. 28.
- ²⁴ Михайловский-Данилевский. Дневник 1818 г. // РС. 1897. Т. 62. С. 452.

С. А. Ланцов

Либеральная и социалистическая традиции в политической мысли дореволюционной России: социально-политические и социокультурные факторы эволюции

Оценивая итоги развития либерализма и социализма в странах Запада, можно констатировать, что оно отличалось взаимозависимостью и взаимосвязью между этими политическими идеологиями. В процессе этого развития наблюдались и моменты синтеза либеральных и социалистических идей. Примером этому может служить социальный либерализм, с одной стороны, и эволюция социал-демократической идеологии во второй половине XX века, с другой.

Можно также утверждать, что общество, которое сформировалось в наиболее развитых странах, его основные политические и социально-экономические институты испытали прямое или косвенное воздействие не только идей либерализма, но и идей социализма.

Теория и практика либерализма на Западе органично и неразрывно связана с процессом модернизации – переходом от традиционного к современному обществу. Проникновение либеральных идей в Россию также стало следствием вступления этой страны в

период модернизации. Однако, в отличие от Запада, модернизация в России приняла догоняющий характер. Началось это еще в эпоху Петра I. Петровские реформы, как известно, по-разному оценивались представителями разных политических течений. В разных сферах они дали неодинаковые результаты и привели к разным последствиям. Некоторые изъяны петровского варианта ранней модернизации повторялись и на более поздних этапах российской истории. Петр пытался заимствовать технику и технологию в отрыве от тех социальных и экономических институтов, в условиях существования которых они развивались на Западе. Неудивительно, что последствия заимствования зарубежных образцов технической организации производства были прямо противоположны результатам, получаемым при применении их оригиналов в европейских странах. Если в Западной Европе развитие мануфактурного производства сопровождалось распадом феодальных структур, то в России такой институт феодализма, как крепостное право, получил дополнительный импульс к развитию вследствие насаждения Петром I мануфактурной промышленности «сверху». У реформ Петра I были и другие недостатки. Как и многие последующие реформации в России, петровская носила некомплексный характер (заимствование производилось в основном в области структур, которые сегодня принято называть военно-промышленным комплексом и бюрократической организацией государственной власти) и оказалась незавершенной. О политической модернизации и о создании конституционной, парламентской системы в тот период вообще не могло быть и речи, поскольку такая система лишь в зародыше имела в некоторых европейских странах.

Реформы не были доведены до конца практически ни в одной сфере, где они предпринимались. Петровские реформы определили политическое и культурное развитие России на длительную историческую перспективу. «Прорубив окно в Европу», Петр одновременно снял культурную изоляцию, в которой Россия существовала в предшествующие столетия. Но поскольку последствия петровской деятельности в этом направлении почувствовала лишь часть общества, постольку в последующие два столетия социокультурный процесс в России носил дуалистический характер. Европеизированная элита перенимала западноевропейские ценности и ориентации, а основная часть населения продолжала жить в традиционной культурной среде, по-прежнему отгороженной от Запада глу-

хой стеной. При Петре Россия так и не стала Европой, если иметь в виду научно-технический и социально-экономический аспекты. Но через верхушечный образованный слой она стала Европой в духовном плане. Наконец, со времен Петра Россия стала заметным фактором европейской политики.

Реформы Петра I преопределили и характер восприятия в России европейских политических идей, включая идеи либерализма. Установление тесных связей с Западом в духовной сфере привело к тому, что любая родившаяся там политическая или философская идея почти моментально находила своих сторонников в России, хотя зачастую эта идея и не имела никакого отношения к российской действительности. В этом смысле символичен образ Екатерины Великой, одной рукой подписывающей свои письма философам Просвещения, а другой – указы, прямо противоположные идеям ее корреспондентов. В России была нарушена схема взаимодействия социально-экономической и политической модернизации. Либеральные идеи проникали сюда в условиях отсутствия каких-либо реальных шагов по модернизации социально-экономических структур. Но эти идеи оказывали заметное воздействие на настроения образованной части общества и правящей элиты.

Вполне естественно, что либерализм как политическая идеология появляется в России на теоретико-концептуальном уровне, причем практически параллельно с его окончательным оформлением на Западе, во второй половине XVIII в. Одним из первых русских политических мыслителей либерального направления был Яков Павлович Козельский, чье творчество пришлось на период царствования Екатерины II.

Я. П. Козельский считал политику практической наукой, которая должна не только укреплять благополучие общества, но и содействовать развитию добродетели. Он предполагал, что существует два вида политики: «политика, касающаяся до каждого человека особо» и «политика, касающаяся до начальствующих особ». Первый вид политики обуславливает такое «искусство в человеке, когда он во всей своей жизни поступает безобидно, добродетельно, следовательно и любезно в рассуждении других людей». Человек должен почитать доброе и отвращаться от худого, и долг философов состоит в том, чтобы помочь людям правильно искать свое благополучие. Второй вид политики находится в компетенции власти. «Начальствующие особы» должны заботиться о благополучии государства и

его «наружной безопасности». Благополучие государства обеспечивается добронравием и трудолюбием его граждан, а «наружная безопасность» обеспечивается соблюдением нескольких условий: хорошим вооружением, минимальной зависимостью от других государств, добрым и справедливым обхождением с другими народами¹. Сочетание добродетели и силы, по мнению Я. П. Козельского, позволяет народам находить путь к полезному общению и взаимности, но удерживает их от опрометчивых действий.

В вопросе о формах правления симпатии Я. П. Козельского были на стороне республиканской системы. Он полагал, что республика приемлема не только для малых государств, но и для государств с обширной территорией. И в этом вопросе русский мыслитель возражал Ш. Монтескье. Козельский противопоставлял монархию и добродетель. Хотя в целом взгляды его не были последовательными, он допускал существование «совершенной монархии», при которой государь правит на основе «справедливых законов» и при помощи умных и добродетельных помощников-советников. Но важно отметить то, что Я. П. Козельский отрицал нерасторжимость России и монархического правления.

В отличие от Козельского, его современник Денис Иванович Фонвизин еще более критически относился к тогдашней российской политической системе. «Он исходил из того, – указывают А. Ф. Замалеев и И. Д. Осипов, – что всякая форма публичной власти должна быть устроена “сообразно с физическим положением государства и моральным свойством нации”». Однако не такова Россия. Государство, не имеющее себе равных по обширности пространства, государство, славное своим многочисленным и храбрым воинством, государство, “дающее чужим землям царей”, – это государство не имеет до сих пор ни разумного устройства, ни справедливого законодательства. В нем “люди составляют собственность людей” и “знатность... затмевается фавером”. Оно не обрело даже своей окончательной формы: это “государство не деспотическое, ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное ею управление... не монархическое, ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия, ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства”»².

Однако же Д. И. Фонвизин был сторонником монархического правления в России, выступая за просвещенную, ограниченную конституцией монархию. Фонвизин, как и все просветители, возвел мораль в ранг политического ритуала. «Добродетельный и просвещенный государь, на его взгляд, должен прежде “сделать людей способными жить под добрым правлением”. Для этого вовсе не требуются особые именные указы и постановления. “Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа”. Он судит народ, а народ, в свою очередь, судит его правосудие. И только честность монарха служит порукой истинности его законов. Он – “добрый муж” и “добрый хозяин”, и все самодержавие его держится на одной любви к нему подданных»³.

Некоторое увлечение Екатерины II либеральными идеями, слабо сочеталось с реальной политической практикой ее царствования. В конце этого царствования, а особенно в царствование сына Екатерины II – Павла I, наблюдалось ослабление либеральных веяний. Новый всплеск интереса к идеям либерализма связан с приходом к власти Александра I в 1801 г. В этот период либеральная идеология оказала непосредственное влияние на формирование правительственной программы. Эта заслуга принадлежит видному государственному деятелю начала XIX в. Михаилу Михайловичу Сперанскому.

М. М. Сперанский утверждал, что главная цель государства – достижение счастья его подданными. Поэтому власть в государстве должна устанавливаться для защиты правды, совести, а законодательная деятельность правительства должна исходить из воли народа и учитывать общественное мнение. Власть должна включать законодательную, административную и судебную силы, а вся совокупность законов призвана обеспечить саморегулирование общественной жизни. Предел неограниченной власти самодержца ставится, по Сперанскому, государственным договором и священным нравственным обязательством монарха по неперемennomу исполнению существующих законов.

В 1809 г. М. М. Сперанский по поручению Александра I подготовил план общественных преобразований для России – «Введение к Уложению государственных законов». В этом документе был создан образ «истинной монархии», то есть такой формы правления, при которой существуют условия для обеспечения порядка в

обществе, гражданских прав и строгого соблюдения законов. То есть государственное устройство должно было бы сочетать в себе сильную, единую власть и законодательно закрепленные права и свободы граждан, гарантирующие равенство всех перед законом.

А. Ф. Замалеев и И. Д. Осипов отмечают: «Концепция Сперанского явилась качественно новым этапом в развитии “конституционных попыток”, предпринятых в России в XVIII в., поскольку базировалась на глубоком понимании объективных предпосылок политического прогресса: конкретных условий жизни людей, культуры и состояния общественного сознания. Реформатор полагал, что демократические перемены должны учитывать свойства человеческой души. Свобода находит в личности духовную опору, и политическое “преображение” непременно должно соответствовать нравственному просвещению народа и его характеру.

Игнорирование этих обстоятельств, по мнению Сперанского, может привести к самовластию – деспотизму, а поспешность в общественных преобразованиях чревата бедствиями для народа и губительна для самих инициаторов непродуманных реформ»⁴.

Реформы М. М. Сперанского были нацелены на эволюционное преобразование общества, предусматривали постепенное воспитание людей, готовых к восприятию новых идей. Такой слой просвещенных, политически и экономически независимых и происходящих из народа людей должен был уравновесить верховную власть, создать ей определенный противовес. Программа М. М. Сперанского была весьма актуальна для России того времени, но она не оказала решающего влияния на ход общественных преобразований. Ее осуществлению помешали и внешние факторы, что было следствием вовлечения России в европейскую политику, и совокупность внутренних факторов.

С одной стороны, обнаруживалось сопротивление консервативных элементов высших кругов правительственной бюрократии и аристократии, а с другой стороны, это сопротивление стимулировало деятельность радикальных сил. Именно в это время на российскую почву проникают идеи революционного радикализма. И в российских условиях эти идеи привели к результатам, обратным тем, на которые можно было рассчитывать, исходя из их содержания. Автор капитального труда по истории либеральных идей и либеральных реформ в России В. В. Леонтович указывал: «Александр всегда видел в революционном поведении и революционных

акциях препятствие к осуществлению либеральной программы. С его точки зрения, революция – не осуществление, а напротив, отрицание либеральных принципов. Кроме того, независимо от этого, само собой разумеется, что Александр считал долгом главы государства действовать против тех, кто ставит на место либеральных принципов законности и свободы революционные теории и планы восстания и переворота и кто хочет становиться не на путь реформ, а на путь насильственных действий»⁵. Это неизбежно толкало Александра в сторону консервативных элементов. «К сожалению, не только слева, но и справа существовала удивительная неспособность отличать принципы законности и свободы от подрывных революционных теорий. Александр I вынужден был революционным поведением левых сил опираться на правые элементы, а вследствие этого, ему становилось трудно и даже невозможно проводить в жизнь либеральные реформы потому, что эти круги отклоняли не только революционные тенденции, а и либеральные реформы»⁶.

Неудачное восстание декабристов окончательно перечеркнуло программу социальной и политической модернизации России начала XIX столетия. Восстание, организованное нелегальными союзами, развязало руки консерваторам, что предопределило контрреформистский, реакционный в политическом и социальном отношении курс Николая I.

В период царствования Николая I развитие русской социально-политической мысли проходило в сложных условиях. Для открытой общественно-политической деятельности условий не было, не просто было и прямо обсуждать актуальные вопросы развития государства и общества. Неудивительно, что теоретические дискуссии начинают перемещаться в сферу обсуждения исторического прошлого России. В своем отношении к реформам Петра I русское общество раскололось. Это было следствием его социокультурного раскола, вызванного этими реформами. Славянофилы (К. С. Аксаков, А. С. Хомяков и др.) полагали, что петровские реформы нарушили естественный ход русской истории и последствия этих реформ для России носят преимущественно отрицательный характер. Славянофилам противостояли западники, высоко ценившие реформаторскую деятельность Петра Великого. Западники представляли собой либеральное направление русской политической мысли, отразившее особенности контрреформаторской эпохи царствования Николая I.

Наиболее крупной фигурой среди западников был профессор истории Московского университета Тимофей Николаевич Грановский. Общественным идеалом Т. Н. Грановского выступала «нравственно просвещенная, не зависящая от роковых определений личность, и сообразная требованиям такой личности общество», достигаемое реформами и просвещением масс⁷. Он полагал, что революции должны быть итогом длительной эволюции перехода «от одной жизни к другой». И свобода как цель человеческого развития должна быть соотнесена с «различием потребностей и народностей», поэтому установление абсолютистского государственного порядка – такое же великое событие, как и «водворение свободных учреждений». Грановский считал, что Россия, хоть и позже Европы, должна пройти в своем социальном развитии все общие этапы эволюции. Поэтому необходимо использование европейского опыта государственного строительства, а петровские реформы выдвинули Россию в число развитых европейских стран.

Близок по своим взглядам Т. Н. Грановскому был профессор-правовед Санкт-Петербургского университета Александр Петрович Куницын. Он утверждал, что «каждое общество основывается на договоре, которым сокупаются или особенные лица (personal physical), или целые семейства»⁸. Государство, в соответствии с договором, который заключается между монархом и народом, должно соблюдать неотъемлемые права индивидов, защищать их жизнь, имущество и свободу, которые не гарантируются в естественном состоянии. Целью общественной жизни, по мнению А. П. Куницына, является общее благо, а ее основой – неотчуждаемые и неотъемлемые права личности. Он полагал, что всякое неразумное ограничение производственной или иной деятельности наносит вред. «Введение совершенного равенства и совершенной свободы во всех занятиях есть самое простое средство довести все классы государства до высочайшей степени благоденствия», – писал Куницын⁹.

Мыслитель был противником любой формы деспотизма в обществе, в том числе и большинства над меньшинством. Гражданское общество он видел как общество равноправных людей. Куницын подчеркивал, что «в равном обществе ни равенство, ни большинство голосов не определяют, что должно быть предпринято всеми для цели общества; иначе большая часть членов имела бы верховную власть над меньшею, что противно понятию равного

общества»¹⁰. Из своей концепции договорного общества правовед делал важный вывод о возможности расторжения договора между подданными и монархом, в случае невыполнения им своих обязанностей по обеспечению достойной жизни и безопасности своих подданных.

При всем несовпадении базовых подходов западников и славянофилов к русской истории, они были связаны между собой. «Культурные идеалы западников и славянофилов взаимодополняли друг друга, – пишет об этом И. Д. Осипов, – образуя Кентавр мировосприятия русской интеллигенции, идейные истоки которой восходили к классической европейской культуре. Была общей и тайная или явная оппозиционность имперскому духу власти, полагаемой либо чуждой для России (славянофилы), либо устаревшей (западники). В данном случае происходило естественное самоопределение национального самосознания, самоутверждающегося в процессе критики существующей действительности, часто выступающей в виде внешней (европейской) культуры»¹¹.

Царствование Николая I в целом негативно сказалось на социально-экономическом и социально-политическом развитии России. Именно в тот момент, когда в сфере материального производства ведущих европейских государств развернулись процессы, характерные для раннеиндустриального типа модернизации, развитие России, и до того отстававшей от них в технологическом, экономическом, социально-культурном плане, существенно затормозилось. Это определило и военно-техническое отставание России от Западной Европы, что, в свою очередь, обусловило неудачный исход Крымской войны. Военное поражение заставило правительство вновь обратиться к вопросу модернизации.

В период царствования Александра II власть стремилась, сохраняя политическую стабильность, одновременно реализовывать программу социально-экономических реформ не под давлением «снизу», а на основе целенаправленной стратегии преобразований. Впервые в истории России начался процесс высвобождения общества от всепроникающего государственного контроля. Экономическая и социально-культурная сферы получили автономию, что на практике означало реальное движение в направлении формирования гражданского общества. Этому же способствовала судебная реформа и развитие системы местного самоуправления.

Следующим логическим шагом со стороны властей был переход к решению задач политической модернизации страны. Проект проведения политических реформ был ограничен и несовершенен с точки зрения либерально-демократического идеала. Содержавшийся в проекте план создания представительного органа власти лишь с большой натяжкой можно оценить как начало перехода к парламентской системе. Однако в стране, только что избавившейся от крепостного рабства, не имевшей необходимых политических традиций, реализация программы политических реформ могла стать действительным шагом вперед. Это первый шаг в перспективе открыл бы путь для осуществления всего комплекса задач политической модернизации. Однако действия левых радикалов в очередной раз перечеркнули такую возможность.

Ускорившийся в период царствования Александра II процесс модернизации стимулировал дальнейшее развитие русской либеральной социально-политической мысли. Несомненно, крупнейшей фигурой русского либерализма второй половины XIX в. был Борис Николаевич Чичерин. Этот ученый написал большое количество работ по вопросам истории политических учений, общей теории государства и права. В своем творчестве он вышел далеко за пределы юридической науки и по праву может быть признан выдающимся политическим философом своего времени.

Свою идейно-теоретическую позицию Б. Н. Чичерин, вслед за А. С. Пушкиным, определил как позицию «консервативного либерализма». И. Д. Осипов так характеризует политический идеал консервативного либерализма: «Политический идеал консервативного либерализма синтезировал “патриархально-отеческую” модель отношений между властью и подданными с принципами правового государства, примиряя начала власти с началами свободы. Властители и подданные должны были пойти на взаимные уступки: государство, руководствуясь принципом “либеральные меры и сильная власть”, – разрешить обществу выражать свое мнение и иметь политические партии, добровольно самоограничив свою власть, а общество – осознать свою ответственность перед страной, терпеливо и настойчиво добиваясь необходимых реформ»¹².

В соответствии с этим политическим идеалом наилучшим вариантом могло быть централизованное государство, которое может сдерживать противоборствующие стороны и частные силы пропорционально их способностям и заслугам. В подобном государстве

существует приоритет права, регулирующего взаимные обязанности индивида и государства, не позволяя проявиться как анархическому своеволию человека, так и деспотизму государства. Права человека, например, право свободного перемещения, свободы труда, мысли, совести и частной собственности, неприкосновенность личности, рассматривались Б. Н. Чичериным в единстве с обязанностями человека перед государством и другими людьми. Нравственный закон требовал добровольного подчинения государственным установлениям: «Общественной власти нужно подчиняться не только за страх, но и за совесть»¹³. Если государственное единство не могло быть установлено согласием граждан, то власть должна была сама осуществить объединение общественных сил.

Одним из краеугольных камней либерализма стала концепция «закрепощения и раскрепощения» Чичерина, которую он выдвинул, анализируя процесс формирования Русского государства. Он отмечал, что образование государства в России шло по пути преодоления с помощью государственной власти анархического своеволия средневекового общества. В XVII в. завершился процесс создания Московского государства, и общество объединилось вокруг центральной власти. Особенности развития России (огромная территория, земледельческий быт, набеги враждебных соседей, низкая плотность населения, слабость средних сословий) обусловили создание государства «сверху». Б. Н. Чичерин отмечал: «Верховная власть была исходной точкой общественного порядка, уничтожая привилегии, несовместимые с государственным порядком, что привело к более сильному, нежели в европейских государствах, развitiю монархической абсолютистской власти»¹⁴.

Раскрепощение России видел в перспективе Б. Н. Чичерин. Развитие общественной самодеятельности при участии монарха – суть этого процесса. Наилучшей формой правления для России мыслитель считал конституционную монархию, обеспечивающую устойчивость и гибкость государственной власти. Эффективность управления при конституционной монархии, считал Чичерин, достигается либо привлечением, при необходимости, к управлению широких социальных слоев, либо концентрацией власти в руках монарха. Двухпалатный парламент, независимый суд, ответственные перед палатами министерства обеспечивают взаимную ответственность всех ветвей власти, а монарх охраняет высшее благо целого. По мнению ученого, конституционная монархия имеет преимущество

перед всеми другими формами правления, она может удовлетворять все потребности народной жизни.

Ближих, но не тождественных Б. Н. Чичерину взглядов, придерживался другой русский ученый Константин Дмитриевич Кавелин, известный многочисленными работами в области философии истории, культурологии, этики, психологии. В своем творчестве К. Д. Кавелин отстаивал идею постепенного, но решительного реформирования социальных и политических институтов России. Его политическим идеалом была неограниченная монархия, основанная на широких местных свободах. Причем в будущем государственном устройстве России важную роль должна была сохранить община.

По мнению Кавелина, не самодержавие утратило свою роль, а перестали быть эффективными способы его действия. Поэтому нужно «не противопоставление власти народу... а их совокупные действия, направленные к одной цели»¹⁵. То есть требуется не противостояние сословий и борьба партий, а административная реформа, реорганизация не справившейся со своими обязанностями администрации. И. Д. Осипов отмечает: «Различение субъективных и объективных факторов социального прогресса позволило Кавелину выявить формальные и содержательные стороны политического управления и самоуправления. К первым относились конституционные формы участия народа в управлении государством, ко вторым – реальная готовность народа к самоуправлению. Согласно Кавелину, прежде чем принимать конституцию, ограничивающую монархическую власть, следует создать условия для культурного проявления свободной воли людей, принять конституцию в “широком смысле” – построить государственное и общественное устройство на разумных основаниях и законах, где бы не было места для произвола, а имущественные и иные права всех были бы обеспечены и неприкосновенны. Децентрализация в соединении с реформой земского, местного самоуправления могла создать условия для укрепления общественного строя, при котором личное начало было бы уравновешено общинным владением и создано “органическое единство” всех народных элементов»¹⁶.

Правление Александра III ознаменовалось утверждением контрреволюционного курса в сфере политических отношений. Но одновременно проведенные ранее реформы способствовали бурному экономическому росту. Произошел резкий скачок промышленного производства. Осуществлялись и социальные сдвиги. Возрос-

ла численность городского населения, формировался массовый средний класс, слой промышленных рабочих.

В начале XX в. социальные перемены в России стали находить свое выражение и в политической сфере. Различные группы городского населения стали стремиться к участию в политической жизни страны и выдвигали требования, направленные на институционализацию такого участия. Эти требования были отражены сначала в программах первых леворадикальных партий, а затем и в деятельности более умеренных либеральных оппозиционных групп.

Назревшую потребность в политических реформах в начале XX в. выразил русский правовед и политический мыслитель Б. Н. Чичерин: «Русский народ должен быть призван к новой жизни утверждением среди него начал свободы и права. Неограниченная власть, составляющая источник всякого произвола, должна уступить место конституционному порядку, основанному на законе... Пробудится ли в ней сознание этого высокого назначения? Но придет ли это сознание путем правильного внутреннего развития или будет оно куплено ценою потоков крови и гибели многих поколений, покажет будущее. Может быть, и у нас появится государственный человек, который поймет задачи времени и сумеет двинуть Россию на путь, указанный ей историей. Во всяком случае, оставаться при нынешнем близоруком деспотизме, парализующем все народные силы, нет возможности. Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть заменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями. Гражданская свобода должна быть закреплена и упреждена свободой политической»¹⁷.

Начало XX столетия было отмечено в России возрастанием общественной активности различных слоев населения. Одновременно бурно развивалась социально-политическая мысль, в том числе и либеральная. В этот период под воздействием процессов, происходящих в Западной Европе, в России начинают распространяться идеи социального либерализма. Русские сторонники этого течения, в целом разделяя взгляды своих единомышленников в Западной Европе и Северной Америке, в то же время оставались оригинальными во многих вопросах. К числу представителей социального либерализма в России можно отнести П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, М. М. Ковалевского, Н. И. Кареева.

Павел Иванович Новгородцев полагал, что единственным общественным идеалом является идеал бесконечного развития и нравственного совершенствования личности. Важнейшее место в его политико-философской концепции занимала проблема синтеза свободы и равенства, которая решалась в духе социального либерализма. Мыслитель разграничивал нравственный и политический идеал и оставлял за человеком право выбора определенной формы государственного устройства, связанного с нравственным идеалом. Основы прав и свобод личности П. И. Новгородцев видел в принципах государственной жизни. Противоречие между личным и общественным, нравственностью и политикой, равенством и свободой может быть преодолено, по его мнению, осознанием личностью того факта, что общество является конкретным взаимодействием индивидуальностей, а государство – гарантом гражданского мира и свободы личности.

Политической формой свободы личности является правовое государство. П. И. Новгородцев видел в развивающемся и совершенствующемся правовом государстве возможности ограничения частного произвола, централизованного перераспределения национального богатства исходя из принципов социальной справедливости. Такое правовое государство может создать условия для полноценной жизни человека, обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно. Правовое государство, гарантирующее не только политические и гражданские права, но и право на труд или помощь в случае болезни, расширяло рамки представлений тогдашнего западноевропейского либерализма о роли государства вообще.

В трудах П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, С. Л. Франка, Н. И. Кареева речь шла уже о социальном государстве, обеспечивающем не только юридические, но и материальные основы для осуществления свободы личности. Русские мыслители демонстрировали этический подход к политико-правовому идеалу.

Борис Александрович Кистяковский считал признаком и основой власти в правовом государстве ее народно-демократический характер, обеспечиваемый всеобщим и равным избирательным правом и представительством народа в органах власти. Разделение властей, по мнению Кистяковского, должно сформировать высокую политическую культуру правового общества. Мыслитель на-

метил и контуры будущего постправового государства, в котором будут развиты и юридически закреплены «субъективные публичные» права на труд и участие во всех материальных и культурных благах, будет осуществлено прямое народное законодательство и устранена анархия производства.

Политические идеи Евгения Николаевича Трубецкого в большей степени, чем других представителей русского социального либерализма начала XX в., имели религиозную окраску. Во-первых, он связывал демократию с универсализмом культуры и с христианскими этическими нормами. Во-вторых, при демократии осуществляются основные политические права и создано общество, в котором господствует право, а не сила. В-третьих, демократическое общество соответствует внутреннему нравственно-религиозному сознанию русского человека. Христианизация демократии связывалась Е. Н. Трубецким с развитием личного начала в русской культуре. Для всеобщего раскрепощения и осуществления частной и общественной свободы необходимо, полагал он, наличие у человека идеальной цели, возвышающей его над материальным уровнем жизни, в котором «погрязла» Западная Европа. В духе русского либерализма Е. Н. Трубецкой соединял идею правды с идеей правового государства на основе христианских принципов.

Семен Людвигович Франк в своих трудах, увидевших свет до революции 1917 г., развивал социальную философию демократического либерализма и, после краткого увлечения марксизмом, в начале XX в. выступал теоретиком нравственных и политических принципов социально-правового государства. Критикуя «морализм», нигилизм, революционный прагматизм, С. Л. Франк писал: «От непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма мы должны перейти к творческому, созидающему культуру, религиозному гуманизму»¹⁸.

Общественный идеал Николая Ивановича Кареева отразил особенности, присущие философии либерализма, синтезирующей принципы договорного общества и концепции эволюции. В государстве Н. И. Кареев видел результат культурной эволюции человечества от анархии примитивных общества к этапу, на котором люди подчиняются власти добровольно. Хотя борьба за существование сохраняется, но в сдержанной, цивилизованной форме. Культурно-исторический смысл государственности ученый видел в последовательном расширении сферы общественного сотрудничества

и ограничении области социальных конфликтов. Революции в обществе он сравнивал с бурей и грозой в природе или болезнью в организме. Опасность революций Кареев видел в том, что, начинаясь под лозунгом свободы, они приводят к новой форме диктатуры и рождают прежние властные отношения, но уже под новыми лозунгами.

Оригинальный подход к разрешению главной антиномии либеральной доктрины – равенства и свободы – был намечен выдающимся русским правоведом, социологом, историком и политологом Максимом Максимовичем Ковалевским. Особенность этого подхода заключалась в обосновании параллельного развития равенства и свободы. По мнению М. М. Ковалевского, «ни в древней, ни в новой истории нельзя найти оснований для утверждения того, что развитие свободы шло в ущерб равенству, а равенства – в ущерб свободе»¹⁹. С помощью конкретных примеров развития права и политики он доказывал, что преодолеть противоречие между свободой и равенством можно в том случае, если ввести вместо понятия равенства понятия справедливости и солидарности. М. М. Ковалевский отмечал, что «уже на низших ступенях общественности право совпадает с понятием нормы, приводящей свободу индивидуальных лиц в соответствие с требованиями общественной солидарности»²⁰. Под общественной солидарностью он понимал прежде всего факт социальной жизни, утвердившийся вследствие естественно возникшей необходимости заботы всех органов социального целого о своей сохранности в борьбе с внутренними опасностями и внешними врагами.

Концепция солидарности соответствовала основным принципам социального либерализма, поскольку в ней присутствовала идея защиты личности и ее прав наряду с утверждением коллективистских основ бытия человечества. М. М. Ковалевский полагал, что солидарность не требует от людей отказа от свободы самоопределения и от субъективных прав. Свобода самоопределения одной личности не должна мешать свободе самоопределения других, поэтому с каждым субъектом права связано понятие об обязанностях.

Социальный либерализм в России, как и в Западной Европе, можно назвать одним из вариантов синтеза идей либерализма и социализма. Одновременно в России обнаружилась и тенденция к другому варианту идейного синтеза – либерально-

консервативному. Вслед за Б. Н. Чичериным идеи либерального консерватизма в предреволюционные годы активно развивал Петр Бернгардович Струве.

Идейная эволюция П. Б. Струве весьма примечательна. В молодости он был последователем социалистических идей, хотя ортодоксальным марксистом назвать его трудно. Потом он пересмотрел свои взгляды в духе социального либерализма. А после революции 1905–1907 гг. он стал убежденным сторонником либерального консерватизма. Все эти вехи идейно-теоретической эволюции П. Б. Струве хорошо отражены в названиях работ основного зарубежного исследователя его научного творчества Ричарда Пайпса²¹.

Уже в ранних работах П. Струве подверг критике теорию социальной революции К. Маркса за ее радикализм и абстрактность. На его взгляд, в XX в. естественным становится путь эволюции и реформ, улучшающих условия жизни всего народа. Перед российским обществом стоит трудная задача строительства правового государства, которое обеспечит субъективные права личности. Строительство такого государства, полагал П. Струве, должно быть основано на принципах взаимосвязи прав и обязанностей личности, «личной годности» и признании духовных начал власти и государства. Идея «личной годности» содержала совокупность нравственно-религиозных и профессиональных качеств, необходимых человеку и гражданину. «Личная годность» выросла из нравственного и гражданского долга и требовала от всех патриотически-государственного мышления. Принцип «личной годности» был альтернативой социализму и в экономической сфере приводил к иерархической структуре социальных отношений, которые строились с учетом реального вклада человека в создание национального богатства.

«Модель государства, предлагаемая Струве, была органическим, духовно-национальным образованием – “Великой Россией”, – отмечают А. Ф. Замалеев и И. Д. Осипов, – обладающей конкретно-исторической спецификой, недоступной рациональному познанию и поэтому мистической. Иррациональный характер государства придавал осмысленность социальному бытию, так же как религия связывала “в единое цельное” мировоззрение личности, науку, метафизику. Культурная же сила государства определялась его способностью выражать надклассовые и внеклассовые цели – национальную идею»²². Новая «Великая Россия» не была для

П. Струве прежним самодержавным государством. Она должна была складываться из исторического прошлого и культурных традиций в творческой деятельности всех патриотических сил, в процессе приобщения к государственной власти разных социальных слоев, в процессе воспитания и самовоспитания личности и гуманизации власти. Между провозглашением строительства правового государства и реальным достижением такого государственного устройства огромное расстояние. П. Струве считал, что создание правового государства в форме конституционной монархии может обеспечить неразрывную связь между свободным творчеством прогресса и преемственностью жизни и культуры.

С именем П. Б. Струве в значительной степени связан переход русского либерализма в новую стадию развития. Вплоть до начала XX столетия либерализм в России был представлен только на теоретико-концептуальном уровне. Теперь же он начал становиться основой реальной политической практики, то есть переходить на программно-политический и актуализированный уровень. Именно П. Струве в 1903 г. был одним из основателей «Союза освобождения», выступавшего за установление конституционного строя, обеспечивающего реализацию гражданских и политических прав. Объединение «Союза освобождения» с «Союзом земцев-конституционалистов», произошедшее в октябре 1905 года, положило начало Конституционно-демократической партии (кадеты). В октябре того же года возник «Союз 17 октября» (октябристы), названный так в честь Манифеста Николая II, обещавшего радикальные конституционные реформы.

Октябристы представляли собой правое крыло русского либерального движения, по некоторым вопросам смыкавшееся с консерваторами. Кадетов можно считать левым крылом русского либерализма. Кроме кадетов, к этому крылу относилась немногочисленная и маловлиятельная Партия демократических реформ, возглавлявшаяся М. М. Ковалевским.

Кадеты, в число руководителей и активных членов которых входили такие видные деятели, как П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. М. Гессен, Л. И. Петражицкий, С. А. Котляревский, Ф. Ф. Кокошкин и многие другие, выступали против насильственных социальных переворотов, за эволюционное развитие общества. Отвергая идею социальной революции, кадеты вместе с тем в принципе признавали возможность, а иногда даже неизбежность политической

революции. Основной программы этой партии была идея постепенного реформирования старой государственной власти, замены самодержавного режима конституционно-монархическим строем. Политическим идеалом кадетов была парламентская конституционная монархия английского типа. Они выступали за разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, за создание ответственного перед Государственной думой правительства, реформу местного самоуправления и управления, за введение всеобщего избирательного права и осуществление всего комплекса демократических свобод, за соблюдение гражданских и политических прав личности.

Октябристы, среди лидеров которых наиболее известны А. И. Гучков, Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, придерживались более умеренных, чем кадеты политических взглядов. Они выступали за упразднение неограниченного самодержавия, но категорически возражали против введения в России парламентского строя, считая его неприемлемым ни с исторической, ни с политической точки зрения. В сохранении монархии они видели залог стабильности и правильного направления развития России.

Различными были подходы левого и правого крыла русского либерализма и к социально-экономическим проблемам развития российского общества. Представители всех течений русского либерализма были сторонниками дальнейшей индустриализации страны. Октябристы и руководство кадетской партии, в принципе не отрицавшие необходимости инвестирования иностранных капиталов в экономику России, считали, что индустриализацию следует все же осуществлять за счет внутренних ресурсов. К числу таких внутренних ресурсов октябристы относили финансовую помощь государственной казны и развитие внутреннего рынка. Кадеты выступали против искусственного поощрения промышленности за счет казны и призывали «отучаться ходить на помочах государственного кредита», а считали главным источником индустриализации развитие внутреннего рынка.

В вопросе об экономической роли и экономических функциях государства октябристы были ближе к позиции классического экономического либерализма. По их мнению, государство, отказавшись от казенной промышленности, должно было продолжать выполнять функции распределения заказов среди частного сектора, то есть выступать в роли экономического регулятора частнокапиталистического производства. Октябристы настаивали на том, чтобы

правительство более активно и широко привлекало крупный частный капитал к строительству железных дорог, морских портов, к эксплуатации лесных и минеральных богатств, принадлежащих государству. Кадеты более осторожно подходили к вопросам не только ликвидации, но и значительного сокращения казенной промышленности. Это было связано с тем, что после установления в стране конституционно-парламентского режима, они надеялись использовать эту промышленность в качестве одного из каналов пополнения государственного бюджета и решения социальных проблем.

Социальные проблемы занимали в программных документах русских либеральных партий видное место. Либералы считали в принципе неприемлемым применение насильственных методов в решении социальных вопросов, опасаясь, что такой путь в конечном счете приведет к политической дестабилизации, насилию и духовной деградации общества. Согласно либеральной модели, правовое государство должно стать гарантом социальной стабильности в обществе, взять на себя роль не «сторожа», а социального арбитра, отстаивающего общегосударственные интересы. Центральное место в социальной программе русского либерализма занимал аграрно-крестьянский вопрос, затрагивающий судьбы основной массы населения России – многомиллионного крестьянства. Этот вопрос ставился и решался русскими либералами как широкая комплексная проблема, включающая в себя политические, правовые, экономические, социальные, духовные и нравственные аспекты.

Либеральная концепция общественного развития предусматривала, что при решении аграрного вопроса надо согласовывать интересы государства, помещиков и крестьян, а также создать условия для развития сельскохозяйственного производства и улучшения положения обездоленных слоев сельского населения. Либералы сходились на том, что следует уравнивать крестьян в правах с остальными гражданами, отменить юридическую опеку, поднять производительность земледелия. Все были согласны, что крестьянам следует передать государственные, кабинетские, удельные, монастырские и церковные земли. Но в вопросе о перераспределении помещичьих земель между либералами имелись довольно серьезные расхождения.

Правое крыло русского либерализма – октябристы, тесно связанные с помещичьим классом и крупной буржуазией, – ратовали

за максимальное сохранение помещичьих земель и приоритета помещиков в местном самоуправлении. А для улучшения благосостояния крестьян они предлагали ряд разработанных ими мер, включая создание отрубов и хуторов, ликвидацию чересполосицы, развитие кустарных промыслов, организацию крестьянского кредита, покупку крестьянами земель у частных владельцев и т. д.

Позиция левого крыла русских либералов-кадетов – по аграрному вопросу была более радикальной. Все они соглашались с тем, что следует пожертвовать крупным землевладением, являвшимся экономической основой сохранения полукрепостических пережитков в деревне, постоянным источником недовольства крестьянских масс. По мнению кадетов, крупные латифундии являлись наглядным доказательством несправедливости существующего распределения земельной собственности. Вместе с тем, кадеты понимали, что только ликвидации крупных латифундий недостаточно для решения земельного вопроса. Вот вопрос о допустимости ликвидации и среднего помещичьего землевладения был в кадетской среде дискуссионным. Левое крыло кадетской партии считало это возможным, но такая позиция не получила одобрения у руководства партии.

Урегулированию отношений между предпринимателями и рабочими была посвящена либеральная рабочая программа. Одним из центральных ее пунктов выступало требование свободы рабочих союзов, собраний и стачек. За профсоюзами признавались права на защиту материальных интересов рабочих, пользование стачечными фондами и фондами помощи по безработице, право объединения союзов в федерации и полная их независимость от администрации. За убытки, вызванные стачками, профсоюзы не должны были нести ответственности перед предпринимателями. Вместе с тем, либералы стремились перенести решение вопросов взаимоотношений между трудом и капиталом в специальные арбитражные органы (третейские суды, согласительные комиссии и т. д.) с участием рабочих и предпринимателей. По их мнению, только после безуспешных переговоров руководства профсоюза и предпринимателей стачка могла быть объявлена, причем рабочие во время стачки обязывались соблюдать порядок и предупреждать бесчинства.

Важное место в программе либералов занимал вопрос о продолжительности рабочего дня. Здесь тоже мнения не совпадали. Октябристы были против сокращения рабочего дня для взрослых рабочих, исключение они делали лишь для женщин, подростков и рабо-

чих вредных производств. В кадетской же рабочей программе имелось требование сокращения рабочего дня до 8 часов, но постепенного, из-за низкого уровня развития технического производства в России.

Уделялось внимание в либеральных рабочих программах и проблеме социального страхования. И здесь мнения октябристов и кадетов имели существенные расхождения. Октябристы стремились ограничить сферу страхования рабочих и служащих, отстаивая интересы крупного капитала. Программа социального страхования кадетов была более широкомасштабной.

Русский либерализм в начале XX в. не уступал западному ни по теоретическому уровню осмысления общественных проблем, ни по конкретным программам их разрешения. Однако, как показала реальная практика, в России либеральные идеи не сумели найти массовой поддержки в народных низах. Либералы имели узкую социальную базу в еще не завершившем процесс модернизации российском обществе. Как бы ни были образованы теоретики русского либерализма, насколько бы ни были обоснованы их концепции и программные требования, все равно это не позволяло преодолеть разрыва между либералами и российским народом.

Как правильно указывает современный российский исследователь дореволюционного русского либерализма В. В. Шелохаев, «любая социальная программа должна найти отклик и поддержку в массовом сознании, ибо только в этом случае она имеет шанс на успех. Российского же крестьянина, рабочего и служащего, имеющих крайне низкий уровень жизни, практически мало волновал вопрос об экономической целесообразности сохранения рационального капиталистического помещичьего хозяйства или же об экономической невозможности немедленного осуществления 8-часового рабочего дня. Массовое сознание как тогда, так и сейчас лучше воспринимает именно максималистские лозунги социалистических партий, которые без учета каких-либо реальных экономических возможностей настаивали на национализации и даже социализации земли, на немедленном введении 8-часового рабочего дня, максимальном повышении заработной платы и т. д.»²³.

Но не либерализм, а социализм оказался доминирующей политической идеологией, определившей деятельность наиболее активных противников русского самодержавия. Именно идеи социализма определили политическое развитие России в XX столетии.

Генезис и развитие социалистической идеологии в России отличались от аналогичных процессов в странах Запада. Если в Европе социализм возникает в результате разочарования в либерализме и в последствиях реализации либерализма на практике, то в Россию социалистические идеи первоначально импортируются из-за границы, а затем приспосабливаются для критического осмысления российской действительности. Происходит то, о чем уже шла речь в случае с либерализмом – идеи, рожденные одним социальными обстоятельствами, переносятся в совершенно другие.

Начальный период развития социалистических идей в России приходится на 30–40-е годы XIX в. «В 30-х годах, – отмечает исследователь русского утопического социализма В. А. Малинин, – предпринимаются лишь первые и поначалу робкие попытки соотнести социальные постулаты западного социализма с поисками новых решений. В 40-х годах попытки применить идеи социализма к разрешению противоречий русского общества становятся более настойчивыми и целеустремленными. Появляются общественные деятели и мыслители, значение и масштаб которых все больше и больше определяется их вкладом в социалистическую теорию, их отношением к проблемам философского и социологического порядка, выдвигаемым социалистической теорией»²⁴.

Одним из самых видных представителей раннего русского социализма был Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский. Он стал основателем кружка, участники которого занимались изучением произведений европейских социалистов – Ш. Фурье, Р. Оуэна и других. Социалистическая республика или объединение таких республик представлялись петрашевцам идеалом общественно-политического устройства. Правительство предполагалось избирать всенародным голосованием. Предполагалось также проведение демократических преобразований во всем государственном аппарате, включая судебную реформу с появлением в результате выборных присяжных заседателей.

Представления о конкретных путях изменения существующего в России строя были менее ясными. Вначале речь шла о просвещении народа, о вере в торжество разумного и доброго начала в человеке, способного понять абсурдность монархического принципа построения государства, нелепость назначения сверху на все государственные должности. М. В. Петрашевский, как и большинство утопистов, верил в возможность убеждения, например, помещиков

в экономическом превосходстве свободного ведения сельского хозяйства.

Постепенно возникли сомнения в возможности с помощью уговоров и примеров осуществить общественные преобразования. Родилась идея революционного перехода. На заседаниях кружка обсуждалась даже возможность вооруженного восстания против самодержавия. Однако М. В. Петрашевский опасался, что в результате вооруженной борьбы в России может утвердиться военный деспотизм. Наиболее важным делом он считал агитацию в широких массах, внушение массам мысли о необходимости перемен, о необходимости освобождения из-под власти царя, чиновников и помещиков.

Вышеизложенное показывает, что русский социализм с момента своего возникновения принял более радикальные формы, чем в Западной Европе. Политические взгляды М. В. Петрашевского, несомненно, отличались от политических взглядов его «духовного отца» Ш. Фурье. Поскольку даже самые умеренные социалистические концепции основывались на отрицании привычных социальных форм, русские радикалы, недовольные действительностью России эпохи Николая I, охотно воспринимали принципы европейского социализма. Наряду с уже упоминавшимися концепциями Ш. Фурье и Р. Оуэна широкую известность в России приобрели работы А. Сен-Симона и сен-симонистов, Кабе, Леру, Прудона и других представителей западноевропейского социализма. Деятельность разгромленного властями Кирилло-Мефодиевского общества вдохновлялась идеями христианского социализма.

Уже в 40-е годы XIX в. начинает складываться традиция, в соответствии с которой многие виднейшие представители русской общественной мысли по своим идейным взглядам принадлежат к социалистам. Яркий пример тому – Виссарион Григорьевич Белинский, известный литературный критик и публицист своего времени. В. Г. Белинский видел в социализме прежде всего общечеловеческую, революционно-просветительскую идею, идею освобождения всех обездоленных и угнетенных. Он пишет, что при справедливом социальном строе «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос сдаст свою власть Отцу, а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом небе и над новою землею»²⁵.

Идея социализма, в котором каждая личность будет вести достойное человека существование, захватила В. Г. Белинского, как

говорил он сам, своей социальностью. Социализм мыслитель понимал как историческое требование общественного прогресса. А социальность социализма – как воспитание человека в новых общественных условиях, которые выведут массы из животного состояния и возвысят до состояния развитой личности. Поэтому воспитание при социализме – это решающее средство развития человека как личности, Человека с большой буквы. В. Г. Белинский отмечает, что «воспитание всегда делает нас или выше или ниже нашей природы, да, сверх того, с нравственным улучшением должно возникнуть и физическое улучшение человека. И это делается через социальность»²⁶. Интересно, что далее у В. Г. Белинского речь идет о насильственном перевороте, который приведет к новому общественному строю: «Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови. Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов!»²⁷. Революционный путь достижения всеобщего счастья мыслителю ближе пути социального реформирования.

Первые русские социалисты, в основном, лишь приспособляли европейские социалистические концепции к российским условиям. Автором же первой собственно русской социалистической концепции принято считать Александра Ивановича Герцена – выдающегося философа, писателя, публициста и общественного деятеля. Общественный идеал А. И. Герцена был абстрактно гуманистичен. Социальная революция для него была средством создания нового общества и воспитания масс. В новом обществе, считал А. И. Герцен, будет достигнуто единство личности и государства, власти и общества, коммунизма и эгоизма, демократическое равенство свободных личностей. Этапом на пути к такой социальной республике для мыслителя выступала политическая республика, которая, в отличие от монархии, управляется разумно, нравственно и в соответствии с природой человека.

А. И. Герцен проводил сравнительный анализ реальных условий в Западной Европе и России. Он признавал некоторые достижения западноевропейских государств и предполагал, что буржуазная или политическая, как он говорил, республика может быть переходной формой от монархии к социальной республике. Но в то же время А. И. Герцен считал политическую республику атрибутом гнивающей, индивидуалистической цивилизации Запада, у же

прошедшей пик своего развития и приближающейся к закату. По его мнению, все народы развиваются по-своему, в разные стороны и поэтому могут возникать тупики в общественном прогрессе. Но эти тупики носят временный характер, так как преодолеваются молодыми народами, имеющими жизненную силу. Россия как раз способна, считал мыслитель, вывести европейскую цивилизацию из тупика социального развития.

Характеризуя взгляды А. И. Герцена, А. Ф. Замалеев и И. Д. Осипов отмечают: «Герцен использовал качественные, целостные критерии при оценке уровня развития общества и на основании сравнительного историко-культурного анализа России и Западной Европы выявил социально-экономические отличия российского общества, которые заключались в специфическом патриархально-коллективистском укладе русского народа. Социалистичность как характерная черта жизни и психологии русского крестьянина виделась мыслителем в уникальности существующей сельской общины, городской артели и самобытной воинской организации казачества.

Сохранение в русской крестьянской общине коллективного землепользования, права каждого работника на землю как на орудие своего труда и мирского самоуправления, как полагал Герцен, выгодно отличало Россию от Западной Европы, где существовали частная собственность и римское право. Именно это преимущество позволило соединить русский народный быт и западную социалистическую идею»²⁸.

А. И. Герцену принадлежит идея о возможности благодаря вышеизложенным особенностям российского общества длительного некапиталистического развития России на основе соединения общинных традиций и свободы личности.

Наряду с А. И. Герценом большое влияние на целые поколения русских социалистов оказали творчество и судьба Николая Гавриловича Чернышевского. Он развивал концепции А. И. Герцена, анализировал экономическое положение России и обосновывал идею о возможности здесь некапиталистического пути. Н. Г. Чернышевский считал, что историческая закономерность и общественный прогресс проходит от первой стадии – общинной собственности на землю, ко второй стадии – частное владение землей, и к высшей стадии – государственной собственности с общинным владением и общинным производством на основе достижений промышленного прогресса. В

своих произведениях философ, экономист и публицист нарисовал образ будущего России, где отсутствуют классовые антагонизмы, отчуждение труда, экономические кризисы, нищета трудящихся. Грядущее социалистическое общество должно было обеспечить равное распределение материальных благ между производителями, ответственность государства за нравственное воспитание и материальное благосостояние своих граждан. Все граждане грядущего социалистического общества должны быть свободны и счастливы.

Н. Г. Чернышевский полагал, что социализм – это будущее всех стран. Но только западные государства к государственной собственности с общинным производством придут через эволюцию частной собственности, развитие рынка и крупного машинного производства, а Россия, сохранившая крестьянскую общину, придет к социализму, используя общинные навыки коллективного хозяйствования и экономический опыт развитых стран Запада, минуя капиталистическую стадию.

Формой перехода к новому общественному строю в России для Н. Г. Чернышевского была крестьянская революция. Хотя само крестьянство как революционная сила оценивалось мыслителем невысоко. Путь перехода к новому обществу включал в себя, по мнению Н. Г. Чернышевского, два этапа: этап просвещения интеллигенцией народных масс и этап революционного перехода к новой общественной системе и свержения старой феодально-крепостнической системы. Идея крестьянской революции и борьба с реформизмом была одной из центральных в творчестве Н. Г. Чернышевского. Близость взглядов Н. Г. Чернышевского и К. Маркса по ряду вопросов определила и высокую популярность марксизма в среде русской интеллигенции в дальнейшем.

Наряду с Н. Г. Чернышевским среди русской революционно и социалистически настроенной молодежи 60-х годов XIX века большой популярностью пользовался и Николай Александрович Добролюбов. Его взгляды отличались даже большим радикализмом, чем взгляды Н. Г. Чернышевского. Основной сутью и направлением исторического прогресса Н. А. Добролюбов считал борьбу аристократии с демократией, трудящихся с дармоедами, утверждая, что народ всегда стремится к свободному труду и социальному освобождению.

«Революционный демократизм Добролюбова, – указывают А. Ф. Замалеев и И. Д. Осипов, – отличался своей конкретностью и

радикальностью, соединенной с верой в то, что идейно-психологические различия угнетенных классов играют огромную роль в освободительном движении. Не случайность, считал он, должна определять тактику революционной борьбы, а точное знание психологии и умонастроения всех эксплуатируемых слоев общества. Добролюбов был убежден в том, что в России только крестьянство способно озарить светлым лучом революции “темное царство” и коренным образом изменить существующие порядки. Реальные обстоятельства жизни народа, согласно Добролюбову, уродуют, искажают его психологию, но в то же время “образовывают”, революционизируют его пробуждают в нем инициативу. В отличие от Чернышевского, связывавшего с просвещением народных масс подготовку к революционным действиям, Добролюбов считал крестьянство не только способным к революции, но и готовым в любой момент начать ее, стоит лишь организовать его “живые силы”²⁹. Но важную роль в организации «живых сил» крестьянства Н. А. Добролюбов отводил «энергическим деятелям», то есть революционерам.

Реформы Александра II, как уже отмечалось, открыли возможности для экономической и политической модернизации России. А политические идеалы революционной демократии были абстрактны и утопичны. Однако для молодых людей, вдохновленных идеями социализма, медленное реформирование общества, осуществляемое «сверху», было долгим и неприемлемым. И в начале 70-х годов XIX века тысячи молодых людей бросили учение и «пошли в народ» проповедовать идеи братства и социализма. Их ожидало большое разочарование, так как в реальности мужики не хотели иметь дел со студентами-идеалистами.

Одним из мифов, которыми и руководствовались в своей деятельности теоретики и практики русского революционного социализма, было представление о том, что русский мужик – социалист по натуре, только и ждущий от кого-либо призыва к «социальной революции», направленной против самодержавия, помещиков, капиталистов и других «кровопийц». Когда тысячи молодых энтузиастов, вдохновленных этим мифом, «пошли в народ», их ожидало огромное разочарование... Русские мужики оказались совершенно невосприимчивы к абстрактным политическим лозунгам, с подозрением относились к социалистическим агитаторам и предлагаемым их схемам общественного переустройства. Пореформенное

крестьянство в целом сохраняло лояльность по отношению к самодержавной власти и связывало с ней свои надежды на справедливое решение вопроса о земле.

Разочаровавшись в революции «снизу», одна часть молодых радикалов обратилась к политическому террору и создала для этих целей партию «Народная воля», готовившую и в итоге осуществившую убийство царя. Убийство Александра II стало причиной не только отката реформ в эпоху Александра III, но и резкого усиления позиций реакционных, консервативных элементов. Другая часть осела в деревне и старалась влиться и понять жизнь народных низов. А третья часть, удалившись в эмиграцию (группа «Освобождение труда») начала сближение с западно-европейской социал-демократией.

С идеологией социализма связано рождение первых политических организаций в России. Еще в 1862 г. возникло тайное революционное общество «Земля и воля», в деятельности которого были причастны Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен. В 60-е годы XIX века появляется и первая террористическая организация «Ад», созданная Н. А. Ишутиным. В декабре 1876 г. при активном участии Г. В. Плеханова, А. Д. Михайлова, М. А. Натансона, А. Д. Оболенева появляется еще одна организация с названием «Земля и воля». Важнейшей стороной теоретических убеждений землевольцев было признание обязательности и необходимости революционного насилия для установления социалистического строя. Причем революция, как считали землевольцы, является делом народных масс, а задача революционеров – поднять народ на борьбу и ускорить революционный процесс. Для подготовки революции предлагалось использовать агитацию и дезорганизацию государственной власти. Дезорганизация государственной власти должна была осуществляться посредством установления связей в недовольных войсках, проникновения в правительственные учреждения, истребления влиятельных государственных чиновников.

Именно из рядов «Земли и воли» вышли три течения русских социалистов, о которых говорилось выше.

Сторонники революционного террора создали первую русскую организацию, называвшуюся термином «партия», – «Народную волю». Виднейшим лидером и идеологом этой партии был Александр Иванович Желябов. Он считал, что установление всеобщего счастья и социальной справедливости возможно только в условиях

социалистических отношений между людьми. Для осуществления на практике социалистического идеала он призывал использовать все пути: заговор, террор, агитацию в массах, захват власти в процессе вооруженного восстания. Именно в партии «Народная воля» А. И. Желябов видел гарантию развития социальной революции в интересах трудового народа. Более того, он допускал, что в период подготовки к захвату власти борьбу за конституционные права будет вести либеральная буржуазия, а уже непосредственные политические революционные действия будет вести революционная партия. Политический переворот будет предшествовать социальному переустройству общества. Затем последует подъем экономического благосостояния народа и уровня его нравственного и умственного развития.

Постепенно народовольцы пересмотрели свои установки на всеобщую социальную революцию и стали стремиться к террору и политическому заговору как средству для опрокидывания всей пирамиды самодержавной власти. В этой связи В. А. Малинин пишет: «Многие народовольцы были убеждены, что уход лучших организаторов в кропотливую, не дающую непосредственного эффекта пропагандистскую деятельность среди рабочих или в деревне не приближает, а отдаляет крушение самодержавия, организаторы должны организовать не массы, а себя: пользуясь моментом, они должны захватить власть и подтолкнуть революцию. В России непосредственным толчком к революции может быть убийство царя»³⁰. О том, к чему привело это убийство, выше уже было сказано.

Хотя сами народовольцы полагали, что после захвата политической власти будут проводить социалистические преобразования, на самом деле их программа носила общедемократический характер. Они планировали установить: постоянное народное представительство во всех общегосударственных вопросах, широкое областное самоуправление с выборностью всех должностей, систему мер, с помощью которой передать землю народу, фабрики и заводы рабочим, свободу слова, печати, ассоциаций и избирательной агитации, всеобщее избирательное право.

Параллельно с «Народной волей» действовала и другая организация, возникшая в результате раскола «Земли и воли». Она получила название «Черный передел». Программа «Черного передела» в качестве цели выдвигала длительную работу среди народа, прежде всего крестьянства, для подготовки его к социальной революции.

Чернопередельцы критиковали народovolьцев за их веру во всемогущество террора. Они сами хотели с помощью длительной агитации в народе за передел земли заложить прочные основы для крестьянско-рабочей партии. Но члены «Черного передела» смутно представляли себе политическую организацию будущего общества. После передачи фабрик рабочим и земли крестьянам они считали необходимым связать в одно целое промышленных и сельскохозяйственных работников, а затем «предоставить ход экономических изменений в России их естественному течению». Чернопередельцы ратовали за общее счастье людей, возможность установления которого видели в развитии личной, местной и областной автономии³¹.

Оказавшись за границей, ряд активных членов «Черного передела» во главе с Г. В. Плехановым и В. И. Засулич в процессе своей идейной эволюции переходят на позиции марксизма. Именно они в 1883 г. сформировали группу «Освобождение труда», о которой упоминалось выше.

С этого момента в русском социалистическом движении начинается разворачиваться борьба между марксистским и народническим направлением. Народники продолжали основываться на традиционных представлениях русского социализма об особом, отличном от западноевропейского, пути развития России. С точки зрения видного идеолога народничества Николая Константиновича Михайловского, одной из важнейших задач революционной интеллигенции было спасение крестьянской общины от разлагающего капиталистического влияния. Н. К. Михайловский полагал также, что в России капитализма нет и не будет, поэтому русским социалистам нет смысла стремиться передать средства производства от капиталистов, которых в России нет, к рабочим, которых в России не существует. Задача народников – создать социалистическо-крестьянскую страну.

Главным критиком народнического социализма с марксистских позиций долгое время оставался Георгий Валентинович Плеханов. Он был одним из наиболее видных представителей ортодоксального марксизма в рядах всей европейской социал-демократии. В основе политической теории ортодоксального марксизма лежали экономические принципы и принципы революционизма. Социальные группы и классы делились на прогрессивные (пролетариат) и реакционные (крестьянство), и исходя из этого оценивалась их роль в истории, выводились их нравственные характеристики. Принцип

неизбежности классовой борьбы как движущей силы общественного прогресса давал основание рабочему классу на любые действия в ходе революции.

Фундаментальным противоречием ортодоксального марксизма было противоречие между идеалом завтрашнего дня – социализмом и днем сегодняшним – капитализмом. Соглашаясь с тем, что Россия должна пройти путь капиталистического развития, Г. В. Плеханов защищал демократические политико-правовые институты буржуазного государства. Но, с другой стороны, этот капиталистический этап вызывал неприятие и стремление быстрее разрушить его для утверждения коллективистских ценностей и более прогрессивного социалистического общественного устройства. Эта позиция выразилась в идее сокращенного развития русского капитализма, который прекратит свое развитие, не достигнув расцвета.

После раскола социал-демократии Г. В. Плеханов примкнул к ее меньшевистскому крылу. Меньшевики фактически представляли собой «западническую» тенденцию в русском марксизме. Хотя сам марксизм был продуктом западно-европейской цивилизации и противостоял «почвенническому» народническому социализму, русские последователи К. Маркса также разделились в соответствии с традициями политической культуры российского общества. (Говоря об этих традициях, можно вспомнить противостояние славянофилов и западников, а также только что упоминавшуюся борьбу марксистов с народниками.)

В противовес меньшевикам «почвенническое» течение русской социал-демократии олицетворяли собой большевики. Возникновение идеологии большевизма связано с именем Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

Сравнивая идейное наследие К. Маркса и В. Ленина, можно отметить, что К. Маркс был оригинальным мыслителем во многих областях общественно-научного знания, а в некоторых областях в тот период обладал несомненным приоритетом. В отличие от К. Маркса, В. Ленин был более политическим публицистом, практическим политиком и интерпретатором политической доктрины марксизма в новых исторических российских условиях, чем оригинальным мыслителем, философом, экономистом или социологом.

Ленинизм первоначально возникает как исключительно русское явление и не столько наследует идеи классического марксизма,

сколько является продолжением традиций русского социализма в новой, марксистской форме. Хотя сам В. Ленин яростно выступал против идеологии русского народничества и неонародничества, но он сам стал наследником политической тактики П. Бакунина, В. Нечаева и П. Ткачева. В. Ленин, точно так же, как и они, ставил в центр своих политических интересов проблемы насильственной революции.

Ленинизм невозможно вырвать из всего контекста эволюции политической культуры русского общества. Уже тот факт, что В. Ленин вышел победителем в споре со своими противниками, обнаруживает, что корни его теории и деятельности в российской действительности были глубокими. Из марксизма В. Ленин брал те идеи, которые в большей степени соответствовали стоявшим перед ним практическим задачам. Поэтому прежде всего он взял у К. Маркса ту часть его политической доктрины, которая базировалась на наследии революционно-утопического коммунизма и была наиболее слабой ее стороной. В то же время В. Ленин самостоятельно переработал марксизм и прибавил к нему идеи, соответствующие новым потребностям нового этапа борьбы.

Первой оригинальной идеей В. Ленина была идея «партии нового типа». Для К. Маркса и Ф. Энгельса понятие «партия» оставалось вторичным по сравнению с понятием «класс». Ничем особым, кроме своей идеологии, рабочая партия отличаться от иных политических партий не должна. Однако тот тип партии, который сложился на Западе, не мог устраивать В. Ленина в силу экономической и политической отсталости России. «Именно из-за отсталости России, – пишет З. Бжезинский, – ни общество в целом, ни относительно малочисленный класс промышленных рабочих не считались готовыми к социализму. Следовательно, историю надо было подстегнуть при помощи военизированного “авангарда” преданных революционеров, точно знающих, в чем суть наказа истории, и готовых полностью посвятить себя служению ей. Ленинское учение о партии как авангарде рабочего класса было его творческим решением дилеммы о неготовности России и ее пролетариата к марксистской революции»³².

Другая оригинальная политическая концепция В. Ленина, выдвинутая им для решения задачи размежевания сил внутри российской социал-демократии, получила название «учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую».

В. Ленин понимал, что с точки зрения классического марксизма объективные и субъективные условия для победы «социалистической» революции еще отсутствовали. Он писал: «Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса»³³. Но все же решил провозгласить курс на переход от демократической революции к революции социалистической: «От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции»³⁴.

В процессе «перерастания» демократической революции в социалистическую В. Ленин считал необходимым осуществить «перегруппировку социально-классовых сил», о которой он писал следующее: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»³⁵.

Важное значение имел для В. Ленина вопрос о власти. В результате демократической революции, по его мнению, утвердится революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Но эта демократическая диктатура не сможет затронуть основ капитализма, она лишь создаст условия для борьбы за социализм. Эти рассуждения В. Ленина стали политической программой большевиков: «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое – самодержавие, крепостничество, монархия, привилегии. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контрреволюцией возможно “единство воли” пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов. Ее будущее – борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму»³⁶.

Подобные рассуждения В. Ленина вызвали критику авторитетного революционного деятеля России Г. В. Плеханова. Оценивая ленинские идеи о возможности «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую», он опирался на опыт своего анализа утопических воззрений русских народников. А народники, как известно, считали единственно верным особый русский путь перехода к социализму в результате победы крестьянской революции. В основе представлений народников лежали старые мифы о русском мужике – социалисте от природы, по инстинкту, о русской общине как зародыше будущей социалистической организации общества.

По мере роста рабочего класса и зарождения рабочего движения народнические теории становились серьезной помехой на пути распространения марксизма. Поэтому борьба с этими теориями была одной из главных задач первых русских марксистов, в том числе и Г. Плеханова. Идеи народников о возможности социалистических преобразований в России 80-х годов Г. Плеханов считал ненаучными, игнорировавшими реально достигнутый уровень развития производительных сил и производственных отношений. Российская действительность конца века делала любые выводы о победе «социалистической» революции в отсталой России фантазией. Когда же через двадцать с лишним лет Г. Плеханов столкнулся со взглядами В. Ленина на перспективы русской революции, он посчитал их простым воспроизведением прежних народнических иллюзий. Не случайно он считал стратегию большевиков бланкистской, бакунистской, но не исходящей из идей марксизма. В целом ленинская концепция была противоречивой, из нее можно было сделать различные, в том числе и авантюристические, выводы. Этот авантюризм и заметил Г. Плеханов. Последующий исторический опыт полностью подтвердил многие опасения Г. Плеханова.

Но еще более авантюристическую позицию занимал Л. Троцкий, принадлежавший к меньшевистской фракции. Он выдвигал в качестве непосредственного политического требования лозунг «Без царя, а правительство рабочее», который призывал к захвату власти социал-демократической партией, причем в расчете на поддержку со стороны пролетариата Западной Европы. По сравнению со взглядами Л. Троцкого, позиция В. Ленина в период революции 1905–1907 годов была более умеренной и реалистичной. В переводе на язык конкретной политики фразы о «перерастании»

и «революционно-демократической диктатуре» означали требование захвата власти в ходе революции блоком оппозиционных самодержавию партий.

Дискуссии вокруг перспектив русской революции остались в 1905–1907 гг. бесплодными, поскольку в итоге она потерпела поражение. Ленинизм как особое толкование марксистской классической доктрины проявил себя, но окончательно не оформился. Хотя имя В. Ленина уже было известно в международном рабочем движении, он все еще оставался лидером и идеологом наиболее радикальной партии II Интернационала и не представлял какой-либо серьезной альтернативы его правым и умеренным течениям.

Окончательный разрыв В. Ленина с социал-демократическим движением происходит летом 1917 года, уже после победы февральской революции в России. На протяжении этого года В. Ленин постоянно говорил о диктатуре пролетариата. Эта идея для него становится центральной в марксизме и главным водоразделом между революционным и «оппортунистическим» направлениями в международном рабочем движении. Наиболее подробно понятие «диктатура пролетариата» охарактеризовано в работе В. Ленина «Государство и революция». В этой же работе представлена и политическая программа большевиков.

Работа «Государство и революция» включает в себя большие выдержки из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса и комментарии к ним В. Ленина. Прежде всего комментируется наиболее слабая часть концепции К. Маркса, доставшаяся марксизму в наследство от утопического социализма.

В. Ленин отбросил традиционное понимание демократии и диктатуры. Для него диктатура пролетариата и есть высшая степень демократии: «Диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам и капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, – ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии»³⁷. Одновременно отбрасывается как ненужный принцип разделения властей.

На протяжении всего 1917 г. В. Ленин пропагандирует идею создания невиданной нигде республики Советов как нового «полугосударства» без постоянной армии, полиции и бюрократического аппарата. Его подход к сложным проблемам отличается повержно-

стностью и утопичностью: «Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» – вот *наша*, пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собой ведет к постепенному “отмиранию” всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка..., когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей»³⁸.

Далее В. Ленин выдвигает план конкретных политических и экономических преобразований социалистической революции. Первой задачей такой революции, считает он, должна стать задача «разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их *более* демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции»³⁹. Фактически это призыв к охлократии, поскольку никаких организационных форм и рамок такого «поголовного участия народа в милиции» не предполагается. В. Ленин считает, что «вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы свергнув капиталистов и чиновников, заменить их – в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов – вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим)»⁴⁰.

Так рисует В. Ленин картину «первой фазы коммунистического общества», которая должна стать результатом предлагаемых им преобразований: «*Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенарод-

ного, государственного “синдиката”. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок.

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, “некуда будет деться”.

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»⁴¹.

Предложенная В. Лениным картина весьма примитивна, она упрощает реальность и неудивительно, что, оказавшись у власти, В. Ленин и большевики отказались на практике от большинства идей по экономической организации нового общества, изложенных в работе «Государство и революция». Но политические идеи, высказанные в данной работе, сыграли свою роль в установлении тоталитарной диктатуры в России.

В отличие от большевиков, уже до первой мировой войны фактически вышедших за пределы традиционных идейных и организационных принципов социал-демократии, меньшевики оставались верны этим принципам. Направление их эволюции соответствовало общему направлению развития европейской социал-демократии, точнее ее центристской части. К ревизионизму Э. Бернштейна и к леворадикальным концепциям меньшевики относились негативно. Но в то же время меньшевики терпимее относились к либерализму и либеральным концепциям, чем большевики.

И вопрос о власти меньшевики решали исходя из своих представлений о характере и движущих силах революции в России. Они полагали, что после свержения самодержавия пролетариат не должен претендовать на власть и должен ограничиться ролью левой оппозиции, подталкивающей буржуазию к более радикальному решению стоящих перед страной вопросов. Приход к власти социал-демократов, по мнению Г. В. Плеханова, Ю. О. Мартова и других меньшевистских теоретиков, привел бы либо к вырождению их

в радикальных буржуазных демократов, вынужденных отречься от коренных интересов пролетариата, либо осуществлению беспочвенных социалистических экспериментов, результатом которых была бы трагедия России.

После революции 1905–1907 гг. внутри меньшевистской партии усилились разногласия. Одно из образовавшихся течений, получившее название «ликвидаторов», стало приближаться к позициям реформистского крыла международной социал-демократии. Ликвидаторы выступали за широкую рабочую партию, отстаивали нейтральность профсоюзов. Они считали, что рабочий класс должен организовываться не «для революции», а просто для твердой и планомерной защиты своих особых интересов во всех областях жизни. Мы слишком усердно говорили «по-русски», иронизировали ликвидаторы, тогда как нужно и можно было говорить «по-европейски», не игнорируя борьбы за более скромные, но реальные частичные требования, удовлетворение которых могло бы обеспечить рабочим нормальную человеческую жизнь⁴². Однако в российских условиях осуществить синтез социалистических и либеральных идей было трудно и в меньшевистской среде верх взяли более радикальные элементы, сохранившие верность ортодоксальному марксизму.

Российское социалистическое движение начала XX столетия не было однородно-марксистским. Наряду с марксистами в нем были представлены и сторонники традиционного русского народнического социализма. На рубеже XIX и XX вв. на основе многочисленных неонароднических групп была создана Партия социалистов-революционеров (эсеров). Идеологом новой партии стал Виктор Михайлович Чернов. Он был одним из разработчиков программы эсеровской партии, принятой в 1906 г. В эсеровской программе можно выделить четыре основных блока: анализ современного капитализма; анализ международного социалистического движения; характеристика условий развития социалистического движения в России; конкретная программа этого движения и каждой сфере общественной жизни – государственно-правовой, хозяйственно-экономической и культурной.

При анализе капитализма особое внимание обращалось на отношение его разрушительных и созидательных сторон. Российский капитализм, по мнению эсеров, характеризовался наименее благоприятным соотношением между творческими, прогрессивны-

ми и темными, разрушительными его тенденциями, особенно в деревне. И группировка социальных сил в стране определялась, как считали эсеры, неблагоприятным соотношением позитивных и негативных сторон капитализма, существованием самодержавно-полицейского режима и сохранением патриархальности. В отличие от социал-демократов, эсеры выделяли не три, а два лагеря: дворянство, буржуазию и высшую бюрократию под эгидой самодержавия, с одной стороны, и промышленный пролетариат, крестьянство и интеллигенцию⁴³.

Свою цель эсеры видели в экспроприации капиталистической собственности и реорганизации общественного строя на социалистических началах при полной победе рабочего класса, организованного в социально-революционную партию. Эсеры были сторонниками демократического социализма, хозяйственной и политической демократии, которая должна была выражаться через профсоюзы, кооперативные союзы и демократическое государство в лице парламента и органов самоуправления. Оригинальность эсеровского социализма заключалась в теории социализации земледелия. Социализация земли означала отмену частной собственности на нее и превращение земли в общенародное достояние без права купли-продажи. Пользование землей должно было быть «уравнительно-трудовым», то есть обеспечивать потребительскую норму на основании приложения собственного труда. Социализация земли, обобществляя землю и ставя в равные условия по отношению к ней все трудовое население, создавала необходимые предпосылки для обобществления земледельческого производства на основе различных форм коопераций.

Важнейшей предпосылкой и органической формой социализма эсеры считали политическую свободу и демократию. Политическая демократия и социализация земли должны были обеспечить мирный, без революции, эволюционный переход России к социализму. В программе эсеров говорилось об установлении демократической республики с такими правами человека, как свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенность личности и жилища, всеобщее и равное избирательное право.

Свою программу общественного переустройства эсеры намеревались отстаивать в Учредительном собрании. Вместе с тем, они заявляли, что будут осуществлять свою программу и явочным порядком. По отношению к самодержавию они были настроены бес-

компромиссно и считали, что свергнуть его можно только революционным путем. Тактические приемы, методы и средства борьбы партии эсеров были разнообразны, они включали агитацию и пропаганду, парламентскую работу и все формы насильственной борьбы, включая стачки, вооруженные восстания и индивидуальный террор. С помощью террора они надеялись сдерживать административный произвол, дезорганизовывать правительство. Террор рассматривался ими как эффективное средство агитации и возбуждения общества. Особое значение придавали они террору, направленному против влиятельных, крайне реакционных государственных деятелей.

Партия эсеров в своей истории пережила ряд расколов. Из ее рядов выделились эсеры-максималисты, по степени своей радикальности близкие к анархистам. В дополнение к подпольной эсеровской партии группа сторонников неонароднической концепции социализма создала в 1906 г. легальную Народно-социалистическую партию. Энесы были близки к эсерам по своим программным установкам, но были менее радикальны в вопросах стратегии и тактики политической борьбы.

Сама же Партия социалистов-революционеров в 1917 г. пережила еще один раскол на правых и левых эсеров. Последние стали союзниками большевиков, а правые эсеры вместе с меньшевиками эволюционировали в направлении социал-реформизма. Однако в целом логика политического процесса в тогдашней России, как показали события 1917 г., шла в ином направлении. Успеха добились те, кто стоял на крайних революционных позициях. Либерализм же, как и варианты «демократического социализма», востребованы не были.

Развитие либерализма и социализма на Западе и в России шло разными путями. Если на Западе в итоге удалось достичь консенсуса между основными политическими движениями и идеологиями, то в России возобладали конфликты и конфронтация. Все это можно объяснить догоняющим характером модернизации российского общества. Сохраняя тесную духовно-идеологическую связь с Западом, российское общество одновременно отставало от него в технологической, экономической и политической модернизации. Социалистические идеи, причем в наиболее радикальной их форме, возобладали и среди русской интеллигенции, и в массовом сознании. Неспособность же царского самодержавия целенаправленно и планомерно

провести необходимые социальные и политические реформы открыла дорогу революционному изменению российского общества со всеми вытекающими из этого процесса последствиями.

- ¹ Козельский Я. П. Философические предложения // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в.. В 2 т. Т. 1. М., 1952.
- ² Замалеев А. Ф., Осипов И. Д. Русская политология: обзор основных направлений. СПб., 1994. С. 45.
- ³ Там же. С. 46
- ⁴ Там же. С. 127–128
- ⁵ Леонтович В. В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995. С. 113–114.
- ⁶ Там же. С. 114.
- ⁷ Грановский Т. Н. Сочинения. М., 1900. С. 445.
- ⁸ Куницын А. П. Энциклопедия прав // Избр. социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 1. М., 1951. С. 594–595.
- ⁹ Там же. С. 647.
- ¹⁰ Там же. С. 596.
- ¹¹ Осипов И. Д. Философия русского либерализма (XIX – начало XX в.). СПб., 1996. С. 60.
- ¹² Там же. С. 85.
- ¹³ Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1990. С. 231.
- ¹⁴ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 3. М., 1889. С. 148.
- ¹⁵ Там же. С. 20.
- ¹⁶ Осипов И. Д. Философия русского либерализма... С. 101.
- ¹⁷ Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия // Новое время. 1990. № 4. С. 42.
- ¹⁸ Франк С. Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993. С. 183.
- ¹⁹ Ковалевский М. М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности (глава из истории прогресса) // Интеллигенция в России. М., 1991. С. 276.
- ²⁰ Там же. С. 282.
- ²¹ Pipes R. Struve. Liberal on Left, 1870–1905 // Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press, 1970; Pipes R. Struve. Liberal on the Right, 1905–1944. Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press, 1980.
- ²² Замалеев А. Ф., Осипов И. Д. Русская политология... С. 140.
- ²³ Шелохаев В. В. Социальная программа русского либерализма // Кентавр. 1995. № 1. С. 110.
- ²⁴ Малинин В. А. История русского утопического социализма (от зарождения до 60-х годов XIX в.). М., 1977. С. 103.
- ²⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1953. С. 71.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Замалеев А. Ф., Осипов И. Д. Русская политология... С. 96.
- ²⁹ Там же. С. 101.
- ³⁰ Малинин В. А. История русского утопического социализма: Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 1991. С. 177.
- ³¹ Там же. С. 189–190.
- ³² Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссенция: Философ-

- ский альманах / Сост. В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. М., 1990. С. 257.
- ³³ *Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 16.
- ³⁴ Там же. С. 222.
- ³⁵ Там же. С. 90.
- ³⁶ Там же. С. 73–74.
- ³⁷ *Ленин В. И.* Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 89.
- ³⁸ Там же. С. 49–50.
- ³⁹ Там же. С. 100.
- ⁴⁰ Там же. С. 100–101
- ⁴¹ Там же. С. 101.
- ⁴² История политических партий России / Под ред. А. И. Зевелева. М., 1994. С. 240.
- ⁴³ Там же. С. 153.

Н. А. Васильева

Особенности участия России в процессе «прогрессирующей вестернизации»

Объективные материально-технические процессы, определившие цивилизационное лицо Запада (формирование индустриального, а затем и постиндустриального общества), требовали для своего развития и функционирования включения других народов. Это означало необходимость проведения модернизации традиционных обществ, что, по терминологии А. Тойнби, означало вестернизацию мира.

Этот процесс «прогрессирующей вестернизации» оказал огромное воздействие на все цивилизационные структуры мира, что выразилось, с одной стороны, во все большей технологической унификации жизни народов, а с другой стороны, западный образ жизни оказал кардинальное воздействие на иерархию духовных и социальных ценностей традиционных культур.

В этой связи необходимо отметить, что мировая политика и возникла именно в условиях процесса «прогрессирующей вестернизации» мирового сообщества, ибо ее приоритеты (борьба за мировое господство и глобальное управление) в полной мере смогли проявиться только в последние триста лет, когда стало формиро-

ваться глобальное индустриальное, а затем и постиндустриальное (или информационное) общество.

В этой связи приобщение к мировой политике так или иначе означает приобщение к западной цивилизации, ибо трудно оспорить факт основополагающего влияния Запада на мировые политические процессы в последние столетия.

Активное модернизаторство началось в России с эпохи Петра I и, как нам представляется, периодизация может выглядеть следующим образом:

1. Царская Россия;
2. Советская Россия;
3. Постсоветская Россия.

Именно стремление разрушить монотонную повторяемость российской действительности, внести в нее дух западного научно-технического динамизма и преобразований подвигнуло Петра I и его последователей (вплоть до прозападно настроенной российской интеллигенции XIX–XX вв. как революционно-демократической, так и либерально-реформаторской) на привитие (часто насильственное) западного духа рационально-позитивистского осмысления и преобразования российской действительности.

Бесспорно, Россия стала частью вестернизированного мира, что дало ей возможность активно включиться в процессы мировой политики, но в разные периоды это выглядело по-разному.

Период царской России характеризовался явным стремлением правящей элиты перенять не столько цивилизационную технико-экономическую оболочку западной модели развития, сколько культурную матрицу, которая представляла собой систему идей и символов, имеющих как уникальные, так и универсальные характеристики. К разряду уникальных, точнее, имманентно присущих западному менталитету свойств, можно отнести идею индивидуализма, рационализма, прагматизма и ряд других, которые и определили специфику западной цивилизации. Универсальными качествами можно считать идеи, воспринятые Западом от античности и христианства, нашедшие свое развитие в концепциях демократии и гуманизма.

К сожалению, культурная модернизация царской России имела ряд серьезных просчетов, что выразилось в тотальном господстве европейских языков и культурных стандартов в правящих кругах России (исчезла связь между народом и правящим классом), а так-

же в радикалистском прочтении идей демократии и гуманизма разночинной интеллигенцией (взлет нигилизма и революционного террора).

Пожалуй, в наиболее полной форме процесс вестернизации или модернизации России проявился в советский период развития страны. В это время акцент был сделан уже на технико-экономической составляющей западной модели развития (создание индустриального общества). Однако логического завершения достигла и культурная вестернизация, которая привела к появлению на базе западных культурных стандартов антизападной модели развития, которую можно охарактеризовать как советскую культуру.

Фактически возникла некая конвергенционность, которая выразилась, в частности, в а) советском варианте «вестернизации», т. е. в стремлении к всемирному распространению и монопольному осуществлению советского пути общественно-экономического развития всеми доступными методами и средствами (войны, государственный терроризм, экономическое и политическое давление); б) технико-экономическом росте, который вылился в безудержную индустриализацию (лозунг: «Догнать и перегнать Запад!»); в) советском варианте осуществления западноевропейских теорий социализма.

Но, пожалуй, самым историческим результатом создания «советской цивилизации» стало полное отторжение России от Запада. Более того, их взаимная враждебность (вопреки, а может, и благодаря очевидной конвергенционности) и противостояние привели мир к невиданной доселе в истории человечества геополитической ситуации: образованию двухполюсного мира, где роль лидеров Запада и Востока стали играть, с одной стороны, США – благодаря мощному экономическому потенциалу, накопленному после II Мировой войны, с другой стороны, Россия (советский вариант названия – Советский Союз) – благодаря тоталитарному режиму эксплуатации природных и людских ресурсов.

Каждая из названных «супердержав», используя свое военное могущество, стремилась к мировому господству, облекая эту цель в различные идеологические доктрины: США хотели установить PAX AMERICANA, а Россия же ставила перед собой большевистскую задачу мировой республики Советов. Жесткая логика войн (как горячих, так и холодных) привела к паразитическому росту милитаризма и антигуманным силовым методам противоборства.

Данный этап советской модернизации закончился разрушением Советского Союза и окончательным превращением западной цивилизации в глобальную экономическую и культурную систему.

Именно с 90-х годов XX в. идет интенсивный процесс формирования глобального сообщества народов, где национально-государственные схемы членения человеческого универсума (А. Неклесса) сменяются интеграционными региональными объединениями.

В то же время доминирование западной цивилизации определило наступление момента истины для культур и регионов, оказавшихся на историческом распутье и вынужденных либо подчиниться господствующей тенденции (найдя в ее русле место под солнцем), либо попытаться предложить собственный оригинальный ответ на вызов времени и обстоятельств.

В рамках мировой политики возникает необходимость выработки активной страновой и региональной стратегии приобщения к процессу вестернизации, что во многом предопределило появление феномена региональной («азиатские тигры») тихоокеанской вестернизации.

В нашей же стране перестроечная сумятица обернулась потерянным десятилетием и лишь после 11 сентября 2002 г. мы окончательно определились с вектором развития в сторону вестернизации.

Фактически можно говорить о начале третьего этапа модернизации России. Этот период определяет абсолютно новые векторы развития. Так, на первый план выходит необходимость формирования не столько цивилизационно-экономической оболочки, сколько культурно-ценностного ядра. И поэтому основное внимание уделяется универсальным идеям демократии и гуманизма, уходящим корнями не только в античное и христианское прошлое Запада, но и в демократические традиции русского Севера, а также в византийский духовно-ценностный мир.

Вновь, как и на рубеже XVIII и XIX вв., Россия, пытаясь найти свое место в мировом процессе модернизации, обращается к идее самоидентификации (поиск национальной идеи). Вновь формируется идейное противостояние западников и славянофилов, но уже в новых условиях неотвратимой глобализации. При этом надо отметить, что глобализация не ведет автоматически к развитию планетарной демократии. Действительно, в пределах национальных государств модернизация содействовала становлению равноправия и

развитию гражданского общества. Однако на просторах мировой политики дела обстоят уже несколько иным образом.

С эпохи Просвещения и до наших дней сохранилась наивная вера в роль экономического процветания как гаранта человеческой свободы, что в настоящее время практически не подтверждается в масштабах глобального сообщества, где экономическое и социальное процветание одного миллиарда землян оборачивается все большей маргинализацией остальных пяти миллиардов. Их участие в процессах модернизации и уже не индустриальной, а информационной вестернизации не уменьшает, а, наоборот, увеличивает разрыв между богатым Севером и бедным Югом Земли.

Именно мировая социальная напряженность приводит к тому, что мировая политика должна стать не формой борьбы за власть тех или иных супердержав, а системой глобального управления, где Россия и должна найти свое адекватное место.

В этом плане чрезвычайно важно развивать наше участие в работе «G8» («Большая восьмерка»), которая имеет все возможности стать полновластным руководителем мирового сообщества, если пойдет по пути расширения за счет принятия в свой коллектив Китая, Индии и Бразилии. Во всяком случае, предложения такого плана Китаю уже делались. В таком варианте процесс модернизации может приобрести действительно демократический акцент, поскольку на уровне ведущих как западных, так и незападных держав можно будет найти мировой политико-экономический консенсус.

Совет Безопасности ООН, видимо, не годится для данных целей, поскольку по своим реальным полномочиям он не ориентирован на решение задач глобального управления. На данном этапе нужен новый и, что особо важно, неформальный (т. е. не стесненный процедурно-бюрократическими рамками) орган по согласованию политики ведущих стран мира.

Поэтому процесс модернизации постсоветской России должен означать не стремление влиться в золотой миллиард, а стремление стать одним из ключевых участников процесса модернизации всего человечества с целью постепенного создания условий для гармоничного сосуществования всех народов Земли.

В этом контексте современный этап модернизации должен означать участие в мировых интеграционных процессах, поскольку интеграция предполагает единство в многообразии, т. е. создание единого цивилизационного каркаса экономической глобализации

при сохранении культурно-ценностного многообразия. Таким образом, возникает реальная возможность выхода из стагнационного процесса унификаторского озападнивания мира (что и привело большую часть человечества в маргинальное состояние), выхода из тупика противостояния Севера и Юга.

Возвращаясь к роли нашей страны в мировых интеграционных процессах, надо отметить большую перспективность российской геополитической ситуации. Фактически мы можем стать важнейшим транспортным коридором, соединяющим Европу и Азию посредством железнодорожной транссибирской магистрали (с учетом железнодорожных путей двух Корей), Северного морского пути и воздушного моста над Северным полюсом.

В этой связи нам важно быть не только географическим соединением разных экономических регионов, но и культурной средой, где исторически традиционно интегрируются культурные ценности разных цивилизаций, создавая особую евразийскую ценностную основу для глобальной интеграции.

И. Н. Барыгин
Региональный имидж
как феномен политической культуры

Региональный дискурс

Категория «дискурс» (от *позднелат.* discursus – рассуждение, довод; *discourse* – *англ.*) – лингвистическая и обществоведческая категория, активно разрабатываемая в рамках постмодернистской *парадигмы* начиная с шестидесятых годов прошлого века (М. Фуко и др.). В самом общем виде определим ее как *относительно общепринятые способы видения и интерпретации окружающей действительности, а также действия субъектов и институциональные формы организации общества, вытекающие из такого видения.*

Эта категория активно используется в рамках таких постмодернистских направлений общественнознания, как постструктурализм, с такими его методологическими атрибутами, как диалогизм, гетерологизм и др.

Применение термина «дискурс» в контексте регионоведческой проблематики является далеко не общепринятым. Так, например, исходя из определения «дискурса и дискурс-формирования» в Большом толковом социологическом словаре¹, где он представлен как «научный язык и язык специалистов, а также выражаемые идеи

и социальные результаты, которые, согласно Фуко, должны считаться главным явлением социальной власти, а не просто способом описания мира», рассматриваемый термин не имеет региональной составляющей.

Исходя из определения дискурса, данного в Социологическом энциклопедическом словаре под ред. акад. Г. В. Осипова, «Дискурс – это вид речевой коммуникации, основывающийся на региональном непредвзятом обсуждении, на попытке дистанцироваться от социальной реальности»², региональная составляющая является одной из важнейших, атрибутивных.

«Словарь современных понятий и терминов» определяет дискурс как «1. Логический довод, мыслительную посылку. 2. Связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. характеристиками, использующийся в особенности для анализа в междисциплинарных областях»³, следовательно, предусматривает поле для региональных и регионоведческих интерпретаций.

Исходя из этого определения, под *региональным дискурсом* будем понимать относительно общепринятые способы видения и интерпретации региона, а также субъектов региональной политики и институциональных форм организации региональных сообществ.

Если по тем или иным существенным параметрам мы можем говорить о проявлении параметров групповой, межгрупповой, коллективной и т. п. идентичности в рамках определенной проблемной территории, мы обязательно обнаруживаем там наличие регионального дискурса.

Под *региональными дискурсивными практиками* будем понимать формы и процедуры использования различных видов дискурсов по поводу производства или воспроизводства региональных идентичностей.

«Социальные региональные диалекты» порождаются в конечном счете социальной и территориальной дифференциацией общества и интенсивностью проявления тех или иных форм социальной деятельности. При этом конкретные формы этой социальной регионализации, естественно, не прикрепляются однозначными признаками к определенным региональным носителям.

Региональный дискурс, соответственно, имеет пространственную и временную координаты.

В период античности Европа не имела строго детерминированных географических рамок и, по мнению «отца истории» Геродота (V в. до н. э.), была одним из трех континентов, на которых существовал как греко-римский мир, так и противостоящий ему мир варваров.

Эта же тенденция прослеживается и в средние века. Так, территория Европы в период Карла Великого (IX в. н. э.), которого порой официально именовали «Отец Европы», ограничивалась пространством Священной Римской империи.

В Новое время границы Европы также претерпевали изменения. Так, например, при Петре Первом и по его инициативе, восточная граница Европы была перенесена с р. Дон к Уральским горам.

Достаточно вольное наполнение термина «европейскость» можно проследить и на других примерах. Так, в частности, термин «европейское государство» до самого последнего времени не применялся относительно Турции, хотя на протяжении около пяти веков, с XIV по XIX вв., она контролировала до четверти территории Европы.

При этом важно подчеркнуть, что творцы соответствующих наполнений терминов всегда преподносили их как единственно истинные и существовавшие постоянно. Следовательно, мы можем говорить о циклах, периодах и ареалах существования того или иного регионального дискурса.

На субрегиональном, относительно рассматриваемого, уровне ситуация выглядит однотипно.

Рассмотрим это на примере анализа дискурсных практик, применяемых для описания современных отношений региональных взаимодействий в регионе Балтийского моря.

Региональные отношения на территориях, примыкающих к Балтийскому морю, представляются и конструируются целым рядом категорий. Среди них – «Балтия» «Страны Балтии», «Прибалтийские страны», «Прибалтийские государства», «Прибалтика», «Прибалтийский регион», «Регион стран Балтийского моря», «Регион Балтийских и Северных стран», «Баренц и Балтийский регион», и т. п.

Благодаря своим географическим, политическим, экономическим параметрам регион стран Балтийского моря (РСБМ) оказывает значительное воздействие на формирование современной систе-

мы международных отношений. На сегодняшний день РСБМ является одним из самых динамично развивающихся регионов Европы.

Понятие «регион стран Балтийского моря» не имеет стабильных и общепринятых в научном сообществе географических границ и является в значительной степени условным. Узкое его понимание базируется на практике приграничной кооперации. В таком смысле в РСБМ чаще всего включают Санкт-Петербург с Ленинградской областью, Калининградскую область, выходящие на Балтику административные единицы Дании, Швеции, Финляндии, Германии, страны Прибалтики, а также северные воеводства Польши. Многие города этих территорий входят в Союз Балтийских городов. Иногда это ядро более широкого региона называют Балтийским поясом.

В геополитическом смысле РСБМ включает в себя государства, имеющие выход к Балтике: Россию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Германию, Данию, Швецию и Финляндию; к числу стран региона иногда относят также находящиеся недалеко от Балтийского моря Норвегию и Белоруссию, которые тесно связаны с указанной группой стран инфраструктурными и др. характеристиками.

В политико-географическом смысле термин не вполне корректен, ибо относительно единая политическая составляющая на национальном уровне в настоящее время отсутствует.

Физико-географическое обоснование РСБМ относит к нему территорию бассейна рек, впадающих в Балтийское море. Тогда к нему относится почти весь Северо-Запад России, прилегающие части Севера и Центра, а также Калининградская область. Из зарубежных государств полностью в Балтийский регион входят Прибалтийские страны – Литва, Латвия и Эстония, практически вся Польша, основная часть Швеции и Финляндия, больше половины территории Дании и почти половина Белоруссии, северо-восток Германии, часть Норвегии, небольшие участки Украины, Чехии и Словакии.

В целях территориального планирования международной программой VASAB-2010 к Балтийскому региону отнесены Дания, Швеция, Норвегия и Финляндия, страны Прибалтики, Польша, Белоруссия, земли Германии – Шлезвиг-Гольштейн, Макленбург-Передняя Померания, Бранденбург, города Берлин и Гамбург. А из субъектов Российской Федерации – Санкт-Петербург, Ленинградская, Псковская и Новгородская области (Северо-Запад Россий-

ской Федерации), Республика Карелия, Мурманская и Калининградская области.

Таким образом существуют принципиальные расхождения в интерпретациях «балтийскости» в зависимости от содержания составляющих «Балтийского региона», «Региона стран Балтийского моря» и т.п.

Однако следует говорить о том, что и словарный запас, и частотные характеристики употребления, и своеобразие символических интерпретаций и нарративных практик для конструирования и представления содержания понятия того или иного региона различны.

Так, например, рассматривая Балтийские страны с точки зрения непосредственного выхода к Балтийскому морю, следует исключать из этих стран Белоруссию, однако с точки зрения моделирования инфраструктуры региона это государство следует включать, ибо оно имеет единую энергетическую систему с рассматриваемыми государствами, и т. д.

Под **нарративом** в нужном нам региональном контексте будем понимать *«формальную оболочку»* *регионоведческого текста или же систему знаков, выражающую автора в контексте определенного языка конкретной исторической эпохи. Это своеобразная маска личного конструирования, представления региона на сиюминутной семантической универсальности*⁴.

Региональные **нарраторы**, (как правило, *субъекты регионального политического процесса, конструирующие дискурс*), т. е. игроки, действующие в соответствии с известными им знаниями о «финале региональной истории», вкладывают важные и / или выгодные для них характеристики в нарративные практики, обеспечивая рамки возможных временных и территориальных региональных интерпретаций.

Своеобразие дискурсивных практик и действий «нарраторов» в регионах Севера и Юга, Востока и Запада и т. д. позволяют говорить о существенных отличиях такой деятельности, а следовательно, о существовании различных региональных дискурсивных практик.

В этой связи следует обратить особое внимание на важность реализации принципа дополнительности в различных «диалоговых» дискурсивных практиках в их региональном измерении. В

основания такого рода практик встраиваются «бинарные оппозиции».

Под «*бинарной оппозицией*» будем понимать парные отношения типа необходимость-случайность, однородность-разнородность, одинаковость-инаковость, фрагментарность-универсальность, раздробленность-целостность, и др., используемые при построении дискурса.

Как пишет современный исследователь Ричард Бернштейн, «не смотря на весь декларативный скептицизм по поводу бинарных оппозиций, (во всех фиксируемых случаях их использования – *И. Б.*), ... – первый полюс оппозиции восхваляется и превозносится, а второй полюс осуждается, маргинализируется, изгоняется»⁵. Действительно, «Запад есть запад, Восток есть восток», «Империя зла» в виде СССР, по мнению идеологов конца холодной войны З. Бжезинского и др., располагалась на «Востоке», современный «Север» всем богат, хорош и отличен во всех отношениях от «плохого» Юга.

Кроме указанной технологии упомянем технологию «использования другого» (Ивэр Нойман) в конструировании регионального дискурса⁶. В определенном отношении она может рассматриваться как более общая форма технологии бинарных оппозиций.

2. Региональный имидж

Под *имиджем* (от *англ.* image – образ, представление) в рассматриваемом нами контексте будем *понимать относительно целостную совокупность, комплекс свойств, создаваемых заинтересованными субъектами – рекламой, пропагандой, модой, традициями и массовыми предрассудками с целью вызвать определенные как внутренние так и внешние реакции по отношению к рассматриваемому объекту.*

Под *региональным имиджем* будем *понимать комплекс свойств, создаваемый заинтересованными субъектами с целью конструирования определенного представления о регионе.* В результате их деятельности мы имеем дело с *комплексом ассоциативных представлений по поводу региона.*

Заказ на тот или иной имидж региона поступает от региональных или иных политических субъектов, он исполняется соответст-

вующими специалистами в исследовательских центрах, агентствах по «Связям с общественностью», средствах массовой информации.

Создание тех или иных форм относительно нейтрально в стабильном обществе и имеет черты радикализма и экстремизма в обществах нестабильных, переходных.

Характеризуя региональный имидж, следует выделить ряд его важнейших черт.

Во-первых, региональный имидж не должен формироваться под конкретную задачу, а реализовывать стратегические цели конструирования и представления региональных интересов.

Во-вторых, имидж региона должен обязательно учитывать ожидания основных⁷ игроков, как внутренних, так и внешних, на данном региональном поле. Здесь следует различать: по характеру проявления – ожидания играющих на повышение и понижение статуса региона; по направленности ожиданий и деятельности – внутренние и внешние действия; по статусу проявления – международные, национальные, государственные или субнациональные, субгосударственные ожидания и действия.

Все ожидания проявляются двояко: как право ожидать определенного поведения или состояния региона в соответствии со своими интересами и как обязанность вести себя, соглашаясь с общепринятыми внутригосударственными и международными нормами права и этикой поведения.

Соответственно, положительный или отрицательный имидж региона должен быть механизмом между социальными ожиданиями, существующим поведением и состоянием региона. Поэтому в положительном имидже нужно так отражать черты региона, чтобы они соответствовали выгодным для него положительным социальным ожиданиям собственного населения и заинтересованных групп и союзников из числа других регионов. При работе с чертами отрицательного имиджа региона следует иметь в виду относительную ограниченность возможностей воздействия на него, ибо, как правило, он формируется вне доступных плоскостей регионального поля.

Наряду с положительными ожиданиями, у региональных конкурентов и противников присутствуют и всегда будут присутствовать ожидания отрицательного характера.

Конкуренты и противники региона (в смысле легальной региональной власти) существуют как внутри него (внутренними экономическими конкурентами региона являются, например, представи-

тели мафиозных структур, полуправильной экономики, сепаратисты, «агенты влияния» и др.), так и за пределами его границ. Если регион транснациональный и трансгосударственный – то и за пределами границ государства или ряда государств (так, например, внешние конкуренты соперничают с тем или иным регионом, например с Россией, Северо-Западным федеральным округом РФ или ЕС по экономическим вопросам и территориальным проблемам, а также по вопросам политических приоритетов).

Конкурентов следует отличать от противников. Если для конкурентов имидж должен содержать «подсказки» направлений путей сотрудничества для разрешения споров, то для противников (врагов) разрабатывается вариант имиджа, работающий на уничтожение соперника.

Это касается, например, имиджа России для международного терроризма и стран, поддерживающих его, объявленных в ряде основополагающих документов, таких, как Концепция национальной безопасности РФ, Доктрина информационной безопасности РФ и др.⁸

В-третьих, социальные ожидания необходимо точно определять. Это делается в процессе социально-психологического и социологического мониторинга, связанного с определением основных ценностей и региональных интересов (симпатий, антипатий, ожиданий, страхов, и т. п.). Это очень важный этап в формировании позитивного и нейтрализации отрицательного имиджа. Как правило, мониторинг осуществляется как по заказу регионального правительства, так и независимыми от него коммерческими службами. Его результаты учитываются при корректировке внутривнутриполитического и внешнеполитического курса региона.

В-четвертых, предварительным этапом проецирования позитивного или начала нейтрализации отрицательного имиджа выступает формирование (подготовка) положительных ожиданий относительно позиций, интересов или поведения региональной власти. При этом положительные ожидания усиливаются, укрепляются и поддерживаются, а отрицательные, наоборот, затушевываются, ослабляются и рассеиваются разнообразными способами и приемами (об этом см. далее).

В-пятых, имидж региона должен быть относительно простым, содержать ограниченное число характеристик или параметров. Он

должен быть достаточно упрощенным, доступным, понятным для большинства жителей как своего, так и соседних регионов.

В-шестых, положительный имидж региона формируется целенаправленно, путем отработки «основных коридоров» положительной региональной информации; стихийный процесс становления имиджа может сделать его неэффективным или даже совсем иным, чем это может ожидаться.

В-седьмых, борьба с отрицательным имиджем ведется также целенаправленно и относительно скоординированно, ибо инстинктивные несоординированные действия делают такого рода борьбу неэффективной.

Резюмируя сказанное, следует констатировать, что:

– Имидж региона формируется под стратегическую цель его развития, т. е. обязательно является прагматичным;

– Имидж региона является реалистичным, т. е. содержит черты, воспринимаемые однозначно как принадлежащие к миру реальному.

– Имидж региона вариативен, т. е. содержит несколько субимиджей для различных потребителей, при этом не является жестким, его «условно-динамичные» образы должны подстраиваться под конкретные региональные интересы.

Имидж государства должен быть целостным, т. е. обладать внутренней непротиворечивостью между историческими культурно-цивилизационными и политико-географическими образами, существующими национально-ценностными и др. конструктами.

Имиджем региона необходимо профессионально управлять через международные, коммерческие, открытые или латентные коммуникационные каналы и технологии, воздействуя на взаимодействующих акторов и общественное мнение через изменяемые гибкие образы регионов и государств.

Деятельность по конструированию имиджа предусматривает следующие *основные формы*: акцентирование информации, архаизация, вербализация, визуализация, внедрение моделей восприятия, дистанцирование, замена целей, использование опросов общественного мнения, контекстное введение знаков, манипулирование информацией, метафоризация, мифологизация информации, нейролингвистическое программирование, подача противоречивых информационных сигналов, подбор формата, эмоционализация тех или иных параметров в региональном измерении⁹.

Акцентирование информации по поводу региона. Предусматривает процедуры замалчивания, подмены, усиления внимания к тем или иным проблемам в жизни региона.

Так, например, пытаюсь создать образ международного терроризма как глобальной проблемы современности, соответственно имеющей конкретное содержание в рамках глобального региона, СМИ большинства стран мира и стоящие за ними политические силы активно освещали проблемы поиска «мирового террориста № 1» Бен-Ладена. Однако провал попыток предъявить его мировому сообществу не находит соответствующего анализа в СМИ.

В России поиски «террориста № 1» Шамиля Басаева ведутся в Чечне многие годы и не имеют положительных результатов. Однако в СМИ как России, так и других стран (за незначительным исключением), не анализируются проблемы, связанные с провалом этой политики в Чечне, с выявлением тех сил, которым нужен живой Басаев для демонстрации реальной угрозы внутренней целостности современной России и представления современной Чеченской республики как «внутренней империи зла».

Архаизация информации по поводу региона. Предусматривает создание массовых образов регионального конструирования и строительства на основе предельно низкого уровня массовых потребностей, ибо массовое поведение строится по законам использования самого низкого уровня потребностей из доступных массам населения региона.

Так, например, используется практика регионального конструирования на основе бинарных оппозиций «свой-чужой» – «Эстония для эстонцев!», «Таджикистан для таджиков!», «Америка для белых!», «Немцам сначала!», «Французам сначала!», «Россия – русским!», и т. п.

Вербализация информации по поводу региона. Предусматривает точный подбор термина или лозунга для выгодного заказчику конструирования региональных процессов.

Термины «перестройка», «ускорение», «Великая Октябрьская социалистическая революция», «комбед», «Госкомстат», «Главпассажиравтотранс» и др. предусматривают развертывание их в регионе СССР, «Революция роз» – Грузию, «Революция гвоздик» – Португалию, «Оранжевая революция» – Украину.

Вербализация часто служит для ложного представления региональных состояний. Так, например, термины «чеченские бандфор-

мирования», «специальная операция российских войск в Чечне» и т. п. создаются для того, чтобы не характеризовать рассматриваемые процессы как «внутрирегиональная гражданская война» в современной России.

Визуализация информации по поводу региона. Представляет собой категорию для обозначения использования наиболее значимого информационного канала для конструирования имиджа региона.

Так, например, *стилизации написания наименований* различных регионов мира с использованием ранее применявшихся начертаний букв – старославянского для регионов России, готического для регионов Германии или Франции, китайских и японских с использованием элементов иероглифического письма, арабских с использованием алфавитов куфик и наксхи служит для улучшения узнаваемости региона и подчеркивания древности его культурных традиций.

Использование в наименовании региона визуальной информации также служит улучшению его узнаваемости. Названия таких государств прошлого, как Невольничий Берег или Берег Слоновой Кости, названия Нижневартковский район (варта-излучина), Лодейно-Польский район и др. в современной России также служат повышению узнаваемости региона по сравнению с теми, которые не используют этого принципа.

Использование в наименованиях регионов конкретных имен исторических деятелей, имеющих узнаваемый портрет, – Александрия, Петербург, Ленинградская область, Вашингтон, Свердловская область, Калининский район – также способствуют повышению уровня эксклюзивности и узнаваемости. Однако это происходит только с теми названиями, где используются имена действительно исторических деятелей. В противном случае использование имени может нанести вред региону, ибо названия типа Урицкий район, как и Калининская обл., не могут использовать потенциала действительно исторического деятеля в современных условиях, хотя исторически, в период СССР, рассматриваемая функция реализовывалась с достаточной степенью полноты.

Важнейшими элементами визуализации информации о регионе является использование региональных и государственных флага, герба, эмблемы¹⁰.

Рассмотрим более подробно флаг, в первую очередь государственный. Его задача, как и многих других рассматриваемых элемен-

тов, – создание определенного уровня эксклюзивности и узнаваемости регионального образования. В работе современного российского исследователя А. Кирюнина «Имидж региона»¹¹ обращается внимание на эти составляющие в национальных флагах государств:

«Флаг, использующий только один цвет – зеленый, принадлежит Ливии.

Самый пестрый флаг – у островного государства Кирибати на западе Тихого океана.

Обладательницей единственного квадратного флага является Швейцария.

Наиболее необычную форму имеет флаг Непала – два соединенных треугольных флага, расположенных один над другим. Флаг Парагвая – единственный, у которого разные рисунки на сторонах полотнища.

Символ солнца присутствует на многих флагах, но наиболее известен “солнечный диск” Японии, символизирующий как название страны Нихон-Коку – “Страна восходящего солнца”, так и религиозную веру в то, что император ведет свой род от солнца.

Флаг с наибольшим количеством звезд принадлежит Соединенным Штатам Америки (кстати, он же является флагом, изменяющимся наибольшее число раз в современной истории).

Самое большое животное, представленное на флаге, – лев на флаге Шри-Ланки. На флаге королевства Бутан (“Страна грозового дракона”) изображен гигантский черно-белый дракон. Самая большая птица на флаге – двуглавый орел Албании. Самым большим изображением растения является кленовый лист на флаге Канады.

Некоторые флаги различаются благодаря символам, представляющим какую-нибудь религию или философию. Это крест на «старых» европейских флагах, шестиконечная “звезда Давида” на флаге Израиля, звезда и полумесяц на флагах многих исламских стран, драхма (“колесо закона”) на флаге Индии, символ “Инь-Ян” (единство и борьба противоположностей) и триграммы “И-цзин” (элементы системы предсказаний) на флаге Южной Кореи.

Привлекает внимание изображение на флагах реалий современного мира, в частности, изображение автомата Калашникова на флаге Мозамбика.

Единственным флагом с надписью, которая является принципиальной деталью, остается флаг Саудовской Аравии, где на зеле-

ном фоне, над белой саблей, по-арабски написано: “Нет бога выше Аллаха, и Мохаммед – пророк его”.

На флаге Руанды на центральной желтой полосе поставлено “R” для того чтобы можно было отличить этот флаг от флага Гвинеи».

Не составляют исключения в этом плане и флаги регионов современной России. Так, например, на флаге (и гербе) Удмуртской республики содержится восьмиконечный знак-оберег. На флаге республики Хакассия в центре зеленой полосы изображен золотисто-белого цвета солярный знак, представляющий собой геометрическую фигуру из окружности, вписанной в два перпендикулярно расположенных ромба. На флаге Чувашской республики находятся символические элементы «Древо жизни» и «Три солнца».

Внедрение моделей восприятия региональной информации.

Под понятием *внедрение моделей восприятия региональной информации* будем понимать *категорию теории массовых коммуникаций для обозначения технологий встраивания в массовое и индивидуальное сознание жителей региона определенных стереотипических образов.*

Благодаря внедрению моделей восприятия региональной информации трансформируются уже сложившиеся в обществе коммуникативные потоки. Коммуникация лежит в основе продвижения образа любого региона в сознание населения как региона, так и среды. Путем изменения содержания и интенсивности коммуникаций можно добиться изменений в восприятии образа региона в массовом сознании, что может привести к социальным изменениям. Это возможно по ряду причин, основными из которых являются следующие:

1. Поведение индивидов и групп в любой среде, в том числе региональной можно правильно понять только учитывая его коммуникативную составляющую.

2. Коммуникативная составляющая является одним из важнейших средств включения региона во внешнюю среду.

3. Одним из существенных элементов системы восприятия региональной информации является подсистема мониторинга восприятия региональной информации.

4. Открытость по отношению к внешней среде способствует восприимчивости региона к инновациям.

5. Инновационная политика в сфере внедрения моделей региональной информации более предпочтительна, если окружающая среда относительно быстро меняется, нежели при стабильных внешних условиях ее существования.

6. Регионы, которые стремятся контролировать и влиять на внешние условия, а не приспосабливаться к ним, уделяют больше внимания инновационной составляющей внедрения моделей восприятия региональной информации.

7. Каналы формальной и неформальной коммуникаций в регионе взаимосвязаны, не взаимозаменяемы.

8. В регионе каналы формальной и неформальной коммуникации взаимно дополняют друг друга. Наличие неформальных каналов информации не свидетельствует о том, что формальная организационная структура не полностью выполняет свои задачи.

9. В регионе горизонтальные потоки сообщений интенсивнее вертикальных.

12. Потоки сообщений «сверху вниз» в регионе интенсивнее потоков «снизу вверх».

13. Потоки сообщений «снизу вверх» чаще содержат позитивную информацию о результатах работы, нежели негативную.

Наиболее эффективной средой для продвижения образов региона является визуальная среда. В этой среде наиболее массовым и эмоциональным воздействием обладают телевидение и Интернет – электронные СМИ. Сегодня общество с помощью телевидения и Интернета узнает не только о новостях, отражающих жизнь того или иного региона, но и проникается ее образами. Телевидение и Интернет позволяют визуализировать образы региона, оживить их и позиционировать с теми или иными событиями и процессами. К сожалению, многие нынешние владельцы и учредители ТВ-каналов не учитывают (или нарочито игнорируют) свои возможности при продвижении позитивного образа в сознание национальной и мировой общественности. Поэтому представляемые образы региона недостаточно эффективно работают на его интересы.

Дистанцированием будем называть технологии отстранения и ухода от ответственности реально отвечающих за тот или иной процесс региональных лидеров. Так, например, уже второй президент современной России не может завершить войну в Чечне. Президенты стран НАТО не знали об отсутствии в Ираке средств массового поражения, а руководители стран, затронутых последст-

виями землетрясения в Юго-Восточной Азии в конце декабря 2004 г. *не знали* об отсутствии эффективной системы предупреждения о стихийных бедствиях в этих странах.

Под *заменой целей* будем понимать категорию *прикладной теории коммуникаций для обозначения технологии замещения в массовом сознании реальной цели мнимой или мнимыми*. Так, например, ультралиберальная политика современного российского руководства, продолжающаяся уже не первое десятилетие, представляется как сиюминутный экономический прагматизм, а партии власти зачастую публично не обнаруживают своих целей.

Кроме рассмотренных подробно, инструментами конструирования регионального имиджа могут выступать такие методы, как использование опросов общественного мнения, контекстное введение знаков, манипулирование информацией, метафоризация, мифологизация информации, нейролингвистическое программирование, подача противоречивых информационных сигналов, подбор формата, эмоционализация тех или иных параметров в региональном измерении¹².

Взаимосвязь ландшафта и статуса территорий

Под *ландшафтом* принято понимать *изображение местности*¹³, а также *однородную по условиям развития природную систему*¹⁴. Это «лишенное разрывов и пустот сплошное телесно и семантически пространство сопряжения природных и культурных компонентов на земной поверхности; каждое место имеет смысл, и он связан с природной основой ландшафта и его пространственным положением. Ландшафт – одновременно земное и семантическое пространство... Земное пространство может не быть ландшафтом¹⁵.

Ландшафт может быть географическим, природным, культурным и др. В случае культурного ландшафта мы выделяем относительно однородную по степени изменений в результате социальной деятельности человека природную систему.

В контексте нашей темы под *статусом* будем называть *положение, позицию, ранг региона или его части в системе внутрирегиональных и межрегиональных отношений*.

В определенных отношениях категориальный ряд, характеризующий понятия ландшафта и статуса, можно представить как тождественный.

Под *центром с точки зрения статуса* будем понимать главную, активную, наиболее организованную, целеопределяющую часть пространственно-временной геосреды территории.

Под *провинцией* будем понимать часть территории региона, отдаленную от крупных центров; это *определенная пространственно-временная геосреда, в которой развиваются как элементарные, так и сложные социальные системы.*¹⁶

Под *периферией* с точки зрения статуса – *подчиненную, зависимую, относительно несамостоятельную, целеисполняющую часть пространственно-временной геосреды территории.*

Под *приграничьем* будем понимать *относительно обширную территорию, при этом в определенной степени несамостоятельную, примыкающую к границе и помогающую реализовывать, отчасти функции последней.*

Под *пограничьем* будем понимать *территорию, непосредственно примыкающую к границе и обеспечивающую реализацию ее функций.*

Под *границей* будем понимать общенаучный термин, означающий *линию относительного разделения неоднозначного.* Границы классифицируются по: 1. Функциям – соотношению барьерной, контактной, фильтрующей функций, кроме того – отражения, отделения, регулирования и сопоставления; 2. Происхождению – традиционные, возникшие в результате переговоров, навязанные в одностороннем порядке (вызывающие и не вызывающие споров); 3. Истории существования – колониальные, административные и др. 4. Длительности существования – по времени от краткосрочных до стабильных несмотря на смену государства. 5. Историческим условиям и последовательности возникновения – компенсационные, послевоенные, навязанные, колониальные и др. 6. Природным особенностям – оро- и гидрографические, горные и др. 7. Морфологии – прямые, извилистые, «астрономические», «геометрические» и др.

Как географический термин «*граница*» – линия, определяющая пределы региональной или государственной *территории.*

В *регионоведении* граница может быть:

а) оформленной юридически политической границей. Таковые существуют между макрорегионами («Север» и «ЮГ» ЕС, НАФТА, НАТО, СНГ, ОАГ и др.), между мидирегионами – странами, областями, провинциями, землями внутри стран, между микрорегионами – коммунарами, муниципалитетами, районами и т. п.;

б) фактической границей между ареалами идентичностей (структура соответствует структуре пункта «а»).

Граница по степени контролируемости может быть контролируемой полностью, частично или неконтролируемой как сопряженными региональными субъектами, так и каждым из них.

По типу отношений граница может быть отчуждающей, относительно пронизываемой, соединяющей или интеграционной.

В геополитике существует два вида границ: граница-линия и граница-полоса. Граница-линия представляет собой морскую границу. Граница-полоса – сухопутную. Задача геополитического блока, претендующего на действия в планетарном масштабе, – сделать границы-линии максимальными для себя и минимальными для соперника, и наоборот.

В регионалистике важную роль имеет термин «контрастность границы», под которым понимается степень экономической, политической и социокультурной непохожести регионов по обе стороны границы.

В материалах таблиц 4.1 и 4.2 представлены возможные соотношения между перечисленными параметрами статуса и ландшафта в общетеоретическом плане и на примере евровегиона Бодензи (части территорий Австрии, Германии, Швейцарии и Лихтенштейна).

Как правило, статус региона является определяющей по отношению к ландшафтной составляющей характеристикой.

Кратко обратим внимание на некоторые особенности, противоречия и проблемы, которые возникают в современной России в связи с попытками интерпретаций территории с точки зрения взаимоотношений ландшафта и статуса.

Поморье применительно к Белому морю – это в первую очередь территория для поселения, это периферия, в отличие от Приморья на Дальнем Востоке – территории приграничной.

Причерноморье и Приазовье, Прииртышье и Приобье, Приуралье и Зауралье и т. п. – это также провинциальные территории,

ибо мембранные функции границ для них являются далеко не основными.

Обратимся к некоторым особенностям федеральных округов современной РФ с точки зрения соответствия их статусных названий соответствующей ландшафтной нише.

Северо-западный федеральный округ ограничивает своим названием территорию России размерами Московского княжества, ибо большинство территорий по Северному ледовитому океану не принадлежат этому округу. Он не охватывает северных территорий с точки зрения ландшафта.

Приволжский федеральный округ охватывает далеко не все территории, прилегающие к р. Волге, следовательно, также описывает только некоторый «центр» Приволжья.

Центральный федеральный округ далеко не в центре России с точки зрения как территории, так и ландшафта, это *статусный центр* относительно Москвы, но это комплекс провинций с точки зрения ландшафта.

Уральский федеральный округ прихватывает часть Западной Сибири, соответственно, не соответствует географической ландшафтной структуре поименованной территории.

Сибирский федеральный округ имеет в своем составе только ее часть, следовательно, наименование округа также по меньшей мере не очень удачно.

Южный федеральный округ – название, которое сужает территорию России до размеров Московского княжества, также как и недавно рассмотренный Северо-западный федеральный округ, ибо большинство южных территорий современной России, в первую очередь в Сибири и на Дальнем Востоке не входят в территорию данного округа.

Итак, что следует из того, что в современной России Юг не является частью Южного Федерального округа, Север – частью Северо-Западного. В первую очередь приведенный анализ показывает несовершенство, незавершенность статусно-ландшафтных конструкций, которыми вынуждено пользоваться население страны и всего мира.

Эта незавершенность должна рано или поздно привести к терминологической определенности, если мы хотим, чтобы территории эти стали нашими не только формально, но и содержательно, с

точки зрения адекватного вписывания их в статусно-ландшафтную региональную структуру Евразии.

- ¹ Джери Д. и Ю. Большой толковый социологический словарь. Т. 1–2. М.: Вече, 1999. С. 184.
- ² Социологический энциклопедический словарь / Под ред Г. В. Осипова. М.: Инфра-М-НОРМА, 1998. С. 73.
- ³ Бунимович Н. Т. и др. Словарь современных понятий и терминов. Изд. 4-е. М.: Республика, 2002. С. 128.
- ⁴ По этому вопросу см. также раздел 1.4 настоящей работы.
- ⁵ Bernstein R. J. The New Constellation: The Ethnical-Political Horizons of Modernity / Postmodernity. Cambridge: Polity, 1991. P. 310.
- ⁶ Нойманн-Ивер Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. См. также: Iver B. Neumann. Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. Univ. of Minnesota Press, 1998.
- ⁷ На государственном уровне фундаментальная разработка этих проблем применительно к России содержится в: *Кашилев Ю., Галузов Э.* Информация и PR в международных отношениях. М.: Известия, 2003. С. 362–366; и др.
- ⁸ Доктрина информационной безопасности РФ. Российская газета. 10.09.2000; Концепция национальной безопасности РФ.
- ⁹ По данному вопросу см. подробнее, напр.: *Мехлер Г.* Власть и магия PR. СПб: Питер, 2004; *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. Киев: Рефл-бук, Ваклер, 2000; его же: *Имеджелогия.* Киев: Рефл-бук, Ваклер, 2000, и др.
- ¹⁰ См. подробнее, напр.: *Бурков В. Г.* Государственная геральдика и вексиллология: Россия, СНГ, Европа, Америка. СПб.: Изд-во «ЭГО», 2004. С. 241–253 (здесь же содержится подробная библиография по рассматриваемым проблемам).
- ¹¹ *Кириунин А. Е.* Имидж региона. М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 60–61.
- ¹² См. подробнее, напр.: *Ольшевский А. С., Ольшевская А. С.* Негативные PR-технологии. М.: ИНФРА-М, 2004; *Почепцов Г. Г.* Имиджелогия. М.-Киев: Рефл-бук - Ваклер, 2000; и др.
- ¹³ Геополитика // Авт.-сост. В. Барিশполец, Д. Барিশполец. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. С. 291.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 61.
- ¹⁶ Социологический энциклопедический словарь... С. 265.

Таблица 4.3.1. Основные типы взаимосвязи ландшафта и статуса территорий

Ландшафт	Статус						
	Центр	Провинция	Периферия	Приграничье	Пограничье	Трансграничье	Граница
Центр	Центр во всех отношениях	Провинциальный центр	Периферийный центр	Приграничный центр	Пограничный центр	Трансграничный центр	Граничный центр
Провинция	Центральная провинция	Провинция во всех отношениях	Периферийная провинция	Приграничная провинция	Пограничная провинция	Трансграничная провинция	Граничная провинция
Периферия	Центральная периферия	Провинциальная периферия	Периферия во всех отношениях	Приграничная периферия	Пограничная периферия	Трансграничная периферия	Граничная периферия
Приграничье	Центральное приграничье	Провинциальное приграничье	Периферийное приграничье	Приграничье во всех отношениях	Пограничное приграничье	Трансграничное приграничье	Граничное приграничье
Пограничье	Центральное пограничье	Провинциальное пограничье	Периферийное пограничье	Приграничное пограничье	Пограничное пограничье	Трансграничное пограничье	Граничное пограничье
Трансграничье	Центральное трансграничье	Провинциальное трансграничье	Периферийное трансграничье	Приграничное трансграничье	Пограничное трансграничье	Трансграничное во всех отношениях	Граничное трансграничье
Граница	Центральная граница	Провинциальная граница	Периферийная граница	Приграничная граница	Пограничная граница	Трансграничная граница	Граница во всех отношениях

Таблица 4.2.1 Матрица соотношения статусных и ландшафтных характеристик (учебное задание)
 Еврорегион Бодензи (Австрия, Германия, Швейцария и приграничные регионы Лихтенштейна)
 (автор – Шибалова Ю. Ю., магистрантка I курса ФМО СПбГУ, 2005 г.)

Центр	Центр	Провинция	Периферия	Пограничье	Приграничье	Граница
Центр	Konstanz (Landkreis Konstanz), Kreuzlingen (Кантон Thurgau), Bodensee Kreis	Zürich (Кантон Zürich), Bregenz (Bundesland Vorarlberg)	Uhdingen-Mühlhofen (Bodensee Kreis), Vaduz (Fürstentum Liechtenstein)	Walzenhausen (Кантон Appenzell Ausser Rhodен), Rehetobel (Кантон Appenzell Inner Rhoden)	Dombim (Bundesland Vorarlberg), Radolfzell (Landkreis Konstanz)	Kempten (Landkreis Oberallgau), Bad Saulgau (Landkreis Sigmaringen)
Провинция	Lindau (Landkreis Lindau)	Weißensberg (Landkreis Lindau)	Langenegg (Bundesland Vorarlberg)	Weitnau (Landkreis Oberallgau)	Kreenheinstetten (Landkreis Sigmaringen)	Barzheim (Kanton Schaffhausen) на границе Швейцарии с Германией (Landkreis Konstanz)
Периферия	Schaffhausen (Kanton Schaffhausen)	Triesenberg (Fürstentum Liechtenstein)	Veringendorf (Landkreis Sigmaringen)	Riggel (Княжество Лихтенштейн) и Pfäfers (Sankt Gallen Kanton) Швейцария	Malbun (Княжество Лихтенштейн)	Oberlingen (Bodensee Kreis) граница с Германией
Пограничье	Tübach (Sankt Gallen Kanton – Швейцария) через Боденское озеро (в центре) граничит с Германией	Obersdorf (Landkreis Oberallgau, Германия) и Langen (Bundesland Vorarlberg, Австрия)	Rielasingen-Worblingen (Landkreis Konstanz) и Ramsen (Kanton Schaffhausen)	Baizern (Княжество Лихтенштейн), Gaschum (Bundesland Vorarlberg)	Lochau (Bundesland Vorarlberg) – Kressbrunn (Bodensee Kreis)	Граничное пограничное зона со стороны Кантаона Sankt Gallen и со стороны Княжества Лихтенштейн

Центр	Провинция	Периферия	Пограничье	Приграничье	Граница
Центр Weiler (Landkreis Lindau) в центре в Приграничном районе Германии с Австрией Bundesland Vorarlberg	Провинция Burghs (кантон Sankt Gallen) – Triesen (Княжество Лихтенштейн)	Периферия Bodnegg (Landkreis Ravensburg)	Пограничье Bargen (Kanton Schaffhausen) с остальной частью Германии и одному из нем. регионов Бодензи Landkreis Konstanz	Приграничье Steckbom (Kanton Thurgau) – Bodensee Kreis	Граница Приграничная граница Bundesland Vorarlberg (Австрия) и, например, швейцарского кантона Sankt Gallen
Граница Konztanz (Landkreis Konstanz) на Бодензи граничит с Центральным Швейцарским кантоном Thurgau	Провинция Thal (Sankt Gallen Kanton) – Wasserburg (Landkreis Lindau)	Периферия Hittisau (Bundesland Vorarlberg) - Scheidegg (Kanton Lindau)	Пограничье Gaienhofen (Landkreis Konstanz, Германия) - Gottlieben (Kanton Thurgau, Швейцария)	Приграничье Allensbach (Landkreis Konstanz, Германия) - Tübach (Sankt GallenKanton)	Граница Нейтральная полоса между пограничными постами вокруг территории Швейцарии, не входящей в Шенгенское пространство

Таблица 4.2.2 Матрица соотношения статусных и ландшафтных характеристик (учебное задание) Псковская область РФ (автор – Баранчик М., магистрант 1 курса ФМО СПбГУ., 2005 г.)

Наименование Показателя	Центр	Провинция	Периферия	Пограничье	Приграничье	Граница
Центр	г. Псков	Струги Красные	Дно	Пыталово	Изборск	Печоры
Провинция	Великие Луки	Церквище	Невель	Куныя	Усвяты	Себеж
Периферия	Новосокольники	Новоржев	Локня	Идрица	Себеж	Р-н г.Себеж
Пограничье	Дедовичи	Остров	Большое Загорье	Порхов	Дно	Р-н г.Дно
Приграничье	Самолва	Пустошка	Порхов	Ямм	Гдов	Р-н Гдова
Граница	Дно	Порхов	Молоди	Сиковицы	Плосса	Запlossье

Сведения об авторах

Гревцов Юрий Иванович – доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Макарова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент Новгородского государственного университета

Козлов Николай Дмитриевич - доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина

Ачкасов Валерий Алексеевич – доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Мигуценко Олег Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Курский филиал Орловского юридического института МВД России

Якубовская Ирина Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент Новгородского государственного университета

Кулагин Роман Александрович – кандидат исторических наук, доцент Балтийской академии туризма и предпринимательства, г. Санкт-Петербург

Ланцов Сергей Алексеевич – доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Васильева Наталия Алексеевна – доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Барыгин Игорь Николаевич – доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Карцов Алексей Сергеевич – кандидат политических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» была инициирована Министерством образования Российской Федерации, «ИНО-Центром (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в 2000 г.

Целью Программы является расширение сферы научных исследований в области общественных и гуманитарных наук, повышение качества фундаментальных и прикладных исследований, развитие уже существующих научных школ и содействие становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечение более тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Центральным элементом Программы являются девять Межрегиональных институтов общественных наук (МИОН), действующих на базе Воронежского, Дальневосточного, Иркутского, Калининградского, Новгородского, Ростовского, Саратовского, Томского и Уральского государственных университетов. «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» осуществляет координацию и комплексную поддержку деятельности Межрегиональных институтов общественных наук.

Кроме того, Программа ежегодно проводит общероссийские конкурсы на соискание индивидуальных и коллективных грантов в области общественных и гуманитарных наук. Гранты предоставляются российским ученым на научные исследования и поддержку академической мобильности.

Наряду с индивидуальными грантами большое значение придается созданию в рамках Программы дополнительных возможностей для профессионального развития грантополучателей Программы: проводятся российские и международные конференции, семинары, круглые столы; организуются международные научно-исследовательские проекты и стажировки; большое внимание уделяется изданию и распространению результатов научно-исследовательских работ грантополучателей; создаются условия для участия грантополучателей в проектах других доноров и партнерских организаций.

Адрес: 107078, Москва, Почтамт, а/я 231

Электронная почта: info@ino-center.ru,

Адрес в Интернете: www.ino-center.ru, www.iriss.ru

Министерство образования и науки Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику в сфере образования, научной, научно-технической и инновационной деятельности, развития федеральных центров науки и высоких технологий, государственных научных центров и наукоградов, интеллектуальной собственности, а также в сфере молодежной политики, воспитания, опеки, попечительства, социальной поддержки и социальной защиты обучающихся и воспитанников образовательных учреждений.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Федерального агентства по науке и инновациям и Федерального агентства по образованию.

Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями.

АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» – российская благотворительная организация, созданная с целью содействия развитию общественных и гуманитарных наук в России; развития творческой активности и научного потенциала российского общества.

Основными видами деятельности являются: поддержка и организация научных исследований в области политологии, социологии, отечественной истории, экономики, права; разработка и организация научно-образовательных программ, нацеленных на возрождение лучших традиций российской науки и образования, основанных на прогрессивных общечеловеческих ценностях; содействие внедрению современных технологий в исследовательскую работу и высшее образование в сфере гуманитарных и общественных наук; содействие институциональному развитию научных и образовательных институтов в России; поддержка развития межрегионального и международного научного сотрудничества.

Институт имени Кеннана был основан по инициативе Джорджа Ф. Кеннана, Джеймса Билдингтона, и Фредерика Старра как подразделение Международного научного центра имени Вудро Вильсона, являющегося официальным памятником 28-му президенту США. Кеннан, Биллингтон и Старр относятся к числу ведущих американских исследователей российской жизни и научной мысли. Созданному институту они решили присвоить имя Джорджа Кеннана Старшего, известного американского журналиста и путешественника XIX века, который благодаря своим стараниям и книгам о России сыграл важную роль в развитии лучшего понимания американцами этой страны. Следуя традициям, институт способствует углублению и обогащению американского представления о России и других странах бывшего СССР. Как и другие программы Центра Вудро Вильсона, он ценит свою независимость от мира политики и стремится распространять знания, не отдавая предпочтения какой-либо политической позиции и взглядам.

Корпорация Карнеги в Нью-Йорке (США) основана Эндрю Карнеги в 1911 г. в целях поддержки «развития и распространения знаний и понимания». Деятельность Корпорации Карнеги как благотворительного фонда строится в соответствии со

взглядами Эндрю Карнеги на филантропию, которая, по его словам, должна «творить реальное и прочное добро в этом мире».

Приоритетными направлениями деятельности Корпорации Карнеги являются: образование, обеспечение международной безопасности и разоружения, международное развитие, укрепление демократии.

Программы и направления, составляющие ныне содержание работы Корпорации, формировались постепенно, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам. Принятые на сегодня программы согласуются как с исторической миссией, так и наследием Корпорации Карнеги, обеспечивая преемственность в ее работе.

В XXI столетии Корпорация Карнеги ставит перед собой сложную задачу продолжения содействия развитию мирового сообщества.

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) – частная благотворительная организация, основанная в 1978 г. Штаб-квартира Фонда находится в г. Чикаго (США). С осени 1992 г. Фонд имеет представительство в Москве и осуществляет программу финансовой поддержки проектов в России и других независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР.

Фонд оказывает содействие группам и частным лицам, стремящимся добиться устойчивых улучшений в условиях жизни людей. Фонд стремится способствовать развитию здоровых личностей и эффективных сообществ; поддержанию мира между государствами и народами и внутри них самих; осуществлению ответственного выбора в области репродукции человека; а также сохранению глобальной экосистемы, способной к поддержанию здоровых человеческих обществ. Фонд реализует эти задачи путем поддержки исследований, разработок в сфере формирования политики, деятельности по распространению результатов, просвещения и профессиональной подготовки, и практической деятельности.

Научное издание

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ
КУЛЬТУРЫ РОССИИ.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ВЛИЯНИЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО ФАКТОРА**

**Часть 1. Россия-Запад:
истоки политической и правовой культуры**

Коллективная монография

Редактор В. И. Макаров

Компьютерная верстка Е. В. Горбачева

Лицензия ЛР № 020815 от 21.09.1998.

Подписано в печать 20.09.2006. Тираж 500 экз.

Физ. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,75. Формат 60 * 90 ¹/₁₆. Гарнитура *Times New Roman*.
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.
173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

Лицензия ПЛД № 56–39.

Отпечатано в ЗАО «Новгородский ТЕХНОПАРК».

173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41; тел. (816 2) 62-78-88.